

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 15 № 3

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 15 # 3

Москва

2018

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
 д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
 д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
 д. пс. н. Боговяленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
 д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
 д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
 д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль, РФ)
 д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пед. н. Малюфеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
 д. пс. н. Нечаев Н. Н. (МГППУ, Москва, РФ)
 д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Рубцов В. В. (МГППУ, Москва, РФ)
 д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
 д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
 д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ИП РАН, Москва, РФ)
 д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
 д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
 д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
 Ph. D. Бернард Р. М. (Конкордия, Монреаль, Канада)
 Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
 д. пс. н. Величковский Б. М. (ТУ, Дрезден, Германия)
 д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
 д. пс. н. Долгова В. И. (ЮрГППУ, Челябинск, РФ)
 д. пс. н. Журавлев А. Л. (ИП РАН, Москва, РФ)

Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)
 д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
 д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
 д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
 Ph. D. Секейра Э. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
 Dr. Стоич Л. (Висока школа академских студија "Доситеј", Белград, Сербия)
 д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
 д. пс. н. Хотинцев В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
 д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь – Обухова Ю. В.

Редакторы английской части – Колесина К. Ю., Панасенко Е. С.

Ведущая редактор – Буняева М. В.

Компьютерная верстка – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, д. 13, ком. 518,
 г. Ростов-на-Дону, РФ, 344038
 Тел. (863) 218-40-00 (доб.
 11637)
 E-mail: rpi@bk.ru

Адрес издательства:

ул. Ярославская, д. 13,
 г. Москва, РФ, 129366
 Тел./ факс (495) 283-55-30
 E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

ул. Моховая, д. 11, стр. 9,
 г. Москва, РФ, 125009
 E-mail: russpsysoc@gmail.com

Перепечатка материалов возможна
 только по согласованию с Редакцией.

ISSN 1812–1853. Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»

Подписной индекс 46723

© Российское психологическое общество, 2018

© ООО "КРЕДО", 2018

rpi.ru.com

Russian Psychological Journal**Founder** – Russian Psychological Society**Editor in Chief** – Zinchenko Ju. P. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)**Deputy Editor in Chief** – Ermakov P. N. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)**Editorial Council**

Abakumova I. V. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)	Karpov A. V. (YSU, Yaroslavl, Russia)
Akopov G. V. (SSUSSE, Samara, Russia)	Labunskaya V. A. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)
Asmolov A. G. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)	Malopheyev N. N. (ICP RAE, Moscow, Russia)
Babenko V. V. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)	Nechaev N. N. (MSUPE, Moscow, Russia)
Bezrukikh M. M. (IDP RAE, Moscow, Russia)	Rean A. A. (Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Bogoyavlenskaya D. B. (PI RAE, Moscow, Russia)	Rubtsov V. V. (MSUPE, Moscow, Russia)
Dontsov A. I. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)	Ribnikov V. Ju. (RCERM, St. Petersburg, Russia)
Grigoriev P. E. (SEVSU, Sevastopol, Russia)	Skuratovskaya M. L. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)
Karabushchenko N. B. (RUDN University, Moscow, Russia)	Tkhostov A. Sh. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)
Karayani A. G. (Military University, Moscow, Russia)	Fedotova O. D. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)
	Chernorizov A. M. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Editorial Board

Alexandrov Yu. I. (IP RAS, Moscow, Russia)	Kronik A. A. (Institute of Causometry, Washington D.C., USA)
Belianin V. P. (University of Toronto, Toronto, Canada)	Manzhelei I.V. (TSU, Tyumen, Russia)
Berberian A. S. (RAU, Yerevan, Armenia)	Masalimova A.R. (Kazan University, Kazan, Russia)
Bogomaz S. A. (TSU, Tomsk, Russia)	Povzun V. D. (SurSU, Surgut, Russia)
Bernard R. M. (Concordia University, Montreal, Canada)	Sequeira H. (Lille 1 University, Lille, France)
Borokhovski E. (Concordia University, Montreal, Canada)	Khairullina E. R. (KNRTU, Kazan, Russia)
Velichkovsky B. M. (TU, Dresden, Germany)	Khotinets V. Yu. (UdSU, Izhevsk, Russia)
Vorobyeva E. V. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)	Stosic L. (College "Dositej", Belgrad, Serbia)
Dolgova V. I. (SUSHPU, Chelyabinsk, Russia)	Tsvetkova L. A. (SPSU, St. Petersburg, Russia)
Zhuravlev A. L. (IP RAS, Moscow, Russia)	Shaidullina A. R. (ASOI, Almet'yevsk, Russia)

Executive Editor	– Ju. V. Obukhova
English Editors	– K. Yu. Kolesina, E. S. Panasenko
Managing Editor	– M. V. Bunyaeva
Page settings	– E. A. Pronenko

Editorial office:	Publisher address:	Founder address:
Nagibin Av., b. 13, of. 518, Rostov-on-Don, Russia, 344038 Tel. (863) 218-40-00 (ext. 11637) E-mail: rjpb@bk.ru	Yaroslavskaya Str., b. 13, Moscow, Russia, 129366 Tel./fax (495) 283-55-30 E-mail: izd.kredo@gmail.com	Mokhovaya Str., b. 11/9, Moscow, Russia, 125009 E-mail: ruspsysoc@gmail.com

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

ISSN 1812-1853. Subscription catalogue of Russian Press Agency «Newspapers, Journals»
Subscription code 46723

© Russian Psychological Society, 2018

© ООО "CREDO", 2018

rjpb.ru.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Каминский И. В., Леонов С. В.

Развитие взглядов на взаимосвязь произвольного движения и его мысленного образа. 8

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глозман Ж. М., Наумова В. А.

Жизненный опыт как потенциал успешного старения. 25

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бабкина Н. В.

Система психологического сопровождения образования детей с задержкой психического развития. 52

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Расулов А. Р., Алиева Р. Р., Талыбова К. Е., Зейналова А. Г., Алиева Г. Н., Исмаилов Ф. Н.

Психическое здоровье и применение антипсихотических препаратов в практике психолого-медицинского сопровождения амбулаторных больных в Азербайджане. 70

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сычев О. А., Протасова И. Н., Белоусов К. И.

Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ. 88

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Цветкова Н. А., Рыбакова А. И.

Особенности межличностных отношений с отцом у девушек, страдающих любовной аддикцией. 116

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Obukhova J. V., Komarovskaya E. L.

Distinct Features of the Self-Concept and the Meaning-Forming Motives of Intellectual Professionals: A Case of Australian and Russian Specialists of Intellectual Labour. 143

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Бабенко В. В., Явна Д. В.

Конкуренция за внимание пространственных модуляций градиентов яркости. 160

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Баранова В. А., Жукова М. О.

Коллективная память о России XX века и ценности разных поколенческих групп 190

ДЛЯ ДИСКУССИИ

Кыштымова И. М.

Психологический анализ медиатекста: образ животного в рекламном нарративе 209

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ 229

CONTENTS

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Kaminskiy I. V., Leonov S. V.

Evolution of Views on the Relationship Between Voluntary Movements and Their Mental Images 8

COGNITIVE PSYCHOLOGY

Glozman Z. M., Naumova V. A.

Life Experience as a Potential for Successful Ageing 25

CORRECTIONAL PSYCHOLOGY

Babkina N. V.

System of Psychological Support for Education of Children with Mental Development Delay 52

MEDICAL PSYCHOLOGY

Rasulov A. R., Aliyeva R. R., Talibova K. E., Zeynalova A. G., Aliyeva G. N., Ismayilov F. N.

Mental Health and the Use of Antipsychotic Drugs in the Practice of Psycho-Medical Support of Outpatients in Azerbaijan 70

GENERAL PSYCHOLOGY

Sychev O. A., Protasova I. N., Belousov K. I.

Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire 88

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Tsvetkova N. A., Rybakova A. I.

Characteristics of Interpersonal Relationships Between Girls Suffering From Love Addiction and Their Fathers 116

LABOR PSYCHOLOGY

Obukhova J. V., Komarovskaya E. L.

Distinct Features of the Self-Concept and the Meaning-Forming Motives of Intellectual Professionals: A Case of Australian and Russian Specialists of Intellectual Labour 143

PSYCHOPHYSIOLOGY

Babenko V. V., Yavna D. V.

Competition for Attention Among Spatial Modulations of Brightness Gradients .. 160

SOCIAL PSYCHOLOGY

Baranova V. A., Zhukova M. O.

Collective Memory of the 20th Century Russia and Values of Different
Generational Groups 190

FOR DISCUSSION

Kyshtymova I. M.

Psychological Analysis of Media Text: The Animal Image in Advertising
Narratives 209

PAPER SUBMISSION GUIDELINES 230

УДК 159.94:159.955:796.01

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.1](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.1)

Развитие взглядов на взаимосвязь произвольного движения и его мысленного образа

Игорь В. Каминский*, Сергей В. Леонов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: min5drav@mail.ru

Аннотация

Введение. Широко известно, что проработка двигательного навыка посредством мысленного представления способствует повышению его скоординированности и результативности. Однако образ рассматривался как гипотетическая основа произвольного движения еще до начала своего практического применения. Статья впервые представляет текущее понимание образа движения как разрешения противоречий, присущих более ранним взглядам, и рассматривает совместимость последних с современной точкой зрения, чем обосновывает необходимость пересмотра некоторых существующих рекомендаций по применению мысленного образа в спорте.

Теоретическое обоснование. Отправной точкой в рассмотрении мысленного образа как основы произвольного движения явилась идеомоторная теория. Моторным эффектам, описанным как неконтролируемое выражение доминирующей идеи, посвящены работы Т. Лэйкока и У.Б. Карпентера. Однако их видение как проявления системной роли образа в контроле движения пришло благодаря трудам И.Ф. Гербарта, Г.Р. Лотце и Э. Харлесса. Экспериментальное подтверждение подобных явлений было получено в ряде инструментальных исследований произвольной двигательной активности при ее мысленном представлении, которые поддержали научный интерес к идеомоторной теории в условиях ее критики со стороны бихевиоризма. Разрешение противоречий было предложено на современном этапе М. Джиннеродом, рассматривающим двигательный образ как осознанную репрезентацию лежащих в основе соответствующего движения нейрофизиологических процессов, которая формируется при отсутствии инактивирующей обратной связи от исполнительных органов.

Результаты и их обсуждение. Современное понимание двигательного образа фокусируется на его эквивалентности фактическому движению с точки зрения реализующих его центральных нейрофизиологических процессов и присущих ему свойств, в т. ч. формирования навыка при повторении соответствующего движения. Важную роль в двигательном обучении, особенно на начальных этапах, которую подчеркивал еще П.Ф. Лесгафт, играют когнитивный анализ

движения и познание его смысловой структуры с помощью образа. При этом, как показывают исследования, когнитивные и моторные процессы тесно переплетены между собой.

Ключевые слова

психология спорта, история психологии, мысленный образ, идеомоторный эффект, идеомоторная теория, двигательный навык, двигательное умение, произвольное движение, мысленная проработка, мысленная тренировка

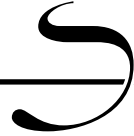
Основные положения

- ▶ на протяжении двух веков мысленный образ рассматривается как основа произвольного движения: данная идея является ключевой в рамках теории идеомоторного контроля движения;
- ▶ классическая идеомоторная теория гласит, что произвольное движение контролируется на основе отражающих его результат ощущений, испытанных при предшествующем опыте его выполнения и представленных субъекту в виде образа; если образ движения достаточно яркий, он может повлечь за собой едва заметный двигательный ответ, который, в свою очередь, будет увеличивать реалистичность вызвавшего его образа посредством обратной связи;
- ▶ разрешением противоречий в идее контроля произвольного движения на основе его образа, на которые указывалось еще с начала XX в., стало признание изменчивости двигательного образа и его роли в когнитивном анализе осваиваемых действий, а также предположение об инактивации моторных репрезентаций еще до их осознания под влиянием обратной связи, сигнализирующей о выполнении движения;
- ▶ на современном этапе двигательный образ рассматривается как нейрофизиологический эквивалент реального движения, исполнение которого тормозится на определенном уровне ЦНС; считается, что моторные функции играют неотъемлемую роль в реализации когнитивных процессов.

Для цитирования

Каминский И. В., Леонов С. В. Развитие взглядов на взаимосвязь произвольного движения и его мысленного образа // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 8–24. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.1

Материалы статьи получены 06.11.2017

UDC 159.94:159.955:796.01

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.1](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.1)

Evolution of Views on the Relationship Between Voluntary Movements and Their Mental Images

Igor V. Kaminskiy*, **Sergey V. Leonov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author: min5drav@mail.ru

Abstract

Introduction. Mental rehearsal of motor skill performance improves its coordination and effectiveness. However, mental image has been considered to be a hypothetical basis for voluntary movements even before its practical use begins. The present paper provides an original view on the current motor imagery understanding as a resolution of conflicts inherent to earlier concepts. The compatibility between historical and modern motor imagery theories is discussed. Thereby, revision of some of existing recommendations concerning mental imagery use in sports is underpinned.

Theoretical Basis. Ideomotor theory was the first concept considering mental imagery as a basis for voluntary movements. T. Laycock and W. B. Carpenter described motor consequences of uncontrolled expression of a dominant idea. In the context of H. Herbart's, R. H. Lotze's, and E. Harless' work, this phenomenon can be viewed more broadly in the light of systemic role of mental imagery in controlling movements. A number of instrumental studies of involuntary motor activity during movement imagination provided experimental confirmation of such phenomena and supported scientific interest in the ideomotor theory when it was criticized by the behaviorism. In the modern period, to resolve existing contradictions, M. Jeannerod has suggested considering the motor image as a conscious representation of neurophysiological processes underlying the corresponding movement, which is formed in the absence of inactivating afferent response of effector organs.

Results and Discussion. The modern understanding of the motor imagery focuses on its equivalence to the actual movement in terms of the underlying central neurophysiological processes and their functions, including formation of skills with the repetition of a corresponding movement. Following P. F. Lesgaff's idea, an individual's cognitive analysis of movements and understanding of its logical structure by means of mental imagery play an important role in motor learning, especially in its initial stages. Herewith, research shows that cognitive and motor processes are closely intertwined.

Keywords

sport psychology, history of psychology, mental image, ideomotor effect, ideomotor theory, motor skill, motor ability, voluntary movement, mental practice, mental training

Highlights

- ▶ For two centuries, mental image has been considered a basis for voluntary movements. This is the main idea of the ideomotor theory of action control.
- ▶ The classical ideomotor theory postulates that voluntary movement is controlled by the sensations of its result, which were experienced during its previous execution and represented in the form of mental image. If the motor image is vivid enough, it can entail a barely noticeable motor response, which in turn will increase the vividness of the image via feedback.
- ▶ Since the beginning of the 20th century, it was suggested that contradictions in the idea of controlling voluntary movements on the basis of their mental images can be resolved by recognizing the dynamic nature of motor image and its role in the cognitive analysis of motor actions to be mastered and also by assuming that the motor representations can be inactivated even before the actor becomes aware of them through the feedback that signals about the action execution.
- ▶ Currently, the motor image is considered to be a neurophysiological equivalent of a real movement with execution inhibited at a certain level of the central nervous system. Motor functions play an essential role in cognitive processes.

For citation

Kaminskiy I.V., Leonov S.V. Evolution of Views on the Relationship Between Voluntary Movements and Their Mental Images. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 8–24 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.1

Original manuscript received 06.11.2017

Введение

В настоящее время мысленный образ движения широко применяется в качестве вспомогательного средства, способствующего росту скоординированности и результативности двигательных действий, тем самым ускоряя достижение целевых показателей в различных сферах деятельности, таких как спортивная подготовка, нейрореабилитация, обучение хирургическим манипуляциям и игре на музыкальных инструментах. Помимо важного прикладного значения, систематическое исследование которого ведет свою историю с 30-х – 40-х гг XX в., мысленный образ характеризуется центральным положением в целом ряде теорий организации двигательных действий и поведения, которые, в свою очередь, задают особенности методологического подхода к его применению на практике. Поэтому, учитывая актуальность вопроса, как с теоретической, так и с прикладной точки зрения, мы ставим перед собой следующие взаимосвязанные задачи:

1. Рассмотреть исторический ход развития взглядов на взаимосвязь произвольного движения с его мысленным образом.
2. Раскрыть различные подходы к пониманию природы и функций мысленного образа движения.
3. Охарактеризовать понимание мысленного образа движения с позиций современной науки.

Решая поставленные задачи, мы сохраняем особый фокус на значении мысленного образа в спортивной подготовке.

Теоретическое обоснование

Идеомоторная теория

Роль мысленного образа как основы произвольного движения впервые подчеркивается идеомоторной теорией (от греч. «idea» – идея и лат. «motor» – приводящий в движение). Согласно ее основному принципу, произвольное движение выстраивается на базе образа тех ощущений, которые оно приносит.

Автор термина «идеомоторный», английский естествоиспытатель У. Б. Карпентер [1], в своих работах не касался контроля произвольных движений, но всё же постулировал тесную взаимосвязь психической и моторной сфер. Он предполагал о существовании 3-х групп рефлексов, отличных по уровню замыкания рефлекторной дуги: «эксайтомоторные» – опосредованная спинным мозгом двигательная реакция в ответ на рецепцию неосознаваемого раздражения (например, рвотный рефлекс при раздражении слизистой желудка); «сенсомоторные» – замыкаемый на уровне сенсорных ганглиев ответ на ощущаемый раздражитель (например, вздрагивание при неожиданном резком шуме); «идеомоторные» (категория, введенная У. Б. Карпентером) – непосредственное отражение принадлежащей высшим отделам головного мозга идеи в действии. По мнению У. Б. Карпентера [1], идеомоторный рефлекс возникает при подавлении воли как средства контроля над произвольным действием или при высоком уровне выжидающего внимания, сосредоточенного на предвкушаемом результате действия. Последнее он использует как научное объяснение ряду распространенных оккультных практик, таких как спиритизм, лозоходство и др., которое и преследовала его теория [1].

У. Б. Карпентер опирался на более ранние заключения врача Т. Лэйкока [2, 3], который наблюдал больных бешенством. Как известно, заболевание характеризуется типичными спазмами глоточной мускулатуры и удушьем при контакте с водой (т. н. «водобоязнь»). Анализируя поведение пациентов, Т. Лэйкок заметил, что моторные приступы могут быть спровоцированы не только непосредственным воздействием раздражителя, но также и его видом или даже мыслью о нем. Так происходило в ответ на предложение

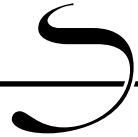

сделать глоток воды, ее косвенное упоминание в разговоре и даже на доносящийся шум льющейся жидкости.

Более широкая трактовка взаимосвязи психической и моторной сфер разрабатывалась в рамках немецкой научной школы. Так, И. Ф. Гербарт [4, 5] первым формулирует базовый принцип идеомоторного управления действием, постулирующий, что двигательный контроль есть стремление воспроизвести отражаемое в уме ощущение, сопряженное с желаемым действием и сохраненное во время предшествующего опыта его выполнения. По мнению И. Ф. Гербарта [5], сразу после рождения двигательная активность человека или животного инициируется спонтанно, не реализуя какого-либо намерения. Однако каждое движение порождает обратную связь в форме чувства, отражающего произошедшие с телом изменения, в процессе чего формируются устойчивые связи между полученным сенсорным результатом и двигательной программой, его обусловившей. При возникновении в дальнейшем желания повторить испытанные ранее изменения полученное ощущение «воспроизводит само себя» через связанную с ним двигательную программу [5, р. 464], при этом каждое такое повторение укрепляет однажды установленную связь между двигательным звеном и сенсорным эталоном и облегчает последующее воспроизведение соответствующего действия [5].

Как и И. Ф. Гербарт, его последователь Г. Р. Лотце [6] говорит о том, что появлению целенаправленного движения предшествует спонтанная двигательная активность, инициируемая без участия сознания, поскольку именно «тело учит разум», демонстрируя ему заложенные в него возможности [6, р. 289]. И как только взаимосвязь между действием и проистекающим из него чувственным опытом установлена, всякое порождаемое разумом желание вновь пережить данный опыт при малейшем внутреннем побуждении ставит тело перед неотвратимым «механическим обязательством» действовать в соответствии с намерением субъекта [6, р. 288].

Э. Харлесс [7], давший дальнейшее развитие описанным идеям, считает, что яркость мысленно переживаемого образа напрямую определяется силой реализующих его на психофизиологическом уровне нервных импульсов, и, чтобы произвести соответствующий двигательный ответ, вновь сформированный образ движения должен обладать яркостью, достаточной для превышения порога активации моторного центра. Однако по мере многочисленных повторений движения происходит проторение нервного пути, закрепляющее связь между сенсорной и моторной зонами, что выражается в снижении порога активации последней. Именно в этом Э. Харлесс [7] видит механизм обучения двигательным навыкам в процессе тренировки. Другим следствием закрепления взаимосвязи между движением и инициирующим его образом, согласно Э. Харлессу [7], является произвольная активация

моторного центра при достаточно ярком мысленном представлении движения. Но в норме она не может быть достаточно сильна, чтобы перерасти в полноценное действие. Вместо этого действие протекает в «микромасштабах», выражаясь в едва заметных и чаще всего субъективно неразличимых двигательных актах, существующих как результат микросокращений мышц, ответственных за действительную реализацию представленного мысленно движения (ср. [1]). При этом, несмотря на отсутствие фактически выполненного движения, построенное на его основе «микродвижение» уже является достаточным для формирования обратной афферентации в сенсорные отделы мозга, которая подкрепляет переживаемый образ, усиливая его яркость [7].

Инструментальные исследования периферической активности

С приходом и становлением бихевиоризма как одного из ведущих психологических направлений научный интерес к дальнейшей разработке идеомоторной концепции временно падает. В условиях активной критики единственным фактором, объективно подтверждающим идеомоторные феномены, становятся результаты инструментальных исследований.

Так, с помощью электромиографического (ЭМГ) измерения Р. Аллерс и Ф. Щемински [8], проинструктировавшие испытуемых представить сжатие в кулак правой руки или произнести вслух «сейчас я сожму свой кулак», в 80 % случаев смогли зарегистрировать биоэлектрические потенциалы в мышцах руки, которой выполнялось воображаемое движение [8]. Согласно Э. Якобсону [9], общие ЭМГ-характеристики мышц на фоне представленного движения соответствуют таковым для аналогичного реально выполненного движения (в т. ч. по локализации), однако значительно уступают им по выраженности. У.А. Шоу [10] показал, что величина биоэлектрических потенциалов, регистрируемых в мышцах на фоне представленных движений, прямо пропорциональна нагрузке, указанной при инструктировании испытуемого, которая изменяет мысленно прилагаемое усилие. Наконец, рядом исследований [11, 12] установлено, что временной паттерн мышечных сокращений на фоне мысленного движения воспроизводит реальные временные характеристики деятельности мышц, необходимой для его осуществления.

Идеомоторная теория: критика

Как известно, идеомоторная теория изначально выводилась только лишь на основе интроспекции и логических умозаключений и на протяжении длительного времени не имела никакого эмпирического подтверждения, что делало ее особенно подверженной критике.

Так, критикуя идеомоторную теорию, обобщенную в «Принципах психологии» У. Джемса [13], Э.Л. Торндайк [14] утверждал, что истинная причина,

а значит и пусковой фактор действия, содержится во внешнем контексте его осуществления. Для демонстрации несостоятельности идеомоторного принципа Э.Л. Торндайк [14] попросил присутствующих на XX ежегодном собрании Американской психологической ассоциации в 1911 г. упорядочить в соответствии со степенью правдоподобности от 4-х до 10-ти утверждений, определенным образом соотносящихся с известными положениями теории идеомоторного контроля. Среди 40 утверждений, отобранных им для эксперимента, встречались оригинальные выдержки из текста «Принципов психологии» У. Джемса [13], специально сконструированные суждения, а также суждения, основанные на суевериях. Результаты проведенного ранжирования показали, что различия в правдоподобности между описаниями идеомоторного принципа и суждениями, заведомо выстроенными на предрассудках, не столь существенны [14].

С более глубокой критикой в адрес не столько ключевой идеи идеомоторного принципа, сколько развития его авторами представлений о механизмах двигательного обучения обращается Н.А. Бернштейн [15]. Рассматривая теории проторения нервного пути, Н.А. Бернштейн замечает: их сторонники по какой-то причине упускают из вида, что «человек принимается за разучивание тех или иных движений именно потому, что не умеет их делать», и «поэтому в начале разучивания навыка ему, в сущности, *нечего проторять* или же проторяться и запечатлеваться у него начнут те самые неловкие и неправильные движения, какие он единственно в состоянии совершить в начале работы над навыком» [15, с. 215]. Однако внутреннее логическое противоречие в концепции проторения, на которое указывает Н.А. Бернштейн [15], – судя по всему, лишь видимость, созданная базовыми отличиями взглядов представителей данного подхода на «препятствия», стоящие на пути освоения двигательного навыка. Так, Э. Харлесс [7] и другие сторонники проторения, очевидно, считали, что приступая к выполнению действия, субъект априори уже обладает четким представлением о том, что он в идеале намерен получить, но не может реализовать такое представление на практике, поскольку связь последнего с исполнительным моторным звеном еще слишком слаба для этого. Н.А. Бернштейн же видел принцип двигательного обучения не в сокращении потерь при передаче информационного сигнала, которое сводилось у Э. Харлесса к количественному нарастанию его интенсивности на периферии, а в его качественных изменениях, обусловленных идущей по мере овладения навыком перестройкой центральных процессов – динамическим характером той идеальной модели, в соответствии с которой выстраивается фактически выполненное движение.

В этой связи выявляется и еще один существенный недостаток классической идеомоторной теории [4, 5, 7]. Если освоение навыка обуславливается

проторением нервного пути, то роль субъекта в успешности овладения им сводится лишь к изъявлению воли к механическому повторению действия, а легкость и ловкость, нарабатываемые в его исполнении, – неизбежное следствие упорства и стойкости занимающегося. Это исключает всякое влияние на результат со стороны качественных изменений в структуре обучающего процесса, таких как варьирование средств и методов, применяемых в нем, которое уже невозможно отрицать на современном этапе. В противовес этой идее П. Ф. Лесгафт [16] одним из первых подчеркивает важность практического аспекта создания *правильного* образа разучиваемого движения и благотворное влияние такого образа на процесс овладения проблемным двигательным навыком. В результате закрепляется точка зрения, согласно которой представление о двигательном действии является не чем-то изначально данным, а напротив, – чем-то, что необходимо приобрести в процессе обучения. По П. Ф. Лесгафту, образ хоть и отражает эталон выполняемого двигательного действия, в то же время является средством активного поиска такого эталонного варианта – инструментом познания, возможностью моделирования своих действий с тем, чтобы предугадать их результат.

Необходимо отметить, что, несмотря на методологическое несовершенство разработки идеомоторной теории на ранних этапах, наиболее активные попытки опровергнуть ее (в частности, предпринятые Э. Л. Торндайком [14] и его современниками), также были построены на весьма шаткой методологии. Показательными в этом плане могут быть работы Р. Вудвортса [17, 18], вступающие в прямое противоречие с положениями об идеомоторном контроле У. Джемса [13]. Так, согласно У. Джемсу [13], произвольному движению всегда предшествует идея или мысленный образ такого движения. В свою очередь, Р. Вудвортс [17] в эксперименте с привлечением хорошо обученных интроспекции участников демонстрирует, что лишь малая часть полученных им сообщений указывает на соответствие между движением и содержанием переживаемого непосредственно перед его выполнением мысленного образа, тогда как примерно в половине отчетов вовсе никакое образное представление не предшествует двигательной активности. Несколько ранее Р. Вудвортс [18] описывает свои попытки выполнить сгибание и разгибание большого пальца независимо от остальных пальцев ноги. Согласно наблюдениям автора, его усилия, направленные на то, чтобы заблокировать движение 4-х пальцев, представились надежным способом заставить их двигаться. Принимая во внимание результаты Дж. Х. Баира [19], также свидетельствующие о неэффективности препятствующих идей в предотвращении движений, Р. Вудвортс [17] оспаривает второе положение У. Джемса, гласящее, что в случаях, когда образ не трансформируется в соответствующее ему действие, «на кромке

сознания» можно обнаружить противодействующую идею, блокирующую исходное намерение [8, p. 525–527].

Разрешение противоречий

Пусть последние приведенные наблюдения и были проведены с помощью методов интроспекции, имеющих известную долю субъективизма, сторонники идеомоторного принципа долгое время не располагали аргументами, позволяющими объяснить выявленные противоречия. Данная задача была решена лишь в 1994 г. в теории, предложенной французским нейрофизиологом М. Джиннеродом [20], который выделил в качестве отдельных конструктов образ движения и моторную репрезентацию. Согласно М. Джиннероду [20], и образ движения, и моторная репрезентация несут в себе информацию, позволяющую точно задать соответствующее двигательное действие: его временные рамки, двигательный состав, необходимые силовые затраты, пространственную конфигурацию и требуемый итоговый результат. Однако, в отличие от мысленного образа, моторная репрезентация возникает на стадии подготовки двигательного действия и существует чрезвычайно короткое время, поскольку инактивируется поступающей от исполнительных органов афферентацией, свидетельствующей о выполнении соответствующего действия.

В результате, ввиду ограничения сознательных процессов по скорости их протекания при успешном выполнении двигательного действия, моторная репрезентация блокируется раньше, чем может быть осознана субъектом, вследствие чего выполнение действия не сопровождается переживанием его мысленного образа. Однако если инактивирующая афферентация не поступает по какой-либо причине, активная моторная репрезентация становится доступной сознанию субъекта, за счет чего трансформируется в образ движения, который, согласно М. Джиннероду [20], является осознанной моторной репрезентацией. Так, есть данные, что при неспособности выполнения определенных движений на фоне интактности мозговых структур, обеспечивающих их программирование, в частности, при ампутации [21] или деафферентации [22] конечностей, а также при повреждениях спинного мозга [23], субъекты формируют ясный образ намеченного действия, когда перед ними стоит задача его осуществления. Наконец, в случае осознанного целенаправленного представления двигательного действия, активность исполнительных органов (а значит, и инактивирующая афферентация) блокируется автоматически, что определяет произвольность такого представления [20].

Результаты и их обсуждение

Обобщая приведенные данные, можно выделить два подхода к пониманию природы мысленного образа движения (см. [24]). В рамках первого,

разрабатываемого еще в классической идеомоторной теории [4, 5, 6, 7], мысленный образ движения рассматривается как моторная репрезентация, содержащая исчерпывающую информацию, которая специфицирует соответствующее движение и является его пусковым фактором. Второй подход явился крайней реакцией на чрезмерную механистичность классической идеомоторной теории и необходимость утверждения мысленного образа как инструмента познания. В рамках такого подхода мысленный образ считается когнитивным планом, отражающим только временную последовательность и смысловой состав необходимых действий, тогда как информация об их механикинематических характеристиках не выходит за пределы обособленного исполнительного звена и поэтому не представлена сознанию. В результате образ выступает как когнитивная репрезентация индивидуальных целей и намерения действовать и является посредником между волей субъекта и ее исполнением [25].

Отождествление образа движения с моторной репрезентацией подразумевает также и аналогию их свойств, в т. ч. сопряженность с процессами, отвечающими за преобразование моторной программы и совершенствование навыка. Предполагалось, что основой такого процесса может быть микродвигательная активность, дающая обратную связь, которая способствует формированию сенсорных коррекций подобно тому, как это происходит при выполнении полноценного движения [26]. Однако на современном этапе гипотеза о ведущей роли афферентации в мысленной проработке двигательных навыков теряет свою актуальность, поскольку в ходе специальных исследований подобие паттернов мышечной активности, разворачивающейся в процессе реального выполнения действия и его мысленного представления, выявлено не было [27]. Напротив, к настоящему времени масса экспериментальных данных свидетельствует о центральной локализации процессов, способствующих развитию моторного навыка за счет его мысленного повторения [24].

Если рассматривать мысленный образ как смысловое отражение действия, изолированное от его механических характеристик, понимание механизмов, опосредующих его влияние на моторные функции, существенно изменяется. Как когнитивный инструмент образ может обеспечивать анализ действия, вычленение последовательности отдельных операций, их закрепление в памяти и акцентирование в ходе дальнейшей проработки, поиск оптимальной стратегии достижения поставленной двигательной задачи [28].

С позиций современной науки, подходы к мысленному образу как к моторной репрезентации и как к средству познания не только не противостоят друг другу, но и формируют синтез целостного понимания образа в свете последних данных об участии моторных программ в когнитивных

процессах (см. [24]). Однако в случае со сложнокоординационными навыками считается, что соотношение когнитивных и моторных механизмов в их репрезентации может быть разным в зависимости от уровня владения ими: выработка навыка начинается с усвоения его смысловой структуры, и лишь в процессе дальнейшей фактической проработки формируется моторная репрезентация [29].

Заключение

Проведенный анализ литературы иллюстрирует современные взгляды на природу и свойства мысленного образа движения как результат двухвекторного пути обогащения и совершенствования представлений об образе как об основе произвольного движения. Понимание предпосылок современного видения проблемы дает возможность целостного восприятия концепта мысленного образа движения, не ограниченного рамками какого-либо из подходов, четко определяя их взаимные различия, и в то же время помогает критически осмыслить некоторые из них, принимая во внимание их известные недостатки. Так, может считаться бесспорной роль мысленного образа как средства разработки плана действий, закрепления их последовательности, мысленного предвосхищения результата. Однако отрицание совершенствования двигательных умений и навыков посредством активации моторной системы при переживании образа также немислимо с учетом многочисленных нейровизуализационных данных об эквивалентности действия и его умозрительного повторения и даже вовлеченности моторных программ в когнитивную деятельность.

Хочется также подчеркнуть практическую значимость представленной работы как «путеводителя», призванного обращать внимание авторов и практикующих специалистов на корректность методологической основы планируемых или интерпретируемых исследований и прикладных методик, применяемых в условиях реальной деятельности. С учетом современных представлений об образе как об эквиваленте реального действия, тормозящемся на определенном уровне ЦНС, научно обоснованный подход заключается в достижении максимального соответствия содержания мысленного образа условиям, в которых фактически разворачивается отрабатываемая активность [30]. В то же время весьма распространенными сейчас являются рекомендации, акцентирующие внимание субъектов на активности мышц, сопровождающей процесс мысленного представления движений.

Постулируя, что реалистично представленная мышечная работа на грани с ее фактической активизацией является одним из критериев достижения цели представления, подобные рекомендации имеют расчет на запуск изменений в центральной моторной программе по механизмам обратной

связи с периферии, что отражает принципы классической идеомоторной теории. Однако в соответствии с современными взглядами, разрешившими более ранние концептуальные противоречия, восходящая афферентация, напротив, выполняет роль деактиватора моторной программы. Более того, если отталкиваться от эквивалентности процессов, лежащих в основе образа и реального действия, концентрация внимания на двигательном звене во время представления может иметь пагубное влияние на последующую автоматичность исполнения моторного навыка [15]. Таким образом, по результатам проделанной работы можно обозначить основания для пересмотра некоторых существующих рекомендаций по применению мысленного образа в спорте.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01211.

Acknowledgments

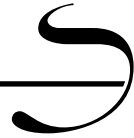
Supported by the Russian Foundation for Basic Research grant no. 18-013-01211.

Литература

1. *Carpenter W. B.* On the Influence of Suggestion in Modifying and directing Muscular Movement, independently of Volition // Proceedings of the Royal Institution. 1852. 1. P. 147–154. URL: <https://ia601305.us.archive.org/5/items/b22377074/b22377074.pdf> (Accessed 20.08.2018).
2. *Laycock T.* A treatise on the nervous diseases of women; comprising an inquiry into the nature, causes, and treatment of spinal and hysterical disorders. London: Longmans, 1840. 402 p.
3. *Laycock T.* On the reflex functions of the brain // Reprinted from N. XXXVII of The British and Foreign Medical Review. Bartholomew Close, UK: Adlard, 1845. P. 1–16.
4. *Herbart J. F.* Lehrbuch zur Psychologie. Königsberg und Liepzig: Bey August Wilhelm Unzer, 1816. 214 p.
5. *Herbart J. F.* Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. Analytischer Teil. Verf., 1825. 541 p.
6. *Lotze R. H.* Medizinische Psychologie oder Physiologie der Seele. Leipzig, Germany: Weidmann'sche Buchhandlung, 1852.
7. *Harless E.* Der Apparat des Willens // I. H. Fichte, H. Ulrici, I. U. Wirth (Eds.) Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Vol. 38. Halle, Germany: Pfeffer, 1861. P. 50–73.
8. *Allers R., Scheminzy F.* über Aktionsströme der Muskeln bei motorischen Vorstellungen und verwandten Vorgängen // Pflüger's Archiv für die gesamte

- Physiologie des Menschen und der Tiere (Pflügers Archiv – European Journal of Physiology). 1926. Vol. 212, Issue 1. P. 169–182. DOI: [10.1007/BF01723129](https://doi.org/10.1007/BF01723129)
9. *Jacobson E.* Electrical Measurements of Neuromuscular States During Mental Activities (Part I). Imagination of Movement Involving Skeletal Muscle // *American Journal of Physiology*. 1930. Vol. 91, Issue 2. P. 567–608. DOI: [10.1152/ajplegacy.1930.91.2.567](https://doi.org/10.1152/ajplegacy.1930.91.2.567)
 10. *Shaw W. A.* The relation of muscular action potentials to imaginal weight lifting // *Archives of Psychology*. 1940. № 247. P. 5–50.
 11. *Suinn R. M.* Psychology and sports performance: Principles and applications // R. M. Suinn (Ed.) *Psychology in sports: Methods and applications*. Minneapolis: Burgess, 1980. P. 26–36.
 12. *Wehner T., Vogt S., Stadler M.* Task-specific EMG-characteristics during mental training // *Psychological Research*. 1984. Vol. 46, № 4. P. 389–401.
 13. *James W.* *Principles of Psychology*. London: Macmillan, 1890.
 14. *Thorndike E. L.* Ideo-motor action // *Psychological Review*. 1913. Vol. 20 (2). P. 91–106. DOI: [10.1037/h0072027](https://doi.org/10.1037/h0072027)
 15. *Бернштейн Н. А.* О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт, 1991. 288 с.
 16. *Лесгафт П. Ф.* *Собрание педагогических сочинений / под ред. Г. Г. Шахвердова и др. Т. 2.* М.: Физкультура и спорт, 1952. 383 с.
 17. *Woodworth R. S.* The cause of a voluntary movement // J. H. Tufts (Ed.) *Studies in Philosophy and Psychology*. Garman memorial volume. Boston: Houghton-Mifflin, 1906. P. 351–392.
 18. *Woodworth R. S.* Le Mouvement // *Science*. 1904. Vol. 20, Issue 498. P. 78–79. DOI: [10.1126/science.20.498.78](https://doi.org/10.1126/science.20.498.78)
 19. *Bair J. H.* Development of voluntary control // *Psychological Review*. 1901. 8 (5). P. 474–510. DOI: [10.1037/h0074157](https://doi.org/10.1037/h0074157)
 20. *Jeannerod M.* The representing brain: Neural correlates of motor intention and imagery // *Behavioral and Brain Sciences*. 1994. Vol. 17, Issue 2. P. 187–202. DOI: [10.1017/S0140525X00034026](https://doi.org/10.1017/S0140525X00034026)
 21. *Schilder P.* *The Image and Appearance of the Human Body*. London: Routledge and Kegan Paul, 1935. 353 p.
 22. *Jeannerod M., Michel F., Prablanc C.* The control of hand movements in a case of hemianaesthesia following a parietal lesion // *Brain*. 1984. Vol. 107, № 3. P. 899–920.
 23. *Decety J., Boisson D.* Effect of brain and spinal cord injuries on motor imagery // *European Archives of Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 1990. Vol. 240, Issue 1. P. 39–43.
 24. *Каминский И. В., Веракса А. Н.* Традиционные теории и современные взгляды на природу мысленного образа движения: применение в спортивной практике // *Национальный психологический журнал*. 2017. № 2 (26). С. 16–25.

25. Sackett R. S. The Influence of Symbolic Rehearsal upon the Retention of a Maze Habit // *The Journal of General Psychology*. 1934. Vol. 10, Issue 2. P. 376–398. DOI: [10.1080/00221309.1934.9917742](https://doi.org/10.1080/00221309.1934.9917742)
26. Arnold M. B. On the mechanism of suggestion and hypnosis // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1946. 41 (2). P. 107–128.
27. Slade J. M., Landers D. M., Martin P. E. Muscular activity during real and imagined movements: A test of inflow explanations // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2002. Vol. 24, Issue 2. P. 151–167.
28. Ryan E. D., Simons J. Cognitive Demand, Imagery, and Frequency of Mental Rehearsal as Factors Influencing Acquisition of Motor Skills // *Journal of Sport Psychology*. 1981. Vol. 3, Issue 1. P. 35–45. DOI: [10.1123/jsp.3.1.35](https://doi.org/10.1123/jsp.3.1.35)
29. Olsson C. J., Nyberg L. Brain simulation of action may be grounded in physical experience // *Neurocase*. 2011. Vol. 17, Issue 6. P. 501–505. DOI: [10.1080/13554794.2010.547504](https://doi.org/10.1080/13554794.2010.547504)
30. Holmes P. S., Collins D. J. The PETTLEP Approach to Motor Imagery: A Functional Equivalence Model for Sport Psychologists // *Journal of Applied Sport Psychology*. 2001. Vol. 13, Issue 1. P. 60–83. DOI: [10.1080/10413200109339004](https://doi.org/10.1080/10413200109339004)

References

1. Carpenter W. B. On the influence of suggestion in modifying and directing muscular movement, independently of volition. *Proceedings of the Royal Institution*, 1852, no. 1, pp. 147–154. Available at: <https://ia601305.us.archive.org/5/items/b22377074/b22377074.pdf> (Accessed 20 August 2018).
2. Laycock T. *A treatise on the nervous diseases of women; comprising an inquiry into the nature, causes, and treatment of spinal and hysterical disorders*. London, Longmans, 1840. 402 p.
3. Laycock T. *On the reflex functions of the brain*. Reprinted from N. XXXVII of *The British and Foreign Medical Review*, Bartholomew Close, UK, Adlard, 1845, pp. 1–16.
4. Herbart J. F. *Lehrbuch zur Psychologie*. Königsberg und Liepzig: Bey August Wilhelm Unzer, 1816. 214 p.
5. Herbart J. F. *Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik*. Analytischer Teil. Verf., 1825. 541 p.
6. Lotze R. H. *Medizinische Psychologie oder Physiologie der Seele*. Leipzig, Germany, Weidmann'sche Buchhandlung, 1852.
7. Harless E. Der Apparat des Willens. In: I. H. Fichte, H. Ulrici, I. U. Wirth (eds.) *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, V. 38. Halle, Germany, Pfeffer, 1861, pp. 50–73.
8. Allers R., Scheminzy F. über Aktionsströme der Muskeln bei motorischen Vorstellungen und verwandten Vorgängen. *Pflüger's Archiv für die gesammte*

- Physiologie des Menschen und der Tiere (Pflügers Archiv – European Journal of Physiology)*, 1926, V. 212, Issue 1, pp. 169–182. DOI: [10.1007/BF01723129](https://doi.org/10.1007/BF01723129)
9. Jacobson E. Electrical measurements of neuromuscular states during mental activities (Part I). Imagination of movement involving skeletal muscle. *American Journal of Physiology*, 1930, V. 91, Issue 2, pp. 567–608. DOI: [10.1152/ajplegacy.1930.91.2.567](https://doi.org/10.1152/ajplegacy.1930.91.2.567)
 10. Shaw W. A. The relation of muscular action potentials to imaginal weight lifting. *Archives of Psychology*, 1940, no. 247, pp. 5–50.
 11. Suinn R. M. Psychology and sports performance: Principles and applications. In: R. M. Suinn (ed.) *Psychology in sports: Methods and applications*. Minneapolis, Burgess, 1980, pp. 26–36.
 12. Wehner T., Vogt S., Stadler M. Task-specific EMG-characteristics during mental training. *Psychological Research*, 1984, V. 46, no. 4, pp. 389–401.
 13. James W. *Principles of psychology*. London, Macmillan, 1890.
 14. Thorndike E. L. Ideo-motor action. *Psychological Review*, 1913, V. 20 (2), pp. 91–106. DOI: [10.1037/h0072027](https://doi.org/10.1037/h0072027)
 15. Bernstein N. A. *O lovkosti i ee razvitiij* [Dexterity and its development]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1991. 288 p.
 16. Lesgaft P. F., Shakhverdov G. G. (ed.) *Sobranie pedagogicheskikh sochinenij* [Collection of pedagogical works: V. 2]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1952. 383 p.
 17. Woodworth R. S. The cause of a voluntary movement. In: J. H. Tufts (ed.) *Studies in philosophy and psychology. Garman memorial volume*. Boston, Houghton-Mifflin, 1906, pp. 351–392.
 18. Woodworth R. S. Le movement. *Science*, 1904, V. 20, Issue 498, pp. 78–79. DOI: [10.1126/science.20.498.78](https://doi.org/10.1126/science.20.498.78)
 19. Bair J. H. Development of voluntary control. *Psychological Review*, 1901, 8 (5), pp. 474–510. DOI: [10.1037/h0074157](https://doi.org/10.1037/h0074157)
 20. Jeannerod M. The representing brain: Neural correlates of motor intention and imagery. *Behavioral and Brain Sciences*, 1994, V. 17, Issue 2, pp. 187–202. DOI: [10.1017/S0140525X00034026](https://doi.org/10.1017/S0140525X00034026)
 21. Schilder P. *The image and appearance of the human body*. London, Routledge and Kegan Paul, 1935. 353 p.
 22. Jeannerod M., Michel F., Prablanc C. The control of hand movements in a case of hemianaesthesia following a parietal lesion. *Brain*, 1984, V. 107, no. 3, pp. 899–920.
 23. Decety J., Boisson D. Effect of brain and spinal cord injuries on motor imagery. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 1990, V. 240, Issue 1, pp. 39–43.
 24. Kaminskii I. V., Veraksa A. N. Conventional theories and modern views on the nature of mental imaging of movements used in sport. *Natsional'nyi*

- psikhologicheskii zhurnal* – *National Psychological Journal*, 2017, no. 2 (26), pp. 16–25 (in Russian).
25. Sackett R. S. The influence of symbolic rehearsal upon the retention of a maze habit. *The Journal of General Psychology*, 1934, V. 10, Issue 2, pp. 376–398. DOI: [10.1080/00221309.1934.9917742](https://doi.org/10.1080/00221309.1934.9917742)
 26. Arnold M. B. On the mechanism of suggestion and hypnosis. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1946, 41 (2), pp. 107–128.
 27. Slade J. M., Landers D. M., Martin P. E. Muscular activity during real and imagined movements: A test of inflow explanations. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 2002, V. 24, Issue 2, pp. 151–167.
 28. Ryan E. D., Simons J. Cognitive demand, imagery, and frequency of mental rehearsal as factors influencing acquisition of motor skills. *Journal of Sport Psychology*, 1981, V. 3, Issue 1, pp. 35–45. DOI: [10.1123/jsp.3.1.35](https://doi.org/10.1123/jsp.3.1.35)
 29. Olsson C. J., Nyberg L. Brain simulation of action may be grounded in physical experience. *Neurocase*, 2011, V. 17, Issue 6, pp. 501–505. DOI: [10.1080/13554794.2010.547504](https://doi.org/10.1080/13554794.2010.547504)
 30. Holmes P. S., Collins D. J. The PETTLEP approach to motor imagery: A functional equivalence model for sport psychologists. *Journal of Applied Sport Psychology*, 2001, V. 13, Issue 1, pp. 60–83. DOI: [10.1080/10413200109339004](https://doi.org/10.1080/10413200109339004)

УДК 159.9.072

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.2)

Жизненный опыт как потенциал успешного старения

Жанна М. Глозман^{1*}, Валентина А. Наумова²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация

* E-mail: glozman@mail.ru

Аннотация

Введение. Авторами обосновывается актуальность исследования в связи с изменением современной демографической ситуации и необходимостью поиска психологических возможностей формирования позитивного образа старости. На основании анализа публикаций конкретизируется определение успешного старения. Цель исследования заключается в анализе значения сохранности жизненных ресурсов как важного условия мобилизации потенциала успешного старения. В качестве обоснования логики эмпирической части представлен ряд теоретических предпосылок, объединенных вытеснением доминирования инволюционной парадигмы старения и полноправным принятием парадигмы успешного старения. Новизна исследования заключается в том, что показана роль целенаправленно организованной творческой деятельности в реализации потенциального жизненного опыта для поддержания успешного старения.

Методы. В разделе представлена характеристика испытуемых – 130 человек в возрасте от 56 до 84 лет, проживающих на территории Камчатского края. Описываются методики: экспресс-методика оценки когнитивных функций при нормальном старении (Н.К. Корсакова, Е.Ю. Балашова, И.Ф. Рощина); тест жизнестойкости S. R. Maddi, S. Kobasa (адаптация Д. А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко); анкета «Субъективное восприятие своей жизни» (Е.Н. Чуева, В.А. Наумова). Представлен дизайн исследования.

Результаты. В данном разделе приводятся результаты эмпирического исследования эффективности участия старого человека в целенаправленно организованной деятельности в арт-группе для реализации потенциала успешного старения. Доказано, что сохранение когнитивного ресурса и саморегулирующих способностей личности в старости – это условие актуализации потенциального жизненного опыта.

Обсуждение результатов. Рассматривается значение реализации жизненного опыта в старости как субъекта своей жизнедеятельности и возможной позитивной

жизненной перспективы. Анализируются причины, затрудняющие использование жизненного опыта как потенциала успешного старения.

Ключевые слова

успешное старение, жизненный опыт, когнитивный ресурс, жизнестойкость, субъект жизнедеятельности, арт-терапия, реализация потенциала, жизненная перспектива, образ старения, психологическое благополучие

Основные положения

- ▶ жизненный опыт в старости при наличии определенных условий и факторов является потенциалом успешного старения;
- ▶ сохранение когнитивного ресурса и саморегулирующих способностей личности в старости выступает условием актуализации потенциального жизненного опыта;
- ▶ специально организованная целенаправленная деятельность выступает детерминирующим фактором реализации потенциала успешного старения.

Для цитирования

Глозман Ж. М., Наумова В. А. Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 25–51. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.2

Материалы статьи получены 07.07.2018

UDC 159.9.072

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.2)

Life Experience as a Potential for Successful Ageing

Zhanna M. Glozman^{1*}, Valentina A. Naumova²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: glozman@mail.ru

Abstract

Introduction. It is necessary to look for psychological opportunities for forming a positive image of old age under the undergoing changes in demographic conditions of the modern society. Based on their overview of previous publications, the authors concretize the definition of successful aging. This study attempts to analyze the importance of preserving one's life resources in mobilizing the potential for successful ageing. The empirical study rests on certain theoretical prerequisites that all agree on the need to replace the involutinal paradigm of aging with the paradigm of successful aging.

The authors demonstrate the role of a purposeful creative activity for the realization of a potential life experience in the process of maintaining successful aging.

Methods. The following methods were used: (a) the technique for rapid assessment of cognitive functions in normal aging (N.K. Korsakova, E. Yu. Balashova, I.F. Roshchina); (b) Hardiness Survey by S.R. Maddi and S. Kobasa (adaptation of D.A. Leont'ev and E.I. Rasskazova); (c) K. Ryff's Scales of Psychological Well-being (adaptation of T.D. Shevelenkova and T.P. Fesenko); and (d) the Subjective Perception of Own Life questionnaire (E.N. Chueva, V.A. Naumova). The sample comprised 130 respondents aged 56–84 years living in the territory of Kamchatka.

Results. This section reports the empirical results concerning the effectiveness of elderly adults' participation in purposeful activities in the art group. It is proved that the preservation of individuals' cognitive resources and self-regulating abilities in old age is a condition for actualization of their potential life experience.

Discussion. The realization of life experience in old age determines positive life perspectives. The authors analyze the reasons that may complicate the realization of life experience as a potential for successful aging.

Keywords

successful aging, life experience, cognitive resource, vitality, subject of life activity, art therapy, realization of potential, life perspective, image of aging, psychological well-being

Highlights

- ▶ Under certain conditions life experience in old age is a potential for successful aging.
- ▶ The preservation of individuals' cognitive resources and self-regulating abilities in old age is a condition for actualization of their potential life experience.
- ▶ Purposeful activity determines the realization of the potential for successful aging.

For citation

Glozman Z.M., Naumova V.A. Life Experience as a Potential for Successful Ageing. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 25–51 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.2

Original manuscript received 07.07.2018

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом причин. В-первых, глобальные изменения современной демографической ситуации, выражающиеся в увеличении продолжительности жизни человека и феномене «стареющего населения» [1, с. 6], объясняют возрастающую потребность

концептуальной проработки проблемы старения и поиска новых стратегий, программ, моделей обеспечения (сопровождения) благополучия в старости.

Вторая группа причин связана с тем, что большое число публикаций за последнее десятилетие оценивает многие негативные стереотипы старения только через призму противопоставления предыдущего периода онтогенеза, где эталоном (критерием) выступает период взрослости. Это объясняется дефицитом валидизированных методов исследования пожилого и более старшего поколения, учитывающих особенности и уникальность онтогенетического периода старости – длительного, многокомпонентного, противоречивого, обладающего индивидуальностью и высоким уровнем вариативности [2, 3, 4, 5, 6].

В третьей группе причин мы рассматриваем успехи современной геронтопсихологии, нейрогеронтопсихологии, геронтопсихиатрии и психологии развития, благодаря которым происходит вытеснение доминирования инволюционной парадигмы старения и полноправное принятие парадигмы *успешного старения* [7].

Понятие «успешное старение» ввел R. J. Havighurst еще в 1961 г., характеризуя его как состояние стареющего человека, в котором он переживает удовлетворенность от жизни без значимых затрат для общества. В основе предложенного варианта старения ученый рассматривал переживание внутреннего чувства счастья, удовлетворенность настоящим и прошлым и также мудрость [8]. И только результаты многолетнего масштабного американского проекта, организованного в 1998 г. фондом Джона и Кэтрин МакАртуров, возглавляемого Д. Роуи и Р. Каном, послужили платформой для официального введения нового направления в геронтопсихологию – «успешного» старения [9, 10, 11, 12]. Исследователи, опираясь на позитивные аспекты функционирования старения, пришли к выводу о том, что старость, как и предыдущие этапы онтогенеза, может быть наполненной смыслами и довольно высокопродуктивной. Однако на сегодняшний день среди ученых нет единогласно принятого определения данного концепта, и в публикациях довольно много близких по содержанию терминов: *счастливое* [13, 14], *активное* [15, 16], *здоровое* [17], *конструктивное* [18, 19, 20], *благополучное* [21], *позитивно-конструктивное* [22, 23, 24] старение и др.

Вероятно поэтому в современной литературе сохраняется проблема конкретизации дефиниций успешного старения как *процесса* или *результата* развития личности на этапе позднего онтогенеза.

Нами предпринята попытка рассматривать успешное старение с позиции актуализации и реализации возможностей потенциала жизненного опыта, позволяющего продуктивно функционировать стареющему человеку как субъекту собственной жизнедеятельности [4, 20].

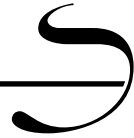
Ряд исследователей отмечает, что жизненный опыт является специфическим ресурсом старения. Вслед за Д. А. Леонтьевым [25] под понятием ресурсы мы рассматриваем средства, наличие и достаточность которых способствуют достижению цели. В результате прохождения личностью определенного жизненного пути прижизненно формируется совокупность особенностей личности, как следствие проживания собственного опыта самопознания, самоосознания, саморегуляции, самодетерминации, самопрезентации и самоорганизации [3, 25, 26, 27].

Важно, что индивидуальность и уникальность жизненного опыта обеспечивается не конкретными ситуациями и событиями, в которых участвовал человек в течение своей жизни, а скорее кумуляцией и селекцией опыта, их когнитивного оценивания и эмоционального переживания (проживания). Это обуславливает накопление определенных стратегий обработки информации, что, по сути, представляет *когнитивный ресурс*, сохранность и мобильность которого является важным средством обеспечения качества жизни старых людей [28, 29]. Жизненный опыт при этом является смыслообразующей структурой личности, детерминирующей ее развитие на этапах позднего онтогенеза [30, 31, 32, 33]. В то же время можно отметить, что исчерпать всё многообразие индивидуального опыта собственной жизни крайне сложно и порой проблематично. Важно, что вклад невостребованного опыта на этапе старения зависит от сохранения «способностей использовать свои способности» [25, с. 22] к самодетерминированному выбору и автономной субъектной активности, адаптивной устойчивости к воздействиям внешних обстоятельств и открытости новому, позитивного отношения к себе как к ценности, что в целом соответствует описанию психологических ресурсов саморегуляции [34, 35, 36].

Данный факт дает основание сформулировать *цель исследования* – поиск условий и факторов актуализации жизненного опыта как потенциала успешного старения.

Предпосылками настоящего исследования послужили несколько положений:

- ▶ в период позднего онтогенеза, на фоне сохраненных способов психической самоактивности, снижается функционирование блока потребности и способности к выбору и реализации целей своего психического развития [31];
- ▶ при нормальном старении отмечается относительная сохранность параметров деятельности, обеспечиваемых структурно-функциональным блоком программирования и контроля [37];
- ▶ в старости сохраняемая способность к высокой творческой продуктивности стимулирует личность варьировать как реальным, так и потенциальным жизненным опытом [38].

Мы предположили, что сохраненные когнитивный ресурс и саморегулирующие способности пожилого и старого человека выступают *условием* актуализации потенциала жизненного опыта, способствующего адаптивному структурированию жизнедеятельности.

Организованный процесс целенаправленной деятельности выступает детерминирующим *фактором* реализации потенциалов жизненного опыта и поддержания благополучия успешного старения.

Методы

Группу испытуемых составили жители п. Оссора Камчатского края и г. Петропавловска-Камчатского в количестве 130 человек в возрасте от 56 до 84 лет (рисунок 1). Все участники группы на этапах исследования были соматически компенсированы, выраженных расстройств личности и поведения не имели.

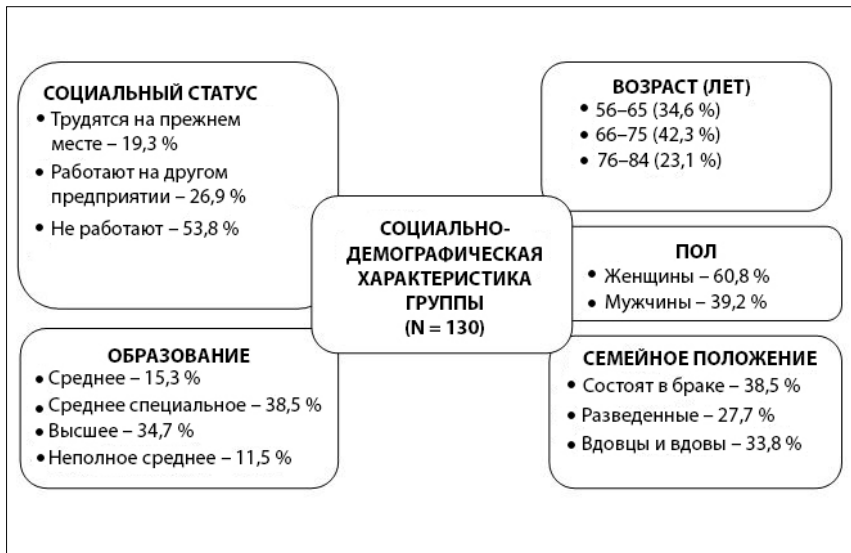

Рисунок 1. Подробная социально-демографическая характеристика исследовательской группы

Figure 1. Socio-demographic characteristics of the study sample

Большой процент официально не работающих респондентов отчасти обусловлен региональной спецификой: законодательный выход на пенсию в Камчатском крае у женщин в 50 лет, мужчин – в 55 лет.

Методики исследования:

1. Экспресс-методика оценки когнитивных функций при нормальном старении (Н. К. Корсакова, Е. Ю. Балашова, И. Ф. Рощина, 2009 г.), направленная преимущественно на исследование разных аспектов мнестической и интеллектуальной деятельности, с позиции структурно-функциональной модели мозга А. Р. Лурия [37].

2. Тест жизнестойкости S. R. Maddi, S. Kobasa (адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, 2006 г.) позволяет исследовать личностные особенности испытуемых (включенность, контроль, принятие риска) как систему установок о себе, мире и отношений с ним, с точки зрения сохранных ресурсных способностей самостоятельно репрезентировать устойчивые саморегулируемые стратегии [39].

3. Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, Т. П. Фесенко), направленная на диагностику особенностей субъективного самоощущения целостности и осмысленности бытия стареющего человека, что, в общем, позволяет оценить и проанализировать актуальное психологическое благополучие респондентов [40].

4. Анкета «Субъективное восприятие своей жизни» (Е. Н. Чуева, 2005 г.; модификация В. А. Наумовой, 2014 г.) содержит показатели субъективной удовлетворенности уровнем личностной активности, состоянием здоровья и принятием возраста [18, 20].

Дизайн исследования

На первом (констатирующем) этапе исследования анализировались результаты диагностики когнитивного ресурса (экспресс-методика), сохранности саморегулирующих способностей (компоненты жизнестойкости) и оценки состояния актуального психологического благополучия.

Для анализа особенностей психических процессов вслед за авторами экспресс-методики [37] были сформированы три возрастных подгруппы: 1) 45 респондентов от 56 до 65 лет (средний возраст – 61,8 года); 2) 55 респондентов от 66 до 75 лет (средний возраст – 69,5 года); 3) 30 респондентов от 76 до 84 лет (средний возраст – 78,9 года).

Из таблицы 1 видно, что в разных заданиях снижение показателей распределено неравномерно. Так, выраженные разрывы в баллах обнаружены в заданиях, связанных с работой третьего структурного функционального блока. В заданиях на запоминание и анализ организованного по смыслу материала разброс средних оценок составил от 0,1 до 0,4, что совпадает с анализом авторов экспресс-методики [37]. Объединяя выше представленные данные и учитывая результаты наших предыдущих исследований [4, 20], мы можем рассматривать относительную сохранность этих параметров

деятельности как вероятный ресурс когнитивных функций при нормальном старении. Однако достоверных различий по показателям экспресс-методики в возрастных подгруппах не было обнаружено, и в связи с этим анализ дальнейших диагностических параметров проводился в целом по выборке.

Таблица 1. Средние оценки выполнения заданий экспресс-методики в подгруппах (баллы)

Table 1. Fulfillment of tasks of the technique for rapid assessment in subgroups (mean scores)

Задания Tasks	56–65 лет 56–65 years (n = 45)	66–75 лет 66–75 years (n = 55)	76–84 лет 76–84 years (n = 30)	Группа в целом Group (total) (n = 130)
1	0,5	0,9	1,4	0,9
2	0,3	0,4	1,1	0,6
3	0,4	0,7	0,8	0,6
4	0,9	1,1	1,4	1,3
5	3,5	4,5	5,4	4,7
6	0,7	0,8	1	0,8
7	0,3	0,3	0,4	0,3
8	1	1,5	1,7	1,4
9	0,1	0,4	0,5	0,3
10	0,2	0,4	0,5	0,4
11	0,3	0	0	0,1
12	0	0,1	0	0
Общий балл Overall score	8,2	11,1	14,2	11,3

Результаты данных исследования *теста жизнестойкости* представлены в таблице 2.

Данные таблицы 2 фиксируют, что в целом по выборке показатели соответствуют нижнему порогу средних значений (по нормативам Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, 2006 г.), – это, в принципе, позволяет оценить их соответствие условной функциональности. Однако обращает на себя внимание результат сравнительного анализа процентного распределения нормативных показателей компонентов жизнестойкости, который позволяет установить их качественные особенности (таблица 3).

Таблица 2. Показатели компонентов жизнестойкости (констатирующий этап)**Table 2.** Components of vitality (ascertaining stage)

Шкалы Scales	Средние значения Mean scores	Стандартное отклонение Standard deviation	Дисперсия Dispersion
Жизнестойкость Vitality	62,3	17,4	137,8
Вовлеченность Involvement	30,91	7,9	66,0
Контроль Control	21,0	8,8	77,5
Принятие риска Risk taking	10,2	5,3	21,1

Таблица 3. Распределение показателей компонентов жизнестойкости**Table 3.** Distribution of scores of vitality components

Уровень значений Level	Жизне- стойкость Vitality		Вовле- ченность Involvement		Контроль Control		Принятие риска Risk taking	
	Кол- во N	%	Кол- во N	%	Кол- во N	%	Кол- во N	%
Высокие значения High	15	11,5	11	8,5	25	19,2	25	19,2
Средние значения Average	90	69,3	95	73,1	60	46,2	40	30,8
Низкие значения Low	25	19,2	24	18,4	45	34,6	65	50,0

Так, из таблицы 3 видно, что частый выбор респондентами средних значений по шкалам «общая жизнестойкость» / «вовлеченность», свидетельствующий об их личностной активности в решении обязательных жизненных задач, сочетается с предпочтением выбора низких значений по шкалам «контроль» и «принятие риска». Возникшее противоречие усиливается результатами контент-анализа описаний субъективного восприятия личностной активности и самопринятия (по анкете «Субъективное восприятие своей жизни»), свидетельствующими о тенденции большинства участников к состоянию жизненной пассивности, ощущению у себя «вынужденности к доживанию старой жизнью» и убежденности в том, что они мало интересны настоящему происходящему, а современные достижения цивилизации уже мало способствуют их развитию и движению. Так, например, на вопрос «Изменилось ли восприятие времени?» были ответы (здесь и далее приведенные примеры ответов респондентов даны в авторском изложении. – Прим. авт.): «сплошные одинаковые серые дни»; «не жизнь, а день Сурка, ничего не тормозит меня»; «живу только прошлым»; «понятно, что хорошая жизнь прошла и скоро совсем всё закончится». Ответы на другой вопрос: «Что для Вас жизненное счастье?» – «счастье детей», «жить ради детей», «отсутствие болей и доброты врачей», «всю жизнь работала без отдыха, а теперь пусть все ухаживают за мной», «сохранение терпимых отношений с родственниками», «скучное ковыряние на даче, да уже и тяжело лопатой-то...», «ой, какое счастье? Всё уже раздражает, совсем приелась в жизни, а новое мне не "по зубам", страшно подумать, как с этим жить-то...».

Далее мы проанализировали состояние актуального психологического благополучия испытуемых (таблица 4).

Таблица 4. Показатели компонентов психологического благополучия

Table 4. Components of psychological well-being

Шкалы Scales	Средние значения Mean scores	Стандартное отклонение Standard deviation	Дисперсия Dispersion
Позитивные отношения с окружающими Positive relations with others	54,80	7,36	135,2
Автономия Autonomy	52,55	7,34	60,1
Управление средой Managing the environment	53,92	7,13	90,4

Шкалы Scales	Средние значения Mean scores	Стандартное отклонение Standard deviation	Дисперсия Dispersion
Личностный рост Personal growth	55,83	6,10	30,2
Цель в жизни Purpose in life	58,02	8,89	49,4
Самопринятие Self-acceptance	52,73	8,50	66,8

Полученный анализ данных также свидетельствует о соответствии их нижней границе средних значений (по нормативам Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко, 2005 г.). Проведенный корреляционный анализ между показателями параметров шкал жизнестойкости и психологического благополучия подтверждает, что субъективное благополучие участников исследовательской группы во многом определяется реакцией среды и оценкой Другого; также отмечается тенденция к обеднению жизненных целей, планов, к снижению личностной значимости и самооценности (рисунок 2).

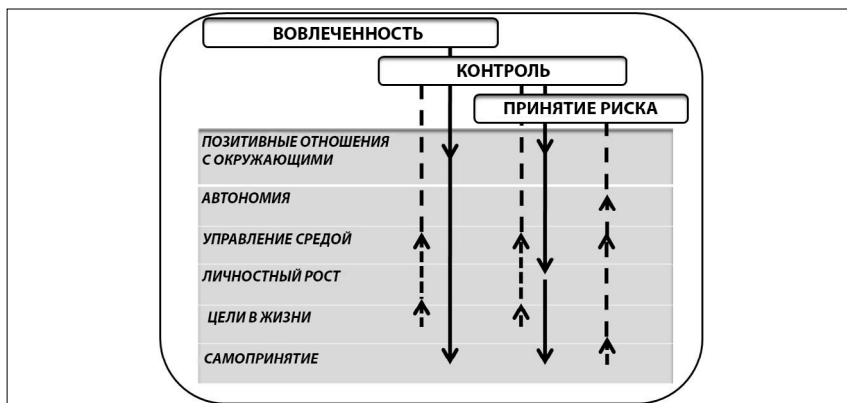

Рисунок 2. Схема результата корреляционного анализа между компонентами жизнестойкости и психологического благополучия на констатирующем этапе

Условные обозначения: ↓ – положительная корреляционная связь, ↑ – отрицательная корреляционная связь.

Figure 2. Scheme of the result of correlation analysis between the components of vitality and psychological well-being at the ascertaining stage

Резюмируя анализ корреляционных связей и представленный выше исследовательский материал, мы можем утверждать, что демонстрация высокой степени ограничения личностной активности указывает на принятие респондентами реальной жизненной ситуации развития – вынужденной (состоявшейся), но неудовлетворяющей. Пытаясь объяснить полученный факт, можно обратиться к специфичности вынужденного проживания респондентов на этапе позднего онтогенеза в Камчатском регионе на фоне современной экономической ситуации. Традиционно, много десятилетий в советское время в регионе сохранялся «преимущественно вахтовый стиль» проживания через призму «хорошо обеспеченного будущего», но вследствие экономических кризисов данная схема утратила значимость. В результате человек, проработав «молодые годы до пенсии» в ситуации территориальной отдаленности и тяжелых природно-климатических условий, вынужден окончательно признать и принять нереализованность планов по обеспечению старости «обязательно на материке» и продолжать свой жизненный путь, лишенный предыдущей трудовой деятельности, в довольно сложной психосоциальной атмосфере.

Второй этап в дизайне нашего исследования заключался в разработке и реализации программы психологической интервенции творческими методами системной арт-терапии [41]. Мы использовали возможности тематической арт-группы, полагая, что целенаправленная, интерактивная творческая деятельность, адекватная и безопасная коммуникация стимулируют опосредованность переживания участников реального происходящего и запускает механизм актуализации и реализации жизненного опыта как потенциального (ранее не востребованного) [41, 42].

Комплектация техник и технологий осуществлялась с опорой на сохраненные звенья психической деятельности с учетом выявленных у респондентов снижений когнитивных функций: замедления темпа деятельности, трудностей переключения и распределения внимания, увеличения периода включения в выполнение заданий, снижения помехоустойчивости в переработке информации, сложностей реализации пространственных задач. В целом занятия включали: графические техники с вербальным сопровождением или музыкальным компонентом («Линия жизни», «Грани моего Я», «Коллаж жизни», «Автопортрет» и др.), приемы изобразительной стимуляции когнитивных навыков и межличностных взаимодействий (составление арт-дневника; арт-техники в сочетании с драмой, поэзией, музыкой и танцами; парная работа с пословицами и афоризмами и др.), техники творческого самовыражения, поиска и раскрытия ресурсов саморегуляции (фото- и музыкотерапия, тематические инсталляции и перформанс, ландшафтная арт-терапия, телесно-ориентированная арт-терапия и др.) [43, 44, 45]. Программа реализовывалась

в течение 12 месяцев с частотой два раза в неделю по два часа, а также по желанию участников, предлагались домашние задания [4].

Результаты

Многие исследователи отмечают, что систематическое погружение в тематический, интеракционный творческий процесс позволяет человеку в период старения реабилитировать осознание наличия собственных психологических особенностей, способов их трансформации и презентации для более успешного функционирования в действительности [41, 44, 45].

Подтверждением этих наблюдений являются показатели по шкалам компонентов жизнестойкости на **3-м контрольном этапе исследования** (таблица 5).

Таблица 5. Динамики показателей компонентов жизнестойкости (контрольный срез)

Table 5. Dynamics of values of vitality components (control section)

Шкалы теста Test scales	Констатирующие показатели Ascertaining scores			Контрольные показатели Control scores			Коэфф. t Coefficient t
	Ср. знач. Mean scores	Ст. откл. Standard deviation	Дисп. Dispersion	Ср. знач. Mean scores	Ст. откл. Standard deviation	Дисп. Dispersion	
Жизнестойкость Vitality	62,3	17,4	257,8	78,4	15,8	261,5	3,35**
Вовлеченность Involvement	30,91	7,9	66,0	40,95	5,53	50,7	3,49**
Контроль Control	21,0	8,8	77,5	25,5	7,06	53,7	2,13*
Принятие риска Risk taking	10,2	5,3	21,1	13,8	4,7	19,5	3,15*
* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$							

Из таблицы 5 видно, что в целом по выборке показатели контрольного среза входят в параметры верхних границ среднего уровня. Анализ свидетельствует о достоверно значимых различиях по всем шкалам теста.

Анализ результатов динамики распределения показателей компонентов жизнестойкости на контрольном этапе подтверждает эти результаты (таблица 6). Представленная динамика параметров компонентов жизнестойкости подтверждает, что организованная, комфортная и безопасная возможность для пожилого и старого человека быть равноправным участником творческого процесса запускает трансформационные механизмы сличения вероятностных и реальных индивидуальных потребностей, что в свою очередь способствует реальному достижению удовлетворения от собственных действий и происходящих вокруг событий и жизни в целом.

Таблица 6. Динамика распределения показателей компонентов жизнестойкости

Table 6. Dynamics of distribution of scores of vitality components

Уровень значений Level	Жизнестойкость Vitality		Вовлеченность Involvement		Контроль Control		Принятие риска Risk taking	
	Кол-во N	%	Кол-во N	%	Кол-во N	%	Кол-во N	%
Высокие значения High	22	16,9	18	13,8	19	14,6	18	13,8
Средние значения Average	94	72,4	102	78,5	86	66,2	82	63,1
Низкие значения Low	14	10,7	10	7,7	25	19,2	30	23,1

Достоверно значимые различия по шкале «контроль» ($p \leq 0,05$) показывают тенденцию респондентов к активному поиску путей влияния и противостояния негативным, довольно часто стрессогенным, возрастным изменениям и важность самостоятельного выбора деятельности и адекватных стратегий жизнедеятельности в старости. Рост показателей по шкале «принятие риска» ($p \leq 0,05$) репрезентирует возросшую потребность использовать знания из приобретенного (часто не востребованного) на предыдущих этапах жизни опыта для осознания и принятия жизненной компетентности в реальной действительности.

Сравнительный анализ компонентов психологического благополучия фиксирует достоверно значимые различия по всем шкалам (таблица 7).

Из таблицы 7 видно, что на контрольном этапе появились показатели, соответствующие высокому уровню (компоненты «автономия» и «управление средой»). Важно отметить, что показатели других компонентов в целом соответствуют верхним границам всё же средних параметров.

Таблица 7. Динамика показателей по шкалам психологического благополучия

Table 7. Dynamics of scores for scales of psychological well-being

Шкалы теста Test scales	Констатирующие показатели Ascertaining scores			Контрольные показатели Control scores			Кэфф. † Coefficient
	Ср. знач. Mean scores	Ст. откл. Stan- dard devi- ation	Дисп. Disper- sion	Ср. знач. Mean scores	Ст. откл. Stan- dard devi- ation	Дисп. Disper- sion	
Позитивные отношения с окружаю- щими Positive relations with others	54,80	7,36	135,2	74,0	7,05	125,6	10,6**
Автономия Autonomy	52,55	7,34	60,1	68,9	7,88	69,0	8,33**
Управление средой Managing the environment	53,92	7,13	90,4	73,3	5,90	95,8	12,3**
Личностный рост Personal growth	55,83	6,10	30,2	69,9	7,35	54,1	37,88**
Цель в жизни Purpose in life	58,02	8,89	49,4	75,05	6,28	60,2	9,52**
Самопринятие Self- acceptance	52,73	8,50	66,8	71,9	7,94	43,4	9,23**

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Корреляционный анализ на контрольном этапе исследования также демонстрирует перераспределение связей между компонентами жизнестойкости и психологического благополучия (рисунок 3).

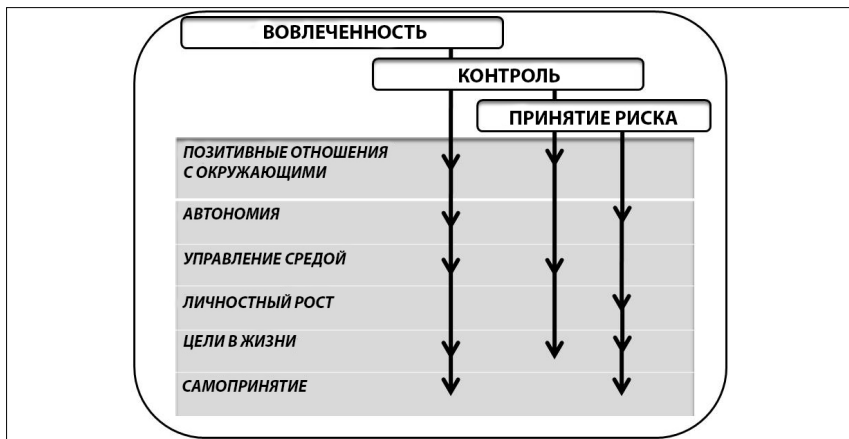

Рисунок 3. Динамика корреляционных связей между компонентами жизнестойкости и психологического благополучия

Figure 3. Dynamics of correlations between the vitality and psychological well-being components

Итак, анализ данных контрольных показателей позволяет утверждать, что погружение участников пожилого и старческого возраста в целенаправленную творческую деятельность способствует изменению структуры их взаимодействия с окружением.

Подтверждение вышесказанного отражено в результатах контрольного контент-анализа описаний субъективного восприятия личностной активности, отражающих принятие настоящей реальности как возможность жить полноценной и многомерной жизнью. Так, например, на вопрос «Изменилось ли восприятие времени?» были ответы: «не позволяю себе бездельничать, и увы, много не успеваю»; «да некогда отслеживать, всё время какие-то дела»; «пытаюсь догнать современность», «старюсь жить в ногу со временем». Изменилась направленность ответов на вопрос: «Что для Вас жизненное счастье?» – «когда мной гордятся родные», «когда младшая дочь приглашает в свою компанию», «покой внутри меня», «давать “прикурить новой поросли”».

Таким образом, мы можем отметить, что участие респондентов в целенаправленной творческой деятельности, в безопасном межличностном взаимодействии в тематических арт-группах стимулирует механизмы

личностной и социальной активности, самостоятельности, независимости и в целом способствует поддержанию уровня психологического благополучия и успешного старения.

Обсуждение результатов

Ряд исследователей (М. В. Ермолаева; И. Б. Котова, И. В. Гроза; О. У. Strizhit-skaya, Е. Р. Davedyuk; А. И. Мелёхин) отмечает, что накапливаясь и обогащаясь, жизненный опыт позволяет человеку быть не только объектом жизни, но и ее субъектом [3, 5, 46, 47, 48]. Поэтому уникальный для каждого человека жизненный опыт является специфическим ресурсом его старения. Однако в период позднего онтогенеза использование потенциалов жизненного опыта может быть крайне проблематично. Вероятно, данную ситуацию можно объяснить пониманием (принятием) слабо развитой культуры старения или отсутствием опыта «массового проживания старости» в предыдущих нескольких поколениях, равно как и любого другого периода жизни – детства, отрочества, зрелости [4, 20].

Важно, что опыт обладает пластичностью и обратимостью за счет постоянного пересмотра когнитивной и эмоциональной оценок, реинтерпретации результатов конкретных событий или этапов жизни, и как следствие, изменения его структуры [49]. Традиционно первыми показателями уязвимости пожилого возраста считаются ухудшения здоровья и когнитивные изменения. Современные публикации подвергают сомнению обязательные изменения когнитивной сферы как естественную часть старения и предоставляют достоверные факты о ее интактных и патологических вариантах [22, 25, 29]. Сторонники концепции когнитивного резерва предполагают, что возрастные когнитивные нарушения в старости носят не только структурный, но и функциональный характер [50]. Многими исследователями исходный уровень образования, продолжающееся обучение и ориентирование пожилого человека на цели, имеющие для него эмоциональную значимость, рассматриваются как ключевой фактор сохранения когнитивного запаса в старости, и это расширяет представления о компенсаторных возможностях когнитивных функций [29, 48, 50].

Сохраненные когнитивные процессы в пожилом возрасте за счет закрепленных в индивидуальном опыте форм активности могут обеспечивать стабильность системы установок и убеждений человека о себе, мире, отношений с ним, позволяющих успешно реализовать сложившиеся алгоритмы деятельности и препятствовать негативным воздействиям, что, по сути, и есть устойчивый ресурс саморегуляции – жизнестойкость [36, 48, 50, 51]. В. В. Селиванов отмечает, что личности в старости хорошо адаптируются к возрастным изменениям позволяет сохраненная высокая способность к саморегуляции психических функций [52].

S. R. Maddi, R. H. Harvey отмечают, что жизнестойкость – это внутренний ресурс, подвластный самому человеку, то, что он может сам изменить и переосмыслить [53, 54]. Эти положения нашли отражение и в настоящем исследовании, но при интерпретации результатов мы столкнулись с несколькими проблемами. Так, например, многие исследования указывают, что компоненты жизнестойкости развиваются активно в основном в детстве и отчасти в подростковом возрасте, но на последующих этапах онтогенеза их развитие возможно как следствие интенсивного включения в специальные тренинги. В нашем случае тренинг жизнестойкости не являлся целью исследования, и в то же время результат психологической интервенции фиксирует динамику увеличения показателей компонентов жизнестойкости. Данный факт позволяет нам констатировать, что ресурс саморегуляции был достаточно развит на предыдущих возрастных этапах, но для данного возраста слабо востребован и поэтому скорее характеризуется как потенциальный. Для большей части респондентов актуализация данного ресурса стала возможной путем максимального использования интерактивного и целенаправленного погружения в процессы арт-группы [20, 55].

Следующая особенность связана с вопросами нормативных значений используемых тестов, к сожалению, не адаптированных к старческому возрасту. Мы солидарны с публикациями, которые заявляют о существующей проблеме дефицита валидизированных методов для применения в геронтопсихологических исследованиях. Нами использовались нормы авторов методики (до 48 лет), согласно которым у респондентов исследовательской группы в целом результаты соответствуют среднему уровню. По обозначенным выше причинам оценивать полученные данные с позиции предыдущего возрастного периода довольно сложно и скорее некорректно.

В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть возможности сохранного когнитивного ресурса с позиции ресурсных стратегий обработки и ревизии событий и, как следствие, обеспечения индивидуальности и уникальности собственного пути. Отражение силы нереализованного жизненного опыта было представлено через призму психологической характеристики жизнестойкости, которая позволяет человеку адаптивно взаимодействовать с окружающей реальностью и детерминирует появление субъективного «чувства личного благополучия» [56, с. 108]. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что сохранение когнитивного ресурса и саморегулирующих способностей (жизнестойкости) личности в старости выступает *условием* актуализации потенциального жизненного опыта. Эти ресурсы позволяют поддерживать физическое, психологическое и социальное здоровье и обеспечивать ценность и смысл жизни при любых обстоятельствах, что, совершенно очевидно, особо актуально для успешного старения.

В заключение важно отметить, что представленная работа имеет обоснованные предпосылки и может составить актуальное поле для дальнейшего исследования других ресурсов старения. Мы выражаем надежду, что полученные результаты дают возможность дифференцировать стратегии и способы работы с пожилыми и старыми людьми, а также, что особенно важно в современном обществе, могут быть использованы для просвещения подрастающего поколения с целью формирования уважения к старости и смягчения негативных стереотипов старения.

Статья-победитель конкурса «Российского психологического журнала» – 2018.

Winner of the Russian Psychological Journal contest – 2018.

Литература

1. *Роик В. Д.* Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт: монография. М.: Юрайт, 2018. 336 с.
2. *Глуханюк Н. С., Гершкович Т. Б.* Поздний возраст и стратегии его освоения. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2003. 112 с.
3. *Ермолаева М. В.* Жизненный опыт как критерий личностного развития в старости // Мир психологии. 2007. № 3 (51). С. 145–152.
4. *Glozman J., Naumova V.* Art-therapy for Mobilizing Personal Resources in the Elderly // Art Therapy: Programs, Uses and Benefits / V. Buchanan (Ed). Nova Science Publishers USA, 2016. P. 113–128.
5. *Мелёхин А. И.* Качество жизни в пожилом и старческом возрасте: проблемные вопросы // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 1. С. 53–63. DOI: [10.17759/jmfp.2016050107](https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050107)
6. *Стрижицкая О. Ю.* К вопросу об эмпирическом исследовании геротрансцендентности // Мир Науки. 2017. Т. 5, № 6. С. 1–10. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).
7. *The Cambridge Handbook of Age and Ageing / M. L. Johnson (Ed.).* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 772 p. DOI: [10.1017/CBO9780511610714](https://doi.org/10.1017/CBO9780511610714)
8. *Havighurst R. J.* Successful aging // *The Gerontologist*. 1961. № 1. P. 8–13.
9. *Rowe J. W., Kahn R. L.* Successful Aging. New York: Random House, Pantheon Books, 1998. 265 p.
10. *Stowe J. D., Cooney T. M.* Examining Rowe and Kahn's Concept of Successful Aging: Importance of Taking a Life Course Perspective // *The Gerontologist*. 2015. Vol. 55, Issue 1. P. 43–50. DOI: [10.1093/geront/gnu055](https://doi.org/10.1093/geront/gnu055)
11. *Whitley E., Popham F., Benzeval M.* Comparison of the Rowe–Kahn Model of Successful Aging With Self-rated Health and Life Satisfaction: The West of

- Scotland Twenty-07 Prospective Cohort Study // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56, Issue 6. P. 1082–1092. DOI: [10.1093/geront/gnv054](https://doi.org/10.1093/geront/gnv054)
12. *Бельцова И. А.* Концепция «Успешное старение» как нормативный конструкт в формировании позитивного образа старости в демократическом обществе // *Вестник экономики, права и социологии*. 2012. № 1. С. 283–288.
 13. *Шаповаленко И. В.* Макартурское исследование успешного старения: на пути к новой геронтологии (реферативный обзор книги Rowe J. W., Kahn R. L. «Successful Aging») // *Современная зарубежная психология*. 2017. Т. 6, № 3. С. 13–21. DOI: [10.17759/jmfp.2017060302](https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060302)
 14. *Шахматов Н. Ф.* Психическое старение: счастливое и болезненное. М.: Медицина, 1996. 304 с.
 15. *Fernández-Ballesteros R., Kruse A., Zamarrón M. D. & Caprara M. G.* Quality of Life, Life satisfaction and Positive Ageing // *GeroPsychology: European Perspectives for an Ageing World* / R. Fernández-Ballesteros (Ed.). Göttingen: Hogrefe & Huber, 2007. P. 196–223.
 16. *Fernández-Ballesteros R., & Díez-Nicolás J.* Active aging. Mandatory retirement and a barrier // *Releasing the Potentials of Senior Scholars and Scientists Emerging Productivity in a New Era* / H. A. Becker & J. J. F. Schroots (Eds.). Amsterdam: ERGO, European Research Institute on Health and Aging, 2008. P. 81–109.
 17. *Bryant L. L., Corbett K. K., Kutner J. S.* In their own words: a model of healthy aging // *Social Science & Medicine*. 2001. Vol. 53. P. 927–941.
 18. *Чуева Е. Н.* Психологические условия конструктивного развития личности в период зрелости. Петр.-Камч.: Изд-во КамГУ, 2005. 186 с.
 19. *Сурикова Я. А.* Особенности временной перспективы пожилых, проживающих в условиях социальной изоляции // *Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011. № 2 (18). С. 90–97.
 20. *Наумова В. А.* Оптимизация личностных ресурсов на этапе поздней зрелости. Петр.-Камч.: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 284 с.
 21. *Альмуханов К. Г.* Благополучное старение: ретроспективный анализ и современное состояние // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8. С. 212–216. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34537> (дата обращения: 26.08.2018).
 22. *Стрижицкая О. Ю.* Самодетерминация в период поздней взрослости и старения: теоретические подходы и проблемы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика*. 2013. № 4. С. 118–127.
 23. *Головей Л. А., Стрижицкая О. Ю., Криулина А. В.* Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход // *Пси-*

- хологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 9. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1020-golovey36.html> (дата обращения 26.08.2018).
24. *Strizhitskaya O.* Aging in Russia // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56, Issue 5. P. 795–799.
25. *Леонтьев Д. А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 62. С. 18–37. DOI: [10.17223/17267080/62/3](https://doi.org/10.17223/17267080/62/3)
26. *Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 135 с.
27. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
28. *Stern Y.* Cognitive reserve // *Neuropsychologia*. 2009. Vol. 47, Issue 10. P. 2015–2028. DOI: [10.1016/j.neuropsychologia.2009.03.004](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.03.004)
29. *Стрижицкая О. Ю.* Когнитивный резерв как психологический и психофизиологический ресурс в период старения // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 16. 2016. Вып. 2. С. 79–87. DOI: [10.21638/11701/spbu16.2016.209](https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.209)
30. *Cho J., Martin P., Poon L. W.* Successful Aging and Subjective Well-Being Among Oldest-Old Adults // *The Gerontologist*. 2015. Vol. 55, Issue 1. P. 132–143. DOI: [10.1093/geront/gnu074](https://doi.org/10.1093/geront/gnu074)
31. *Татенко В. О.* Субъект психической активности: поиск новой парадигмы // *Психологический журнал*. 1995. Т. 16, № 3. С. 23–34.
32. *Бодаев А. А.* Акме – эффект личностного осуществления в процессе социализации и индивидуализации взрослого человека // *Мир психологии*. 1998. № 1. С. 59–66.
33. *Erikson E. H.* *The Life Cycle Completed*. N. Y., 1982. 108 p.
34. *Даведюк Е. П.* Самодетерминация и ее индивидуальные проявления в пожилом возрасте // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 16. 2014. Вып. 2. С. 51–57.
35. *Deci E. L., Vansteenkiste M.* Self-determination theory and basic need satisfaction: Understanding human development in positive psychology // *Ricerche di Psicologia*. 2004. Vol. 27, № 1. P. 23–40.
36. *Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // *Личностный потенциал: структура и диагностика* / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 12–41.
37. *Корсакова Н. К., Балашова Е. Ю., Рощина И. Ф.* Экспресс-методика оценки когнитивных функций при старении // *Психологические исследования*. 2009. № 3 (5). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n3-5/176-korsakova5> (дата обращения: 30.07.2018).

38. *Анцыферова Л. И.* Психология старости: особенности развития психологии личности в период поздней зрелости // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 3. С. 86–99.
39. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
40. *Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
41. *Копытин А. И.* Системная арт-терапия: теоретическое обоснование, методология применения, лечебно-реабилитационные и дестигматизирующие эффекты: дисс. ... д. мед. наук. СПб., 2010. 311 с.
42. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 500 с.
43. *Элькин В. М.* Театр цвета и мелодии Ваших страстей. Цветовая психология и психотерапия шедеврами искусства. Гармонизация цветовых программ жизни и Ваши тайные способности. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. 292 с.
44. *Копытин А. И., Платтс Дж.* Руководство по фототерапии. М.: Когито-Центр, 2009. 184 с.
45. *Копытин А. И., Корт Б.* Техники телесно-ориентированной арт-терапии. М.: Психотерапия, 2011. 128 с.
46. *Котова И. Б., Гроза И. В.* Жизненный ресурс личности как психологическое условие позитивного мироощущения // Прикладная психология и психоанализ. 2012. № 2. С. 6.
47. *Strizhitskaya O. Y., Davedyuk E. P.* Self-Determination Structure in Aging: From Theory to Practice // Proceedings of the 3rd Annual International Conference on Cognitive and Behavioral Psychology (CBP 2014). Singapore, 2014. P. 56–59.
48. *Мелёхин А. И.* Модель психического: траектория изменений в пожилом и старческом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 1. С. 24–43. DOI: [10.17759/cpp.2016240103](https://doi.org/10.17759/cpp.2016240103)
49. *Шмидт В. В.* Периодизация психического развития в методологии психологического исследования // Психология зрелости и старения. 2002. № 1 (17). С. 6–17.
50. *Barulli D., Stern Y.* Efficiency, capacity, compensation, maintenance, plasticity: emerging concepts in cognitive reserve // Trends in Cognitive Sciences. 2013. Vol. 17, Issue 10. P. 502–509. DOI: [10.1016/j.tics.2013.08.012](https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.08.012)
51. *Calasanti T.* Combating Ageism: How Successful Is Successful Aging? // The Gerontologist. 2016. Vol. 56, Issue 6. P. 1093–1101. DOI: [10.1093/geront/gnv076](https://doi.org/10.1093/geront/gnv076)
52. *Селиванов В. В.* Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003. 311 с.
53. *Maddi S. R.* The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. Vol. 51 (2). P. 83–94. DOI: [10.1037/1061-4087.51.2.83](https://doi.org/10.1037/1061-4087.51.2.83)

54. Maddi S. R., Harvey R. H. Hardiness Considered Across Cultures // Handbook of Multicultural Perspectives on Stress and Coping. N. Y: Springer, 2006. P. 409–426.
55. Балл Г. А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 7–19.
56. Эммонс Р. Психология высших устремлений. Мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. 416 с.

References

1. Roik V. D. *Pensionnyi vozrast i modernizatsiya pensionnykh sistem: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt: monografiya* [Retirement age and modernisation of pension systems: Domestic and foreign experience]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 336 p.
2. Glukhanyuk N. S., Gershkovich T. B. *Pozdnii vozrast i strategii ego osvoeniya* [Late age and the strategy of its development]. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2003. 112 p.
3. Ermolaeva M. V. Life experience as a criterion for personal development in the elderly. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2007, no. 3 (51), pp. 145–152 (in Russian).
4. Glzman J., Naumova V. Art-therapy for mobilizing personal resources in the elderly. In: Buchanan V. (ed.) *Art therapy: Programs, uses and benefits*. Nova Science Publishers USA, 2016, pp. 113–128.
5. Melekhin A. I. Quality of life in the elderly and senile age: Problematic issues. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Modern Foreign Psychology*, 2016, V. 5, no. 1, pp. 53–63 (in Russian). DOI: [10.17759/jmfp.2016050107](https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050107)
6. Strizhitskaya O. Yu. Approaches to empirical study of gerotranscendence. *Mir Nauki – World of Science*, 2017, V. 5, no. 6, pp. 1–10 (in Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf> (Accessed 16 August 2018).
7. Johnson M. L. (ed.) *The Cambridge handbook of age and ageing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 772 p. DOI: [10.1017/CBO9780511610714](https://doi.org/10.1017/CBO9780511610714)
8. Havighurst R. J. Successful aging. *The Gerontologist*, 1961, no. 1, pp. 8–13.
9. Rowe J. W., Kahn R. L. *Successful aging*. New York, Random House, Pantheon Books, 1998. 265 p.
10. Stowe J. D., Cooney T. M. Examining Rowe and Kahn's concept of successful aging: Importance of taking a life course perspective. *The Gerontologist*, 2015, V. 55, Issue 1, pp. 43–50. DOI: [10.1093/geront/gnu055](https://doi.org/10.1093/geront/gnu055)
11. Whitley E., Popham F., Benzeval M. Comparison of the Rowe–Kahn model of successful aging with self-rated health and life satisfaction: The West of

- Scotland twenty-07 prospective cohort study. *The Gerontologist*, 2016. V. 56, Issue 6, pp. 1082–1092. DOI: [10.1093/geront/gnv054](https://doi.org/10.1093/geront/gnv054)
12. Bel'tsova I. A. The 'successful aging' concept as a normative construct for a positive image of old age in a democratic society. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2012, no. 1, pp. 283–288 (in Russian).
 13. Shapovalenko I. V. MacArthur study of successful aging: on the way to a new gerontology: Abstract review of the Successful Aging book by Rowe J. W. and Kahn R. L. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017, V. 6, no. 3, pp. 13–21 (in Russian). DOI: [10.17759/jmfp.2017060302](https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060302)
 14. Shakhmatov N. F. *Psikhicheskoe starenie: schastlivoe i boleznennoe* [Mental aging: Happy and painful]. Moscow, Meditsina Publ., 1996. 304 p.
 15. Fernández-Ballesteros R., Kruse A., Zamarrón M. D. & Caprara M. G. Quality of life, life satisfaction and positive ageing. In: Fernández-Ballesteros R. (ed.) *GeroPsychology: European perspectives for an ageing world*. Göttingen, Hogrefe & Huber, 2007, pp. 196–223.
 16. Fernández-Ballesteros R., & Díez-Nicolás J. Active aging. Mandatory retirement and a barrier. In: Becker H. A. & Schroots J. J. F. (eds.) *Releasing the potentials of senior scholars and scientists emerging productivity in a new era*. Amsterdam, ERGO, European Research Institute on Health and Aging, 2008, pp. 81–109.
 17. Bryant L. L., Corbett K. K., Kutner J. S. In their own words: a model of healthy aging. *Social Science & Medicine*, 2001, V. 53, pp. 927–941.
 18. Chueva E. N. *Psikhologicheskie usloviya konstruktivnogo razvitiya lichnosti v period zrelosti* [Psychological conditions of personal constructive development in the period of maturity]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatka State University Publ, 2005. 186 p.
 19. Surikova Ya. A. Characteristics of time perspective in the elderly living under conditions of social exclusion. *Seriya "Gumanitarnye nauki" – Bulletin of Kamchatka Regional Association "Educational-Scientific Center": Series Humanities*, 2011, no. 2 (18), pp. 90–97 (in Russian).
 20. Naumova V. A. *Optimizatsiya lichnostnykh resursov na etape pozdnei zrelosti* [Optimization of personal resources in late maturity]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatka State University Publ, 2014. 284 p.
 21. Al'mukanov K. G. Successful aging: A retrospective analysis and current state. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*, 2014, no. 8, pp. 212–216 (in Russian). Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34537> (Accessed 26 August 2018).
 22. Strizhitskaya O. Yu. Self-determination in late adulthood and aging: Theoretical approaches and problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika – Bulletin of*

- St. Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogics*, 2013, no. 4, pp. 118–127 (in Russian).
23. Golovei L. A., Strizhitskaya O. Yu., Kriulina A. V. Positive functioning of personality in the elderly: A comprehensive approach. *Psychological Studies*, 2014, V. 7, no. 36, p. 9 (in Russian). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1020-golovey36.html> (Accessed 26 August 2018).
24. Strizhitskaya O. Aging in Russia. *The Gerontologist*, 2016, V. 56, Issue 5, pp. 795–799.
25. Leont'ev D. A. Self-regulation, resources, and personal potential. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal – Siberian Psychological Journal*, 2016, no. 62, pp. 18–37 (in Russian). DOI: [10.17223/17267080/62/3](https://doi.org/10.17223/17267080/62/3)
26. Aleksandrova M. D. *Problemy sotsial'noi i psikhologicheskoi gerontologii* [Issues of social and psychological gerontology]. Leningrad, LSU Publ., 1974. 135 p.
27. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p.
28. Stern Y. Cognitive reserve. *Neuropsychologia*, 2009, V. 47, Issue 10, pp. 2015–2028. DOI: [10.1016/j.neuropsychologia.2009.03.004](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.03.004)
29. Strizhitskaya O. Yu. Cognitive reserve as a psychological and psychophysiological resource in aging. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16 – Bulletin of St. Petersburg University: Series 12*, 2016, V. 2, pp. 79–87 (in Russian). DOI: [10.21638/11701/spbu16.2016.209](https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.209)
30. Cho J., Martin P., Poon L. W. Successful aging and subjective well-being among oldest-old adults. *The Gerontologist*, 2015, V. 55, Issue 1, pp. 132–143. DOI: [10.1093/geront/gnu074](https://doi.org/10.1093/geront/gnu074)
31. Tatenko V. O. A subject of mental activity: Search for a new paradigm. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1995, V. 16, no. 3, pp. 23–34 (in Russian).
32. Bodalev A. A. Akme as an effect of personal realization in adults' socialization and individualization. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 1998, no. 1, pp. 59–66 (in Russian).
33. Erikson E. H. *The life cycle completed*. N. Y., 1982. 108 p.
34. Davedyuk E. P. Self-determination and its individual manifestations in the elderly. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 16 – Bulletin of St. Petersburg University: Series 16*, 2014, V. 2, pp. 51–57 (in Russian).
35. Deci E. L., Vansteenkiste M. Self-determination theory and basic need satisfaction: Understanding human development in positive psychology. *Ricerche di Psicologia*, 2004, V. 27, no. 1, pp. 23–40.
36. Leont'ev D. A. New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible. In: Leont'ev D. A. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnosis]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 12–41.

37. Korsakova N. K., Balashova E. Yu., Roshchina I. F. Express-method of assessment of cognitive functions in aging. *Psychological Studies*, 2009, no. 3 (5) (in Russian). Available at: <http://psystudy.ru/num/2009n3-5/176-korsakova5> (Accessed 30 June 2018).
38. Antsyferova L. I. Psychology of ageing: Features of development of personality in late adulthood. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, V. 22, no. 3, pp. 86–99 (in Russian).
39. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznesteikosti* [Resilience test]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 63 p.
40. Shevelenkova T. D., Fesenko T. P. Psychological well-being of personality. *Psikhologicheskaya diagnostika – Psychological Diagnostics*, 2005, no. 3, pp. 95–121 (in Russian).
41. Kopytin A. I. *Sistemnaya art-terapiya: teoreticheskoe obosnovanie, metodologiya primeneniya, lechebno-reabilitatsionnye i destigmatiziruyushchie efekty* [Systems art therapy: theoretical basis, methodology of application, therapeutic, rehabilitation and destigmatising effects]. Diss. Dr. Sci. (Med.). St. Petersburg, 2010. 311 p.
42. Vygotskii L. S. *Razvitiye vysshikh psikhicheskikh funktsii* [Development of higher mental functions]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1960. 500 p.
43. El'kin V. M. *Teatr tsveta i melodii Vashikh strastei. Tsvetovaya psikhologiya i psikhoterapiya shedevrami iskusstva. Garmonizatsiya tsvetovykh programm zhizni i Vashi tainye sposobnosti* [Theatre of color and melodies of your passions: Color psychology and psychotherapy by means of art masterpieces: Harmonization of color programs of life and your secret abilities]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2005. 292 p.
44. Kopytin A. I., Platts Dzh. *Rukovodstvo po fototerapii* [A guide to phototherapy]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2009. 184 p.
45. Kopytin A. I., Kort B. *Tekhniki telesno-orientirovannoi art-terapii* [Techniques of body-oriented art therapy]. Moscow, Psikhoterapiya Publ., 2011. 128 p.
46. Kotova I. B., Groza I. V. Personal life resource as a psychological condition of a positive outlook. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz – Applied Psychology and Psychoanalysis*, 2012, no. 2, p. 6 (in Russian).
47. Strizhitskaya O. Y., Davedyuk E. P. Self-determination structure in aging: From theory to practice. *Proceedings of the 3rd Annual International Conference on Cognitive and Behavioral Psychology (CBP 2014)*. Singapore, 2014, pp. 56–59.
48. Melekhin A. I. Model of the mental: Trajectory of changes in elderly and senile age. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016, V. 24, no. 1, pp. 24–43 (in Russian). DOI: [10.17759/cpp.2016240103](https://doi.org/10.17759/cpp.2016240103)

49. Shmidt V. V. Periodization of mental development in the methodology of psychological research. *Psikhologiya zrelosti i stareniya – Psychology of Maturity and Aging*, 2002, no. 1 (17), pp. 6–17 (in Russian).
50. Barulli D., Stern Y. Efficiency, capacity, compensation, maintenance, plasticity: emerging concepts in cognitive reserve. *Trends in Cognitive Sciences*, 2013, V. 17, Issue 10, pp. 502–509. DOI: [10.1016/j.tics.2013.08.012](https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.08.012)
51. Calasanti T. Combating ageism: How successful is successful aging? *The Gerontologist*, 2016, V. 56, Issue 6, pp. 1093–1101. DOI: [10.1093/geront/gnv076](https://doi.org/10.1093/geront/gnv076)
52. Selivanov V. V. *Myshlenie v lichnostnom razvitii sub"ekta* [Thinking in personal development of the subject]. Smolensk, Universum Publ., 2003. 311 p.
53. Maddi S. R. The personality construct of hardiness: I. Effects on experiencing, coping, and strain. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 1999, V. 51 (2), pp. 83–94. DOI: [10.1037/1061-4087.51.2.83](https://doi.org/10.1037/1061-4087.51.2.83)
54. Maddi S. R., Harvey R. H. Hardiness considered across cultures. In: *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping*. N. Y, Springer, 2006, pp. 409–426.
55. Ball G. A. Psychological content of personal freedom: Essence and components. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1997, V. 18, no. 5, pp. 7–19 (in Russian).
56. Emmons R. *The psychology of ultimate concerns: Motivation and spirituality in personality*. New York, Guilford Press, 1999 (Russ. ed.: Emmons R. *Psikhologiya vysshikh ustremlenii. Motivatsiya i dukhovnost' lichnosti*. Moscow, 2004. 416 p.).

УДК 159.922.76

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.3)

Система психологического сопровождения образования детей с задержкой психического развития

Наталья В. Бабкина

ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования»,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: natali.babkina@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье обсуждаются вопросы, связанные с проблемой психологического сопровождения наиболее представленной в инклюзивной образовательной среде категории школьников – детей с задержкой психического развития (ЗПР). Новизна исследования заключается в проектировании целостной системы дифференцированного психологического сопровождения образования данной категории детей с учетом вариативности их развития к началу школьного обучения, а также в выделении и описании основных видов и направлений деятельности педагога-психолога.

Теоретическое обоснование. Представлены методологические основы исследования, включающие: базовые положения специальной психологии и коррекционной педагогики, основанные на культурно-исторической теории Л. С. Выготского; социокультурный подход к анализу развития образовательной практики и задачам специальной психологии на каждом этапе развития системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья; методологию психологического сопровождения в рамках образовательного процесса. Описываются современные подходы к целям и организации психологического сопровождения детей с задержкой психического развития в связи с модернизацией системы образования, анализируются необходимое содержание и условия образования младших школьников, направленные на удовлетворение их особых образовательных потребностей.

Результаты и их обсуждение. Авторы рассматривают психологическое сопровождение детей с задержкой психического развития как планомерную реализацию основных видов профессиональной деятельности психолога, дифференцированных в соответствии с актуальными задачами современной образовательной практики и способствующих в своей совокупности успешному обучению и развитию каждого ребенка. В качестве основных задач сопровождения выделяются: выявление, устранение и предотвращение дисбаланса между процессами обучения и развития детей с учетом их индивидуальных возможностей; коррекция

вторичных нарушений развития, проявляющихся в когнитивной, эмоциональной и социально-поведенческой сферах; создание условий для социально-психологической адаптации личности ребенка. Обосновываются основные виды деятельности психолога: диагностическая, коррекционно-развивающая, экспертно-консультативная. В заключении приводятся критерии оценки эффективности психологического сопровождения.

Ключевые слова

модернизация образования, инклюзия, задержка психического развития, особые образовательные потребности, психологическое сопровождение, функционал психолога, дифференцированный подход, диагностическая деятельность, коррекционно-развивающая деятельность, экспертно-консультативная деятельность

Основные положения

- ▶ модернизация системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья требует разработки дифференцированного психологического сопровождения детей с задержкой психического развития, обеспечивающего реализацию их особых образовательных потребностей;
- ▶ в качестве базовой деятельности психолога, на результатах которой выстраиваются и реализуются иные ее виды (коррекционно-развивающий и экспертно-консультативный), рассматривается диагностическая деятельность, охватывающая основной спектр особенностей и возможностей ребенка с ЗПР, определяющих качество его интеграции в образовательную и социальную среды;
- ▶ установлено, что психологическое сопровождение детей с ЗПР должно носить системный характер, предполагающий возможность комплексной реализации основных видов деятельности психолога, обеспечивающего сопровождение, а также создание условий и определение зон продуктивного и гибкого взаимодействия психолога с другими специалистами и родителями ребенка.

Для цитирования

Бабкина Н. В. Система психологического сопровождения образования детей с задержкой психического развития // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 52–69. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.3

Материалы статьи получены 01.11.2017

UDC 159.922.76

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.3)

System of Psychological Support for Education of Children with Mental Development Delay

Nataliya V. Babkina

Institute of Special Education of Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

E-mail: natali.babkina@mail.ru

Abstract

Introduction. The paper discusses the issues of psychological support for children with Mental Development Delay (MDD) who represent the majority of school children in the inclusive educational environment. The novelty of the study lies in describing the main types and fields of professional activities of educational psychologists and in constructing an integrated system of the differentiated psychological support for education of this category of children, taking into account variability in their developmental levels at the beginning of formal schooling.

Theoretical Basis. This section provides the methodological foundations for the study, including (a) the basic provisions of psychology of children with special needs and correctional pedagogy, based on Vygotsky's cultural-historical theory; (b) the socio-cultural approach to the analysis of development of educational practice and to the implementation of objectives of psychology of children with special needs at each stage of the development of education for children with disabilities; and (c) the methodology of psychological support for the educational process. The authors (a) described modern approaches to the organization of psychological support for children with MDD and its objectives under modernization of the educational system and (b) analyzed the necessary content and conditions for education of primary school children aimed at meeting their special educational needs.

Results and Discussion. The authors consider psychological support for children with MDD as a systematic realization of the main types of an educational psychologist's professional activity. Types of this activity are differentiated according to the major goals of modern educational practice and contribute to successful learning and development of every child. The main objectives of such support are as follows: (a) identification, and prevention or elimination of the imbalance between kids' education and development, taking into account their individual abilities; (b) correction of secondary developmental disorders manifested in cognitive, emotional, and socio-behavioral spheres; and (c) creation of conditions for socio-psychological adaptation of the child's personality. The authors described various types of an educational psychologist's professional responsibilities, including diagnostic, correctional and developmental,

expert and consultative activities. The paper concludes with the provision of criteria for assessing the effectiveness of psychological support.

Keywords

modernization of education, inclusion, mental development delay, special educational needs, psychological support, psychologist's professional responsibilities, differential approach, diagnostic activities, correctional and developmental activities, expert and consultative activities

Highlights

- ▶ The process of modernization of education for children with disabilities requires the development of targeted psychological support for children with MDD in order to meet their special educational needs.
- ▶ Diagnostic activity is the main among professional responsibilities of an educational psychologist. This activity forms the basis for implementing other types of professional activities (correctional and developmental, expert and consultative).
- ▶ Diagnostic activity addresses the whole range of main characteristics and abilities of children with MDD, determining the quality of their integration into the educational and social environment.
- ▶ Psychological support for children with MDD should be systematic, encompassing the entire array of professional activities of an educational psychologist and should enable creation of conditions for productive and flexible interactions of psychologists with other specialists and with parents of children with special educational needs.

For citation

Babkina N.V. System of Psychological Support for Education of Children with Mental Development Delay. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 52–69 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.3

Original manuscript received 01.11.2017

Введение

Современный этап реформирования системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) характеризуется активным внедрением интегрированной и инклюзивной его форм, обеспечивающих совместное обучение таких детей с детьми без ограничений здоровья в общеобразовательных организациях. Содержание и условия образования детей с ОВЗ определяются Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования, в котором акцентируется внимание на неоднородности состава детей внутри каждой нозологической категории,

предполагающей вариативность содержания образовательных программ, видов и объемов необходимой им психолого-педагогической помощи.

Дети с задержкой психического развития (ЗПР) являются не только наиболее многочисленной группой в сравнении с другими категориями детей с ОВЗ, но и наиболее представленной в структурах инклюзивного образования (по данным Статистического бюллетеня «Образование в России – 2015», из 449,5 тыс. школьников с ОВЗ и инвалидностью – 187,9 тыс. школьников с ЗПР. В условиях инклюзии обучается 95,7 тыс. детей с ЗПР из 159,3 тыс. детей с ОВЗ и инвалидностью [1], причем эта статистика не учитывает «не диагностированных» детей, испытывающих стойкие трудности в обучении. – *Прим. авт.*). Кроме того, дети с ЗПР характеризуются крайней неоднородностью состава, которая обусловлена значительным разнообразием этиологических факторов, порождающих данный вид психического дизонтогенеза и определяющих значительный диапазон выраженности нарушений – от состояний, приближающихся к уровню возрастной нормы, до состояний, требующих ограничения от умственной отсталости.

Этот факт представляется крайне важным в контексте цели и задач проведенного исследования, поскольку он со всей очевидностью предполагает необходимость учета существующих различий между детьми с ЗПР в определении содержания и организации практики их комплексного сопровождения специалистами (психологами, учителями-дефектологами, врачами) в условиях интегрированного обучения. При этом роль психолога, в силу особенностей содержания его обязательных профессиональных компетенций (подготовленность в области психологической диагностики и психологической коррекции нарушений психического развития, информированность в области дефектологии и клинической психологии), должна являться ведущей и, кроме того, координирующей работу других специалистов. Многофункциональная деятельность психолога, опирающаяся на перечисленные выше его компетенции, дает основания для выделения ее в достаточно автономную область – *психологическое сопровождение образования детей с ЗПР.*

Внимание к различным аспектам сопровождения детей с ЗПР дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов отражено в работах Н.Л. Белопольской, С.А. Домишкевича, О.В. Защиринской, Е.Л. Инденбаум, Т.Н. Князевой, Л.В. Кузнецовой, В.И. Лубовского, И.И. Мамайчук, Е.С. Слепович, М.М. Семаго, Н.Я. Семаго, У.В. Ульенковой и др. Но при наличии признания необходимости психологического сопровождения детей с ЗПР и отдельных продуктивных попыток реализации конкретных его направлений в настоящее время отсутствует *системный и дифференцированный подход* к их психологическому сопровождению, учитывающий вариативность трудностей развития школьников данной категории и причин, лежащих в их основе.

Таким образом, целью многолетнего исследования [2], основные результаты которого представлены в статье, было обоснование видов деятельности педагога-психолога, а также разработка направлений дифференцированного психологического сопровождения детей с задержкой психического развития в современной образовательной среде. Результаты проведенного исследования были апробированы в школах Москвы (ГБОУ школы №№ 1478, 922, 1666, 2110 и др.) и внедрены в практику образования детей с ЗПР во многих регионах Российской Федерации (Москве и Московской обл., Курской обл., Иркутской обл., Красноярском крае, Хабаровском крае, Самарской обл., Мурманской обл., Алтайском крае, Республике Мордовия и др.).

Теоретическое обоснование

Происходившее в последние 20 лет преобразование государственной политики в области специального образования, ориентированное на решение задач социальной интеграции людей с различными «особыми нуждами», и предполагающее в качестве желаемого результата достижение каждым таким человеком оптимального для него качества жизни, потребовало и уточнения приоритетов в развитии специальной психологии. Генеральный курс на *интеграцию систем общего и специального образования* определил особую актуальность разработки методов, подходов и условий специальной психологической поддержки ребенка, подростка, взрослого человека, испытывающих разного рода трудности в обучении, социальной адаптации и социализации в целом. В контексте провозглашенной специальной психологией важнейшей ее задачи в области образования лиц с ограниченными возможностями здоровья – *гармонизации отношений между обучением и развитием* – появилась потребность в постановке новых задач и расширении спектра исследований в этой предметной области. Так, в настоящее время активно разрабатываются вопросы, связанные с изучением проблемы социально-эмоционального развития детей с ОВЗ и проектированием соответствующего направления специальной образовательной практики; иницируются исследования, направленные на разработку содержания деятельности психолога, ориентированной на поддержку семьи и ближайшего социального окружения ребенка с ОВЗ, которые рассматриваются как важнейший ресурс коррекционно-развивающей работы [3, 4, 5, 6, 7].

В числе *главных задач специальной психологии* на современном этапе ее развития становятся [4]:

- выявление особых образовательных потребностей людей, по тем или иным причинам выпадающих из системы образования, ориентированной на нормальный тип развития;

– определение психологических условий реализации этих особых потребностей в различных формах обучения и воспитания.

Категория «особые образовательные потребности» является одной из центральных категорий понятийного аппарата специальной психологии и коррекционной педагогики. И хотя выделение и описание особых образовательных потребностей имеет уже достаточно длительную историю, до сих пор не существует единых, согласованных представлений об их содержании, значении и месте, которое они занимают в системах образования детей, наделенных такими потребностями [4, 7, 8, 9].

Впервые в контексте культурно-исторической теории Л. С. Выготского содержание термина «особые образовательные потребности» было раскрыто Е. Л. Гончаровой и О. И. Кукушкиной. Оно органично отражает традиционное для отечественной дефектологии понимание ребенка с нарушениями в развитии как нуждающегося в «обходных путях» решения задач его культурного развития, которые в условиях нормы решаются традиционными, укоренившимися в культуре способами воспитания и принятыми в обществе способами массового образования [10, 11].

Таким образом, в центре внимания специальных психологов теперь находятся уже не столько сами особенности психического развития детей с ОВЗ, сколько потребности конкретного ребенка, определяемые этими особенностями и задающие ориентиры для создания оптимальных образовательных условий, обеспечивающих удовлетворение этих потребностей. А в качестве перспективной задачи специальной психологии выделяется необходимость организации *психологического сопровождения образовательной и социальной интеграции*.

С позиций задач нашего исследования, наиболее близкой в концептуальном и содержательном плане представляется парадигма сопровождения, разработанная М. Р. Битяновой [12]. И хотя она центрируется на социально-психологических аспектах определения роли, содержания и организации этого процесса, многие положения, сформулированные автором, продуктивно ассоциируются с задачами и форматами деятельности специального психолога, сопровождающего образование детей с ЗПР, а именно: специалист организует деятельность как психологическую практику, со своими внутренними целями и ценностями, органично вплетая ее в ткань учебно-воспитательной педагогической системы и делая ее самостоятельной, но не чужеродной частью этой системы. В рамках данного подхода сопровождение определяется как система профессиональной деятельности психолога, направленной на создание социально-психологических условий для успешного обучения и психологического развития ребенка в ситуациях школьного взаимодействия.

Анализ научно-исследовательских разработок, прямо или косвенно относящихся к проблеме сопровождения детей с ЗПР (Н.Л. Белопольская, Н.Ю. Борякова, Е.Е. Дмитриева, А.О. Дробинская, Г.И. Ефремова, Е.Л. Инденбаум, И.К. Йокубаускайте, Т.Н. Князева, И.А. Коробейников, Т.Н. Павлий, Е.С. Слепович, Р.Д. Тригер, У.В. Ульяновка и др.), позволяет утверждать, что несмотря на признание высокой значимости этой деятельности, в настоящее время отсутствует целостный концептуальный подход к психологическому сопровождению, учитывающий неоднородность развития школьников данной категории и ориентированный на достижение целей современного образования детей с особыми образовательными потребностями, нашедшими отражение в Концепции специального стандарта начального школьного образования детей с ОВЗ [11].

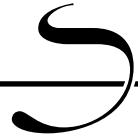
Многие авторы признают, что важнейшей составляющей психологического сопровождения является психологическая диагностика, и от ее качества во многом зависит эффективность всей системы сопровождения ребенка с ЗПР [13, 14, 15, 16]. Результаты такой диагностики должны способствовать распознаванию вероятного генезиса тех или иных трудностей развития ребенка и одновременно соотноситься с содержанием задач коррекционно-педагогической практики.

Нами предпринята попытка описания типологических вариантов задержки психического развития [2, 17], обосновывающих особые образовательные потребности разных групп детей, входящих в данную категорию психического дизонтогенеза, и задающих ориентиры при проектировании целостной системы дифференцированного психологического сопровождения образования школьников с ЗПР. В качестве основных задач сопровождения мы выделяем: выявление, устранение и предотвращение дисбаланса между процессами обучения и развития детей с учетом их индивидуальных возможностей; коррекцию вторичных нарушений развития, проявляющихся в когнитивной, эмоциональной и социально-поведенческой сферах; создание условий для социально-психологической адаптации личности ребенка.

Результаты и их обсуждение

Мы рассматриваем *психологическое сопровождение детей с ЗПР как планомерную реализацию основных видов профессиональной деятельности психолога, дифференцированных в соответствии с актуальными задачами современной образовательной практики и способствующих в своей совокупности успешному обучению и развитию каждого ребенка с ЗПР* [2].

Решение перечисленных выше задач сопровождения требует описания диапазона профессионального участия и специфики направлений работы

психолога, а также конкретизации спектра задач и содержательного наполнения его деятельности.

В качестве базового компонента психологического сопровождения, позволяющего осуществить дифференцированный (индивидуализированный) подход к определению образовательных и компенсаторных возможностей детей с ЗПР и выделению приоритетов коррекционной работы, формулировать рекомендации для педагогов и родителей, осуществлять мониторинг развития ребенка, мы рассматриваем **диагностическую деятельность** психолога. При анализе результатов диагностики мы предлагаем использовать систему параметров оценки качественных характеристик:

- *познавательной деятельности*;
- *организации и продуктивности мыслительной деятельности* (саморегуляции, целенаправленности деятельности, умственной работоспособности);
- *коммуникации* (в условиях учебной деятельности и вне учебной деятельности);
- *обучаемости* (с выделением когнитивного и мотивационного ее ресурсов).

Предложенная нами схема построения типологии [17], опирающаяся на детализированное феноменологическое описание групп детей с ЗПР на начальном этапе школьного обучения, дифференцированных на основе наиболее вероятных комбинаций признаков задержанного развития и степени их выраженности, убедительно показывает, что рекомендации по сопровождению учеников, относящихся к каждой из выделенных групп, не могут быть идентичными, причем это касается как деятельности психолога, так и работы учителя, и участия родителей. Коллегиальное обсуждение результатов обследования всеми специалистами психолого-медико-педагогического консилиума (ПМПК) позволяет выработать единое представление о характере и особенностях развития ребенка, определить общий прогноз его дальнейшего развития, комплекс необходимых коррекционно-развивающих мероприятий и разработать *согласованную программу действий*.

Коррекционно-развивающая деятельность в рамках психологического сопровождения ребенка с ЗПР в условиях образования включает: выбор специальных методик и программ коррекционно-развивающих курсов в соответствии с результатами диагностического обследования и выделенными на их основе приоритетами коррекционно-развивающей работы; проведение индивидуальных и групповых коррекционно-развивающих занятий, направленных на компенсацию имеющихся у ребенка нарушений и формирование сферы жизненной компетенции.

Основные направления коррекционной работы, определяемые спецификой психической деятельности, поведения и социально-эмоционального развития данной категории детей включают:

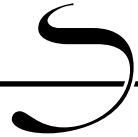
- развитие эмоционально-личностной сферы и коррекцию ее недостатков;
- развитие познавательной сферы и целенаправленное формирование высших психических функций;
- формирование произвольной регуляции деятельности и поведения;
- формирование сферы социальных коммуникаций.

Все перечисленные направления коррекционной работы с детьми с ЗПР, в разное время и в разных масштабах, являлись предметом наших собственных научно-методических разработок [17, 18, 19, 20]. В результате часть из них была использована при подготовке нормативных документов (ФГОС НОО обучающихся с ОВЗ и Примерной адаптированной основной общеобразовательной программы для обучающихся с ЗПР), описывающих и регламентирующих цели, содержание и организацию образования данной категории детей.

Одним из центральных направлений коррекционно-развивающей работы с детьми с ЗПР, реализующей их особые образовательные потребности, является формирование саморегуляции в учебно-познавательной деятельности. Значимость этого направления обоснована результатами многочисленных современных отечественных и зарубежных исследований (Н. В. Бабкина, В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина, И. Н. Бондаренко, А. Bandura, М. М. Chemers, А. Furnham, А. М. Grant, М. Komarraju, Р. Rosander, R. Steinmayr, А. Wigfield и др.), установивших взаимосвязи между мотивацией учения, уровнем развития и стилевыми особенностями осознанной саморегуляции. Показано, что учащиеся с более высокой (в сравнении с другими сверстниками) мотивацией и развитой саморегуляцией достигают в учебной деятельности более высоких результатов, позитивнее относятся к учению, успешнее адаптируются к изменяющимся условиям учебного процесса [21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30].

Нами разработана и широко апробирована комплексная программа формирования саморегуляции у младших школьников с ЗПР, включающая: *методические рекомендации по организации индивидуальных и групповых занятий психолога*, учитывающие уровень сформированности у ребенка осознанной регуляции познавательной деятельности; *рекомендации учителям* по осуществлению индивидуального и дифференцированного подхода к учащимся; *рекомендации родителям* [20].

Экспертно-консультативная и координационная деятельность психолога в рамках сопровождения детей с ЗПР интегрирует результаты их диагностического обследования и коррекционной работы, а также способствует продуктивной координации усилий основных субъектов сопровождения (педагога, учителя-дефектолога, родителей ребенка) [31]. Она включает следующие направления: психологическое просвещение и консультирование

педагогов; организацию продуктивного взаимодействия с родителями; комплексный мониторинг развития ребенка; экспертную деятельность по оценке адекватности выбранного образовательного маршрута и его корректировке; экспертизу образовательной среды с точки зрения соответствия особым образовательным потребностям школьника; координацию взаимодействия с психолого-медико-педагогической комиссией (ПМПК) и ресурсными центрами.

Задачи, содержание и методы работы психолога с педагогами и родителями дифференцируются в зависимости от варианта развития ребенка и условий его обучения (инклюзия или специальный класс).

Одна из главных задач психолога во взаимодействии с *учителем* – обучение педагога целенаправленному наблюдению за ребенком, фиксации тех или иных трудностей и своевременному обращению за помощью к психологу; помощь в осмыслении результатов проведенного обучения в проекции на развитие ребенка, соотнесении «шагов» в развитии ребенка с «шагами» в методике обучения. Считаем необходимым обратить внимание на особую значимость психологического просвещения и консультирования педагогов, обучающихся детей с ЗПР в условиях инклюзии, в связи с отсутствием у большинства из них специальной подготовки. Психолог помогает педагогу в выборе индивидуально-ориентированных методов и приемов работы с обучающимися, в оптимизации методического обеспечения и организационных условий оценки достижений ребенка в усвоении образовательной программы, включающих его приобретения в сфере жизненной компетенции.

Помощь психолога *учителю-дефектологу* заключается в совместном определении зоны ближайшего развития ученика, в обучении пониманию причин затруднений в учебной деятельности, связанных с недостаточностью эмоционально-мотивационного или когнитивного ресурсов обучаемости, в проектировании необходимых индивидуальных образовательных условий и выборе соответствующих специальных методов и приемов обучения.

Задачи психолога по отношению к *родителям* школьника с ЗПР: максимальное их привлечение к участию в образовательном процессе; помощь в адекватном оценивании возможностей своего ребенка, понимании его трудностей и определении ресурсов в решении поставленных задач обучения и воспитания; повышение мотивации семьи на сотрудничество со школьными специалистами.

Осуществление *экспертной деятельности* проводится на междисциплинарной основе с участием всех специалистов ПМПК образовательной организации. Результатом такой работы является отслеживание (мониторинг) продвижения ребенка в усвоении академических знаний и формировании

сферы жизненной компетенции, что позволяет, с одной стороны, оценивать *адекватность выбранного образовательного маршрута* и при необходимости вносить в него корректировки, а с другой – предоставлять администрации образовательной организации *объективную информацию*, позволяющую осуществлять анализ воздействия традиционных и инновационных образовательных и психолого-педагогических технологий на качество обучения и личностные изменения школьников.

Еще одно направление экспертной деятельности психолога – психологическая экспертиза *соответствия* образовательной среды *особым образовательным потребностям* и индивидуальным особенностям обучающихся с ЗПР; защита ребенка от деструктивного воспитательного и психологического влияния; обеспечение школьнику субъективного ощущения комфорта и уверенности в своих силах.

Заключение

Проведенное исследование позволило обосновать необходимость целостного концептуального подхода к психологическому сопровождению детей с ЗПР, учитывающего неоднородность развития школьников данной категории и ориентированного на достижение целей современного образования детей с ОВЗ.

На основе результатов анализа существующих подходов к содержанию и организации психологического сопровождения детей в образовательной среде, а также на основе интеграции собственного опыта работы в этой области нами выделены и описаны три основных взаимосвязанных вида деятельности, определяющие функционал специального психолога, обеспечивающего профессиональное сопровождение детей с ЗПР в современной образовательной среде – диагностическая, коррекционно-развивающая, экспертно-консультативная.

Для оценки эффективности психологического сопровождения как системно организованного процесса мы предлагаем критерии, включающие: оценку полноты и качества реализации всех основных видов деятельности психолога; соответствие созданных совместно с другими специалистами дифференцированных условий особым образовательным потребностям ребенка с ЗПР; динамику продвижения ребенка в психофизическом развитии и освоении образовательной программы. Залогом продуктивной коррекционно-развивающей и экспертно-консультативной деятельности и эффективности психологического сопровождения в целом является методологически обоснованная и корректно организованная диагностическая деятельность.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ ФГБНУ ИКП РАО (№ 25.8968.2017/8.9 «Современная система медико-психолого-педагогической помощи детям с ОВЗ дошкольного и школьного возраста»).

Acknowledgments

Supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for studying the Modern System of Medical, Psychological and Pedagogical Assistance to Preschool and School-Age Children with Limited Health Possibilities (project no. 25.8968.2017/8.9).

Литература

1. Образование в России – 2015: Статистический бюллетень. М.: МИРЭА, 2016. 518 с.
2. Бабкина Н. В. Психологическое сопровождение младших школьников с задержкой психического развития: дисс. ... д. психол. наук. М., 2017. 263 с.
3. Гончарова Е. Л. К вопросу о субъекте психолого-педагогического сопровождения в формирующейся практике комплексной помощи детям раннего возраста // Дефектология. 2009. № 1. С. 45–50.
4. Гончарова Е. Л. Специальная психология // Альманах Института коррекционной педагогики. 2002. № 5. URL: <http://alldef.ru/ru/articles/almanah-5> (дата обращения 17.09.2017).
5. Гончарова Е. Л. Эволюция предмета специальной психологии // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2015. № 8. С. 5–7.
6. Малофеев Н. Н. Научные достижения отечественной дефектологии как базис современной профилактической, коррекционной и реабилитационной помощи детям с нарушениями развития // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2014. № 2. С. 3–10.
7. Никольская О. С., Баенская Е. Р. Особые образовательные потребности детей с расстройствами аутистического спектра в период начального школьного образования // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2015. № 2. С. 9–17.
8. АLEXINA С. В. Особые образовательные потребности как категория инклюзивного образования // Российский научный журнал. 2013. № 5 (36). С. 132–139.
9. Лубовский В. И. Особые образовательные потребности // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 5. С. 61–66. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Lubovskiy.phtml> (дата обращения: 20.08.2017).
10. Гончарова Е. Л., Кукушкина О. И. Ребенок с особыми образовательными потребностями // Альманах Института коррекционной педагогики. 2002. № 5. URL: <http://alldef.ru/ru/articles/almanah-5/rebenok-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnoostjami> (дата обращения 17.09.2017).

11. *Малофеев Н. Н., Кукушкина О. И., Никольская О. С., Гончарова Е. Л.* Концепция Специального Федерального государственного образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья. М.: Просвещение, 2013. 42 с.
12. *Битянова М. Р.* Организация психологической работы в школе. М.: Совершенство, 1997. 298 с.
13. *Коробейников И. А.* Диагностика нарушений психического развития у детей в контексте проблем интеграции междисциплинарного знания // Дефектология. 2004. № 1. С. 54–60.
14. *Домишкевич С. А.* Функционально-уровневый подход в психодиагностике, коррекционно-развивающей работе и консультировании. Ч. 1. Функционально-уровневый подход в психолого-педагогической диагностике. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2002. 40 с.
15. *Инденбаум Е. Л.* Школьники с легкими формами интеллектуальной недостаточности: психолого-педагогическая диагностика и характеристики психосоциального развития: монография. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2012. 180 с.
16. *Белопольская Н. Л.* Экспериментально-психологические исследования личности детей с задержкой психического развития. М.: Когито-Центр, 2013. 32 с.
17. *Коробейников И. А., Бабкина Н. В.* Дифференциация образовательных потребностей как основа дифференцированных условий образования детей с задержкой психического развития // Дефектология. 2017. № 2. С. 3–13.
18. *Бабкина Н. В.* Жизненные компетенции как неотъемлемая составляющая содержания образования детей с задержкой психического развития // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6, № 1. С. 138–156. DOI: [10.17759/cpse.2017060109](https://doi.org/10.17759/cpse.2017060109)
19. *Бабкина Н. В.* Основные направления и содержание коррекционной работы с младшими школьниками с задержкой психического развития // Дефектология. 2016. № 2. С. 53–59.
20. *Бабкина Н. В.* Роль осознанной саморегуляции в реализации когнитивных и личностных ресурсов ребенка с задержкой психического развития // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5, № 3. С. 40–55.
21. *Бондаренко И. Н., Моросанова В. И., Драккин И. С., Путко Н. А.* Актуалгенез осознанной саморегуляции в ситуации выбора уровня сложности учебных заданий // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 2. С. 64–81.
22. *Моросанова В. И., Цыганов И. Ю., Ванин А. В., Филиппова Е. В.* Осознанная саморегуляция и отношение к учению: их взаимосвязь и вклад в успешность обучения // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 32–45.

23. Bandura A., Caprara G. V., Barbaranelli C., Gerbino M., Pastorelli C. Role of Affective Self-Regulatory Efficacy in Diverse Spheres of Psychosocial Functioning // *Child Development*. 2003. Vol. 74, Issue 3. P. 769–782. DOI: [10.1111/1467-8624.00567](https://doi.org/10.1111/1467-8624.00567)
24. Chemers M. M., Hu L., Garcia B. F. Academic self-efficacy and first-year college student performance and adjustment // *Journal of Educational Psychology*. 2001. Vol. 93 (1). P. 55–64. DOI: [10.1037/0022-0663.93.1.55](https://doi.org/10.1037/0022-0663.93.1.55)
25. Furnham A., Moutafi J., Chamorro-Premuzic T. Personality and Intelligence: Gender, the Big Five, Self-Estimated and Psychometric Intelligence // *International Journal of Selection and Assessment*. 2005. Vol. 13, Issue 1. P. 11–24. DOI: [10.1111/j.0965-075X.2005.00296.x](https://doi.org/10.1111/j.0965-075X.2005.00296.x)
26. Grant A. M., Sonnentag S. Doing good buffers against feeling bad: Prosocial impact compensates for negative task and self-evaluations // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2010. Vol. 111, Issue 1. P. 13–22. DOI: [10.1016/j.obhdp.2009.07.003](https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.07.003)
27. Komarraju M., Karau S. J., Schmeck R. R. Role of the Big Five personality traits in predicting college students' academic motivation and achievement // *Learning and Individual Differences*. 2009. Vol. 19, Issue 1. P. 47–52. DOI: [10.1016/j.lindif.2008.07.001](https://doi.org/10.1016/j.lindif.2008.07.001)
28. Rosander P., Bäckström M., Stenberg G. Personality traits and general intelligence as predictors of academic performance: A structural equation modelling approach // *Learning and Individual Differences*. 2011. Vol. 21, Issue 5. P. 590–596. DOI: [10.1016/j.lindif.2011.04.004](https://doi.org/10.1016/j.lindif.2011.04.004)
29. Steinmayr R., Bipp T., Spinath B. Goal orientations predict academic performance beyond intelligence and personality // *Learning and Individual Differences*. 2011. Vol. 21, Issue 2. P. 196–200. DOI: [10.1016/j.lindif.2010.11.026](https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.11.026)
30. Wigfield A., Klauda S. L., Cambria J. Influences on the development of academic self-regulatory processes // *Handbook of Self-Regulation of Learning and Performance* / B. J. Zimmerman, D. H. Schunk (Eds.). N. Y.: Routledge Press, 2011. P. 33–48.
31. Коробейников И. А., Бабкина Н. В. Консультативный ресурс психологического диагноза при нарушениях психического развития у детей // *Консультативная психология и психотерапия*. 2017. Т. 25, № 4. С. 11–22. DOI: [10.17759/cpp.2017250402](https://doi.org/10.17759/cpp.2017250402)

References

1. *Obrazovanie v Rossii – 2015: Statisticheskii byulleten'* [Education in Russia – 2015: Statistical bulletin]. Moscow, Moscow Technical University Publ., 2016. 518 p.
2. Babkina N. V. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie mladshikh shkol'nikov*

- s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiya* [Psychological support of junior schoolchild with mental development delay]. Diss. Dr. Sci. (Psych.). Moscow, 2017. 263 p.
3. Goncharova E. L. On the subject of psychological and pedagogical support in the emerging practice of comprehensive assistance to toddlers. *Defektologiya – Defectology*, 2009, no. 1, pp. 45–50 (in Russian).
 4. Goncharova E. L. Special psychology. *Al'manakh Instituta korrektsionnoi pedagogiki – Almanac of the Institute of Special Education*, 2002, no. 5. Available at: <http://alldef.ru/ru/articles/almanah-5> (Accessed 17 September 2017).
 5. Goncharova E. L. Evolution of the subject of special psychology. *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniyami razvitiya – Upbringing and Teaching Children with Developmental Disorders*, 2015, no. 8, pp. 5–7 (in Russian).
 6. Malofeev N. N. Scientific achievements of domestic defectology as the basis of modern preventive, corrective and rehabilitative care for children with developmental disorders. *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniyami razvitiya – Upbringing and Teaching Children with Developmental Disorders*, 2014, no. 2, pp. 3–10 (in Russian).
 7. Nikolskaya O. S., Baenskaya E. R. Special educational needs of children with autism spectrum disorders in the period of primary school education. *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniyami razvitiya – Upbringing and Teaching Children with Developmental Disorders*, 2015, no. 2, pp. 9–17 (in Russian).
 8. Alekhina S. V. Special educational needs as a category of inclusive education. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal – Russian Scientific Journal*, 2013, no. 5 (36), pp. 132–139 (in Russian).
 9. Lubovsky V. I. Special educational needs. *Psychological-Educational Studies (Psyedu.ru)*, 2013, no. 5, pp. 61–66 (in Russian). Available at: <http://psyedu.ru/journal/2013/5/Lubovskiy.phtml> (Accessed 20 August 2017).
 10. Goncharova E. L., Kukushkina O. I. A child with special educational needs. *Al'manakh Instituta korrektsionnoi pedagogiki – Almanac of the Institute of Special Education*, 2002, no. 5 (in Russian). Available at: <http://alldef.ru/ru/articles/almanah-5/rebenok-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostjami> (Accessed 17 September 2017).
 11. Malofeev N. N., Kukushkina O. I., Nikol'skaya O. S., Goncharova E. L. *Kontseptsiya Spetsial'nogo Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta dlya detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* [Concept of a special federal education standard for children with disabilities]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2013. 42 p.
 12. Bityanova M. R. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty v shkole* [Organization of psychological work at school]. Moscow, Sovershenstvo Publ., 1997. 298 p.

13. Korobeinikov I. A. Diagnosis of mental development disorders in children in the context of integration problems of interdisciplinary knowledge. *Defektologiya – Defectology*, 2004, no. 1, pp. 54–60 (in Russian).
14. Domishkevich S. A. *Funktsional'no-urovnevyi podkhod v psikhodiagnostike, korrektsionno-razvivayushchei rabote i konsul'tirovanii. Ch. 1. Funktsional'no-urovnevyi podkhod v psikhologo-pedagogicheskoi diagnostike* [Functional-level approach in psychodiagnosics, correction-developing work, and psychological consultation. Part 1. Functional-level approach in psychodiagnosics, correction-developing work, and psychological consultation]. Irkutsk, ISPU Publ., 2002. 40 p.
15. Indenbaum E. L. *Shkol'niki s legkimi formami intellektual'noi nedostatochnosti: psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika i kharakteristiki psikhosotsial'nogo razvitiya* [Schoolchildren with mild intellectual disabilities: Psychological and pedagogical diagnostics and characteristics of psychosocial development]. Irkutsk, East-Siberian State Academy of Education Publ., 2012. 180 p.
16. Belopol'skaya N. L. *Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya lichnosti detei s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiya* [Experimental and psychological studies on children with mental development delay]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2013. 32 p.
17. Korobeinikov I. A., Babkina N. V. Differentiation of educational needs as the basis for differentiated conditions for the education of children with mental retardation. *Defektologiya – Defectology*, 2017, no. 2, pp. 3–13 (in Russian).
18. Babkina N. B. Life competences as an integral part of the content of education for children with mental development delay. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical and Special Psychology*, 2017, V. 6, no. 1, pp. 138–156 (in Russian). DOI: [10.17759/cpse.2017060109](https://doi.org/10.17759/cpse.2017060109)
19. Babkina N. V. Main directions and content of correctional work with junior schoolchildren with mental development delay. *Defektologiya – Defectology*, 2016, no. 2, pp. 53–59 (in Russian).
20. Babkina N. The role of conscious self-regulation in realization of cognitive and personal resources in a child with mental development delay. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical and Special Psychology*, 2016, V. 5, no. 3, pp. 40–55 (in Russian).
21. Bondarenko I. N., Morosanova V. I., Drapkin I. S., Putko N. A. Actual genesis of conscious self-regulation in a situation of choosing the level of sophistication of learning tasks. *Experimental psychology – Eksperimental'naya psikhologiya*, 2014, V. 7, no. 2, pp. 64–81 (in Russian).
22. Morosanova V. I., Tsyganov I. Yu., Vanin A. V., Filippova E. V. Conscious self-regulation and attitude to learning: Their interconnection and influence on performance. *Voprosy psikhologii*, 2015, no. 5, pp. 32–45 (in Russian).

23. Bandura A., Caprara G. V., Barbaranelli C., Gerbino M., Pastorelli C. Role of affective self-regulatory efficacy in diverse spheres of psychosocial functioning. *Child Development*, 2003, V. 74, Issue 3, pp. 769–782. DOI: [10.1111/1467-8624.00567](https://doi.org/10.1111/1467-8624.00567)
24. Chemers M. M., Hu L., Garcia B. F. Academic self-efficacy and first-year college student performance and adjustment. *Journal of Educational Psychology*, 2001, V. 93 (1), pp. 55–64. DOI: [10.1037/0022-0663.93.1.55](https://doi.org/10.1037/0022-0663.93.1.55)
25. Furnham A., Moutafi J., Chamorro-Premuzic T. Personality and intelligence: Gender, the big five, self-estimated and psychometric intelligence. *International Journal of Selection and Assessment*, 2005, V. 13, Issue 1, pp. 11–24. DOI: [10.1111/j.0965-075X.2005.00296.x](https://doi.org/10.1111/j.0965-075X.2005.00296.x)
26. Grant A. M., Sonnentag S. Doing good buffers against feeling bad: Prosocial impact compensates for negative task and self-evaluations. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2010, V. 111, Issue 1, pp. 13–22. DOI: [10.1016/j.obhdp.2009.07.003](https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.07.003)
27. Komarraju M., Karau S. J., Schmeck R. R. Role of the Big Five personality traits in predicting college students' academic motivation and achievement. *Learning and Individual Differences*, 2009, V. 19, Issue 1, pp. 47–52. DOI: [10.1016/j.lindif.2008.07.001](https://doi.org/10.1016/j.lindif.2008.07.001)
28. Rosander P., Bäckström M., Stenberg G. Personality traits and general intelligence as predictors of academic performance: A structural equation modelling approach. *Learning and Individual Differences*, 2011, V. 21, Issue 5, pp. 590–596. DOI: [10.1016/j.lindif.2011.04.004](https://doi.org/10.1016/j.lindif.2011.04.004)
29. Steinmayr R., Bipp T., Spinath B. Goal orientations predict academic performance beyond intelligence and personality. *Learning and Individual Differences*, 2011, V. 21, Issue 2, pp. 196–200. DOI: [10.1016/j.lindif.2010.11.026](https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.11.026)
30. Wigfield A., Klauda S. L., Cambria J. Influences on the development of academic self-regulatory processes. In: B. J. Zimmerman, D. H. Schunk (eds.) *Handbook of self-regulation of learning and performance*. N. Y., Routledge Press, 2011, pp. 33–48.
31. Korobeinikov I. A., Babkina N. V. Consultative resource of psychological diagnosis in children with mental development delay. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017, V. 25, no. 4, pp. 11–22 (in Russian). DOI: [10.17759/cpp.2017250402](https://doi.org/10.17759/cpp.2017250402)

Психическое здоровье и применение антипсихотических препаратов в практике психолого-медицинского сопровождения амбулаторных больных в Азербайджане

Агагасан Р. Расулов^{1*}, Роя Р. Алиева², Камала Е. Талыбова², Айнур Г. Зейналова², Гюнель Н. Алиева², Фуад Н. Исмаилов²

¹ Азербайджанский государственный институт усовершенствования врачей имени А. Алиева, г. Баку, Азербайджан

² Центр Психического Здоровья Министерства Здравоохранения Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан

* E-mail: nauchnayastatya@yandex.ru

Аннотация

Введение. Антипсихотические препараты имеют широкое применение в практике лечения психических расстройств как в период острого психотического состояния, так и на стадии поддерживающей терапии. В этой связи важным требованием при назначении антипсихотиков является соответствие медикаментозного лечения принципам рационального использования лекарственных препаратов. Несмотря на актуальность этих вопросов, изучение особенностей назначений психотропных препаратов амбулаторным больным в Азербайджане до настоящего времени не проводилось. Цель: исследование посвящено изучению применения антипсихотических препаратов в амбулаторной практике и определению факторов, влияющих на выбор дозы препаратов и использование полифармакотерапии.

Методы. В исследование вошли 253 пациента с различными психическими расстройствами, получающие амбулаторное лечение в Центре Психического Здоровья. Подвергавшиеся анализу переменные включали социодемографические характеристики, клинические данные, а также информацию о назначенном им лечении.

Результаты. Ни социодемографические, ни клинические факторы не оказывали существенного влияния на выбор препаратов. Подавляющее большинство амбулаторных больных получали терапию атипичными антипсихотиками, из которых наиболее часто назначался рисперидон. Дозы препаратов, как правило, были ниже рекомендованных, и лишь у 3,2% больных отмечалось лечение относительно высокими дозами. Более высокие дозы лекарств ассоциировались с диагнозом «шизофрения» и применением полифармакотерапии. В свою очередь, психофармакотерапия ассоциировалась с применением традиционных нейролептиков.

Обсуждение результатов. Полученные результаты предполагают, что лечение в системе амбулаторной помощи предоставляет большие возможности для рационального использования антипсихотических препаратов и позволяет в значительной степени персонализировать фармакотерапию.

Ключевые слова

психические заболевания, антипсихотические препараты, полифармакотерапия, высокие дозы, клинические протоколы, рациональное использование, атипичные антипсихотики, нейролептики, психофармакотерапия, амбулаторная практика

Основные положения

- ▶ при оказании психиатрической помощи амбулаторным пациентам дозы психотропных препаратов были ниже доз, указанных в клинических протоколах;
- ▶ назначение более высокой суточной дозы, рассчитанной в хлорпромазиновом эквиваленте, как правило, обусловлено наличием диагноза «шизофрения» и применением двух и более антипсихотических препаратов;
- ▶ подавляющее большинство больных в системе амбулаторной помощи получает лечение атипичными антипсихотиками, тогда как традиционные нейролептики используются крайне редко;
- ▶ у амбулаторных пациентов традиционные нейролептики в основном используются при проведении полифармакотерапии.

Для цитирования

Расулов А. Р., Алиева Р. Р., Талыбова К. Е., Зейналова А. Г., Алиева Г. Н., Исмаилов Ф. Н. Психическое здоровье и применение антипсихотических препаратов в практике психолого-медицинского сопровождения амбулаторных больных в Азербайджане // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 70–87. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.4

Материалы статьи получены 29.07.2018

UDC 159.97:616.89:612.67

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.4)

Mental Health and the Use of Antipsychotic Drugs in the Practice of Psycho-Medical Support of Outpatients in Azerbaijan

Agahasan R. Rasulov^{1*}, Roya R. Aliyeva², Kamala E. Talibova², Aynur G. Zeynalova², Gunel N. Aliyeva², Fuad N. Ismayilov²

¹ Azerbaijan State Advanced Training Institute for Doctors named after A. Aliyev, Baku, Azerbaijan

² National Mental Health Centre of the Ministry of Health, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author. E-mail: nauchnayastatya@yandex.ru

Abstract

Introduction. Antipsychotic drugs are widely used in treating mental disorders during acute psychotic episodes, as well as in the maintenance therapy. In this regard, adherence of drug treatment to the principles of rational use of medications is an important requirement for prescribing antipsychotics. Despite the urgency of the matter, by now no studies have addressed the issues of prescribing psychotropic drugs for outpatients in Azerbaijan. The purpose of the study is to investigate the practice of using antipsychotic drugs for outpatients and factors for the choice of the medication dose and the use of polypharmacotherapy.

Methods. In total, 253 patients with various mental disorders receiving outpatient treatment at the Mental Health Center took part in this study. The authors analyzed their sociodemographic characteristics, clinical data, and information on the prescribed treatment.

Results. Neither sociodemographic nor clinical factors had a significant influence on the choice of drugs. The vast majority of outpatients received therapy with atypical antipsychotics, where risperidone was the most frequently prescribed. The doses were generally lower than those recommended in the official guidelines; only 3.2% of patients were treated with relatively high doses. Higher doses of drugs were prescribed to the patients diagnosed with schizophrenia and associated with the use of polypharmacotherapy. In turn, psychopharmacotherapy was associated with the use of traditional neuroleptics.

Discussion. The results suggest that the treatment in the outpatient care system provides great opportunities for the rational use of antipsychotic drugs and can largely personalize pharmacotherapy.

Keywords

mental diseases, antipsychotics, polypharmacotherapy, high doses, clinical protocols, rational use, atypical antipsychotics, neuroleptics, psychopharmacotherapy, outpatient practice

Highlights

- ▶ In the observed provision of psychiatric care for outpatients, the doses of psychotropic drugs were lower than the doses indicated in clinical protocols.
- ▶ A higher daily dose (in a chlorpromazine equivalent) is associated with the schizophrenia diagnosis and the use of two or more antipsychotic drugs.
- ▶ The vast majority of patients in the outpatient care system receive treatment with atypical antipsychotics, while traditional neuroleptics are rarely used.
- ▶ Outpatients receive traditional antipsychotics as a part of polypharmacotherapy.

For citation

Rasulov A.R., Aliyeva R.R., Talibova K.E., Zeynalova A.G., Aliyeva G.N., Ismayilov F.N. Mental Health and the Use of Antipsychotic Drugs in the Practice of Psycho-Medical Support of Outpatients in Azerbaijan. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 70–87 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.4

Original manuscript received 29.07.2018

Введение

Реформа системы психического здоровья в Азербайджане направлена на переход от институциональной помощи к услугам, оказываемым амбулаторными учреждениями [1, 2]. Наряду с внедрением программ раннего вмешательства, работы со случаем и психосоциальной реабилитации, эффективное медикаментозное лечение, основанное на рациональном использовании психотропных препаратов, является важной частью деятельности новых учреждений психического здоровья. Рациональное использование лекарственных препаратов определяется как «получение пациентами медикаментов в соответствии с их клиническими потребностями, в дозах отвечающих индивидуальным требованиям, в течение адекватного периода времени, а также по наименьшей стоимости для самих пациентов и для общества в целом» [3, с. 299].

Около десяти лет назад Министерством Здравоохранения были разработаны и внедрены в практику клинические протоколы по диагностике и лечению различных психических расстройств, которые носят скорее рекомендательный, нежели обязательный характер. Так же, как и во многих других странах [4, 5] азербайджанские психиатры сохраняют скептическое

отношение к применению этих протоколов в своей практике. Предыдущее исследование выявило значительное несоответствие между рекомендациями, содержащимися в протоколах, и реальными назначениями лекарственной терапии больным, находящимся на стационарном лечении. В частности, было выявлено, что более половины стационарных больных лечатся традиционными нейролептиками, несмотря на рекомендуемую терапию атипичными антипсихотиками. Кроме того, более $\frac{1}{4}$ пациентов получали медикаменты в дозах, превышавших указанные в протоколах. В исследовании было показано, что применение высоких доз было связано с использованием полифармакотерапии, которая, вопреки действующим протоколам, часто назначалась стационарным пациентам.

В последующих обсуждениях результатов исследования со специалистами, работающими в системе стационарной помощи, было высказано мнение о том, что клинические протоколы в большей степени предназначены для ведения амбулаторных больных и не учитывают специфических особенностей медикаментозного лечения в стационарах.

Действительно, назначение лекарственной терапии в условиях стационара и в системе амбулаторной помощи имеет ряд существенных различий, которые отмечают многими авторами [6, 7, 8]. Во-первых, пациенты, находящиеся на стационарном лечении, обнаруживают более выраженные психотические симптомы, которые являются основной причиной их госпитализации [9, 10]. Во-вторых, в большинстве случаев лечение в стационаре занимает относительно короткий промежуток времени, а амбулаторное лечение может продолжаться годами [11, 12]. В-третьих, стационарные больные, как правило, все без исключения принимают назначенные медикаменты, тогда как в амбулаторной практике большое количество пациентов самостоятельно принимают решение прекратить лекарственную терапию или принимают антипсихотики время от времени [13, 14]. Наконец, в связи с особенностями организации психиатрической помощи в нашей стране, выбор медикаментозной терапии в стационаре ограничен государственным обеспечением лекарственными препаратами. Больные же, получающие амбулаторную помощь, не ограничены в выборе лекарств, поскольку могут самостоятельно приобретать любые назначенные им препараты в аптеках.

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей назначения антипсихотических препаратов больным, получающим амбулаторную помощь. В конкретные задачи исследования входило рассмотрение соответствия использования антипсихотических препаратов клиническим протоколам, включая применение атипичных антипсихотиков, назначение высоких доз и полифармакотерапии.

Методы

Дизайн и место проведения исследования

Настоящее исследование является кросс-секционным, натуралистическим, выполненным на конвенционной выборке пациентов, находящихся на амбулаторном лечении в Центре Психического Здоровья МЗ АР. Данное учреждение ответственно за координацию услуг в области психического здоровья на уровне страны и само оказывает внебольничную помощь взрослому населению и детям, преимущественно проживающим в г. Баку. Пациентам, обращающимся в Центр, медикаментозное лечение может быть назначено в дневном стационаре, лечебно-консультативном отделении и отделении кризисной помощи.

Субъекты исследования

Отбор пациентов осуществлялся в соответствии с рекомендациями ВОЗ для подобного рода исследований [15]. Случайным образом были изначально отобраны 600 пациентов с установленным диагнозом психического расстройства, проходивших лечение в Центре Психического Здоровья в первом полугодии 2018 г.

Из исследования были исключены пациенты младше 18 лет, лица имеющие диагноз «задержка в умственном развитии» (F7) или «психические расстройства вследствие употребления психоактивных веществ» (F2), а также больные, не принимавшие антипсихотические препараты на момент проведения исследования. Таким образом, число участников исследования составило 253 человека.

Обо всех пациентах, вошедших в исследование, были собраны данные, включавшие возраст, пол, диагноз, длительность заболевания и число госпитализаций.

Источники данных и типы переменных

Данные о медикаментозном лечении включали количество антипсихотических препаратов, их наименования, режим приема и режим дозирования. Они собирались однократно в процессе изучения медицинской документации. В качестве антипсихотических препаратов первого поколения (FGD) рассматривались лекарственные средства, используемые в лечении шизофрении и других психических расстройств, которые обозначаются как типичные, классические или традиционные нейролептики. Под препаратами второго поколения (SGD) понимались атипичные антипсихотики, обладающие равным воздействием на продуктивные психопатологические симптомы, но имеющие несколько иной механизм действия, благодаря которому они вызывают менее выраженные побочные симптомы, чем FGD.

Расчет дозы антипсихотиков при полифармакотерапии производился на основе конвертации доз препаратов в хлорпромазиновые эквиваленты (CPZeq). Суточная доза препарата (TDD) рассчитывалась суммированием доз препарата в CPZeq, получаемым пациентом в течение 24 часов. При этом средняя суточная доза считалась 300–600 мг CPZeq, дозы, выходящие за этот интервал, определялись соответственно как низкие или высокие. Монотерапия рассматривалась в тех случаях, когда пациент получал всего один антипсихотический препарат, тогда как назначение двух и более антипсихотиков определялось как полифармакотерапия.

Статистический анализ

Статистический анализ проводился с помощью пакета статистических программ IBM SPSS для Windows, 23.0 (Armonk, NY: IBM Corp.). Для анализа категориальных переменных, относящихся к социодемографическим и клиническим данным, использовался критерий согласия Пирсона χ^2 . 95 % доверительный интервал (CI) применялся в случаях нормального распределения количественных данных, относящихся к показателям частоты назначения лекарственных препаратов. Метод множественной линейной регрессии применялся для изучения влияния клинических переменных на суммарную дозу антипсихотических препаратов. Бинарная логистическая регрессия использовалась для изучения ассоциации между характеристиками больных и психофармакотерапией. Для перевода дихотомических переменных в ординальные использовались т. н. «фиктивные» значения («0» – нет, «1» – да). Статистическая значимость для всех тестов устанавливалась на уровне $p < 0.05$.

Результаты

Среди пациентов, отобранных для исследования, преобладали лица женского пола ($\chi^2 = 6.01$; $df = 1$; $p = 0.014$) (таблица 1). Большинство больных относились к среднему возрасту ($M = 36.7$; 95 % CI [35.03; 38.35]), который встречался чаще других возрастных групп ($\chi^2 = 71.38$; $df = 3$; $p < 0.001$).

Говоря о диагнозах больных, обращающихся за помощью, следует отметить наибольшую частоту диагноза шизофрении ($\chi^2 = 63.54$; $df = 4$; $p < 0.001$). Второе место занимали органические расстройства, за которыми следовали диагнозы расстройств аффективного спектра и расстройств личности. При этом не было выявлено статистически значимых различий, связанных с длительностью болезни ($\chi^2 = 3.19$; $df = 4$; $p = 0.527$). Также следует отметить, что подавляющее большинство больных не обращались за стационарной помощью.

Таблица 1. Демографические и клинические характеристики пациентов**Table 1.** Demographic and clinical characteristics of patients

Характеристики пациентов <i>Characteristics of patients</i>	Число пациентов <i>Number of patients N (%)</i>
Пол Gender	
Мужской/Male	107 (42.3)
Женский/Female	146 (57.7)
Возраст Age	
18–29	90 (35.6)
30–44	94 (37.2)
45–60	59 (23.3)
старше 60 / over 60	10 (4.0)
Диагноз Diagnosis	
Шизофрения/Schizophrenia	94 (37.2)
Аффективные расстройства / Affective disorders	42 (16.6)
Органические расстройства / Organic disorders	45 (17.8)
Расстройства личности / Personality disorders	16 (6.3)
Прочие/Other	56 (22.1)
Длительность заболевания Disease duration	
до 1 года / ≤ 1 year	53 (20.9)
1–3 года / 1–3 years	57 (22.5)
3–5 лет / 3–5 years	51 (20.2)
5–10 лет / 5–10 years	40 (15.8)
свыше 10 лет / ≥ 10 years	52 (20.6)
Число предшествующих госпитализаций Number of previous hospitalizations	
Нет/0	188 (74.3)
Одна/1	48 (19.0)
Две/2	10 (4)
Три и больше / ≥ 3	7 (2.7)

Как показано на рисунке 1, наиболее часто больным назначался рисперидон, его получали 90 человек (35.6%). Почти равное число больных принимали кветиапин и оланзапин, соответственно 55 (21.7%) и 50 (19.8%) человек. Еще 30 (11.9%) пациентов имели в назначениях арипипразол. Другие антипсихотические препараты получали 28 (11%) пациентов, из них 16 (6.3%) человек принимали FGD.

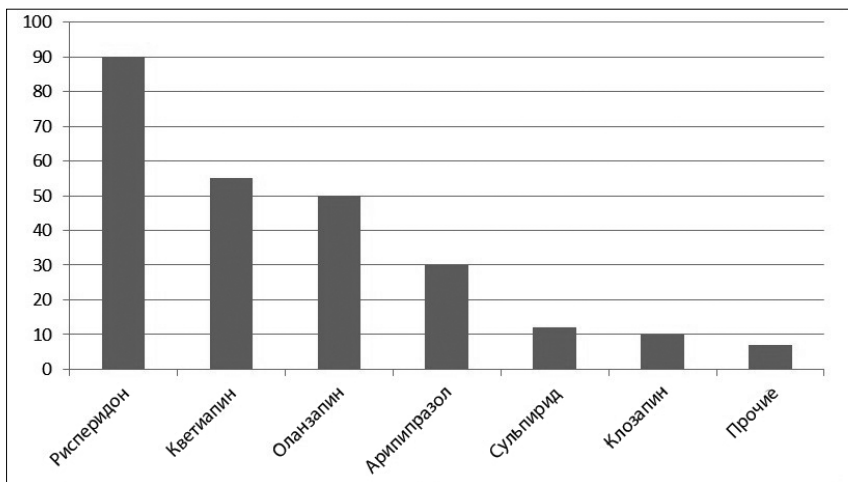

Рисунок 1. Частота назначения антипсихотических препаратов

Figure 1. Frequency of prescribing antipsychotic drugs

При конвертации на CPZeq было установлено, что антипсихотические препараты назначались в относительно низких терапевтических дозах ($M = 209.4$; 95% CI [191.7; 221.1]). Лишь у 8 человек (3.2%) CPZeq превышал 600 мг/сут.

Изучение зависимости дозы антипсихотических препаратов с социодемографическими и клиническими характеристиками больных не выявило статистически значимой связи по таким показателям, как возраст, пол, длительность заболевания и число предшествующих госпитализаций. Однако диагноз и число антипсихотиков являлись статистически значимыми предикторами суммарной суточной дозы антипсихотических препаратов. В таблице 2 показано, что предсказываемая суточная доза в CPZeq равнялась $-15.925 + 94.021$ (диагноз) $+ 187.47$ (число препаратов), где диагноз кодировался как 1 – шизофрения, 0 – иной диагноз, а число препаратов определялось как общее количество антипсихотиков, которые пациент принимал на момент проведения исследования. Таким образом, больные шизофренией получали на 94 мг CPZeq

больше, чем пациенты с другими диагнозами, а доза препарата увеличивалась на 187.47 мг в CPZeq с каждым добавленным антипсихотиком.

Таблица 2. Связь дозы с диагнозом и количеством антипсихотиков

Table 2. Associations among doses, diagnosis, and number of antipsychotics

<i>Независимая переменная</i> <i>Independent variable</i>	<i>B</i>	<i>SE</i>	β	<i>t</i>	<i>p</i>	<i>95% CI</i>	
Константа Constant	-15.925	42.173		-0.38	0.706	-98.984	67.135
Диагноз «шизофрения» Diagnosis Schizophrenia	94.021	16.999	0.318	5.53	0.000	5.53	127.5
Число препаратов Antipsychotics (n)	187.47	41.447	0.26	4.52	0.000	105.84	269.1
R² = 0.200; N = 253; F (df = 2; df = 252) = 31.272; p < 0.001							

Анализ методом бинарной логистической регрессии для установления связи полифармакотерапии с социодемографическими и клиническими факторами не выявил существенного влияния возраста и пола больных, а также длительности их заболевания и числа предшествующих госпитализаций на лечение двумя и более препаратами. В то же время результаты анализа указывают на наличие статистически значимой ассоциации между диагнозом шизофрения и лечением FGA и полифармакотерапией ($\chi^2 = 9.433$; $p = 0.009$). Как видно из таблицы 3, лечение FGA в 17 раз, а наличие диагноза шизофрения почти в 8 раз повышает шансы применения одновременно нескольких антипсихотических препаратов.

Таблица 3. Связь клинических характеристик с полифармакотерапией**Table 3.** Relationship between clinical characteristics and polypharmacotherapy

Показатель <i>Characteristic</i>	β	Wald	p	OR	95 % CI
Лечение FGA FGA treatment	2.829	7.274	0.007	16.931	2.167; 132.311
Диагноз «шизофрения» Diagnosis Schizophrenia	2.046	4.396	0.036	7.736	1.143; 52.378

Обсуждение результатов

Настоящее исследование выполнено среди пациентов, получающих амбулаторное лечение, и оно является продолжением предыдущего исследования лекарственных назначений у стационарных больных. Сравнение результатов обоих исследований выявило существенные различия в использовании антипсихотических препаратов в зависимости от типа оказываемой помощи. В частности, в стационарах больше половины больных продолжают лечиться традиционными нейролептиками, тогда как в системе амбулаторной помощи применяются преимущественно атипичные антипсихотические препараты. Указанные различия могут объяснять данные ряда исследований о том, что атипичные антипсихотики чаще назначаются при менее тяжелых расстройствах, тогда как в более острых состояниях врачи склонны больше полагаться на классические нейролептики [16, 17, 18]. Кроме того, различия между стационарной и амбулаторной практикой могут быть обусловлены стремлением сократить расходы на лечение в государственных больницах, где предпочтение отдается более дешевым антипсихотикам первого поколения. Одновременно, малозатратная амбулаторная помощь в большей степени ориентирована на эффективность, снижение риска развития экстрапирамидных симптомов и комплаентность к лечению. В этом отношении атипичные антипсихотические препараты обладают преимуществом перед традиционными нейролептиками [19, 20, 21].

Так же, как и среди стационарных больных, наиболее часто используемым у амбулаторных пациентов атипичным антипсихотиком был рисперидон. Вместе с тем в системе амбулаторной помощи гораздо чаще назначались

и другие антипсихотические препараты. Разнообразие назначаемых антипсихотиков в амбулаторной практике может быть обусловлено более благоприятными условиями для их использования и стремлением врачей персонализировать лечение [22, 23].

Говоря о режиме дозирования, следует отметить, что амбулаторные пациенты получали антипсихотики в относительно небольших дозах – меньших, чем рекомендовано в клинических протоколах. По мнению некоторых авторов, это обстоятельство связано с тем, что в клинических испытаниях, на которых основываются действующие протоколы, назначаются дозы, рекомендуемые компаниями-разработчиками лекарственных препаратов, тогда как обычное амбулаторное лечение позволяет обойтись более низкими дозами антипсихотиков [24, 25]. Как показывает настоящее исследование, более высокие дозы антипсихотиков ассоциируются с диагнозом шизофрении, тогда как многие пациенты, находящиеся на амбулаторном лечении, имели другие диагнозы, поддающиеся лечению низкими дозами антипсихотиков. Следует также отметить, что большинство больных шизофренией на момент проведения исследования, находясь в ремиссии, получали поддерживающую терапию меньшими дозами препаратов, которые ассоциируются с лучшей переносимостью лечения и функциональной адаптацией больных [26, 27, 28].

Как и следовало ожидать, высокие дозы антипсихотических препаратов ассоциировались с применением полифармакотерапии. В свою очередь, применение полифармакотерапии связано с диагнозом шизофрении и лечением традиционными нейролептиками. К аналогичным выводам приходят и другие авторы [29, 30]. В отличие от исследования, выполненного среди стационарных больных, в данном исследовании не нашло подтверждения зависимость выбора препарата от социодемографических характеристик больных или длительности их заболевания. В этом аспекте можно констатировать, что лечение антипсихотическими препаратами в системе амбулаторной помощи в большей степени соответствует принятым в стране клиническим протоколам.

В данном исследовании использован кросс-секционный дизайн, который накладывает определенные ограничения на интерпретацию причинно-следственных связей между изучаемыми переменными. Важные факторы, такие как степень тяжести состояния пациентов, выраженность побочных явлений, наличие терапевтической резистентности, потенциально влияющие на режим дозирования и психофармакотерапию, не учитывались в настоящем исследовании. Исследование ограничивалось только амбулаторными больными из расположенного в столице Центра Психического Здоровья, поэтому его результаты не вполне применимы к амбулаторным пациентам, получающим помощь в других учреждениях и регионах страны.

Литература

1. *Ismayilov F.* Mental health services in Azerbaijan // Bulletin of the Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists. 2004. Issue 3. P. 16–17. URL: https://www.researchgate.net/publication/322374144_Mental_health_services_in_Azerbaijan/fulltext/5a56b6ec0f7e9bf2a536cec5/322374144_Mental_health_services_in_Azerbaijan.pdf?origin=publication_detail (Accessed 21.08.2018).
2. *Расулов А. Р.* Развитие системы охраны психического здоровья в Азербайджане // Казанский медицинский журнал. 2017. Т. 98, № 4. С. 656–661.
3. Rational use of Drugs: Report of the Conference of Experts, Nairobi, 25–29 November 1985. Geneva: World Health Organization, 1987. 329 p.
4. *Fleischhacker W. W., Uchida H.* Critical review of antipsychotic polypharmacy in the treatment of schizophrenia // International Journal of Neuropsychopharmacology. 2014. Vol. 17, Issue 7. P. 1083–1093. DOI: [10.1017/S1461145712000399](https://doi.org/10.1017/S1461145712000399)
5. *Saddichha S., Chaturvedi S. K.* Clinical Practice Guidelines in Psychiatry: More Confusion Than Clarity? A Critical Review and Recommendation of a Unified Guideline // ISRN Psychiatry. 2014. Article ID 828917. DOI: [10.1155/2014/828917](https://doi.org/10.1155/2014/828917)
6. *Paton C., Barnes T. R. E., Cavanagh M.-R., Taylor D., Lelliott P.* High-dose and combination antipsychotic prescribing in acute adult wards in the UK: The challenges posed by p.r.n. prescribing // The British Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 192, Issue 6. P. 435–439. DOI: [10.1192/bjp.bp.107.042895](https://doi.org/10.1192/bjp.bp.107.042895)
7. *Romstadt N., Wonson E.* Outcomes comparison of long-acting injectable antipsychotic initiation in treatment-naïve veterans in the inpatient versus outpatient setting // The Mental Health Clinician. 2018. Vol. 8, № 1. P. 24–27. DOI: [10.9740/mhc.2018.01.024](https://doi.org/10.9740/mhc.2018.01.024)
8. *Edlinger M., Rettenbacher M. A., Kemmler G., Biedermann F., Widschwendter C. G., Fleischhacker W. W., Hofer A.* Prescribing Practice in Inpatients Versus Outpatients With Schizophrenia Initiating Treatment With Second-Generation Antipsychotics: A Naturalistic Follow-Up Study // Journal of Clinical Psychopharmacology. 2016. Vol. 36, Issue 6. P. 621–627. DOI: [10.1097/JCP.0000000000000573](https://doi.org/10.1097/JCP.0000000000000573)
9. *Barbui C., Biancosino B., Esposito E., et al.* Factors associated with antipsychotic dosing in psychiatric inpatients: a prospective study // International Clinical Psychopharmacology. 2007. Vol. 22, Issue 4. P. 221–225. DOI: [10.1097/YIC.0b013e3281084ea8](https://doi.org/10.1097/YIC.0b013e3281084ea8)
10. *Harder D. W., Strauss J. S., Greenwald D. F., Kokes R. F., Ritzler B. A., Gift T. E.* Life events and psychopathology severity: comparisons between psychiatric outpatients and inpatients // Journal of Clinical Psychology. 1989. Vol. 45. P. 202–209.

11. *Warnke I., Rössler W., Herwig U.* Does psychopathology at admission predict the length of inpatient stay in psychiatry? Implications for financing psychiatric services // *BMC Psychiatry*. 2011. Vol. 11. P. 120.
12. *Tiihonen J., Walhbeck K., Lönnqvist J., et al.* Effectiveness of antipsychotic treatments in a nationwide cohort of patients in community care after first hospitalisation due to schizophrenia and schizoaffective disorder: observational follow-up study // *BMJ*. 2006. Vol. 333. P. 224. DOI: [10.1136/bmj.38881.382755.2F](https://doi.org/10.1136/bmj.38881.382755.2F)
13. *Harrow M., Jobe T. H., Faull R. N.* Do all schizophrenia patients need antipsychotic treatment continuously throughout their lifetime? A 20-year longitudinal study // *Psychological Medicine*. 2012. Vol. 42, Issue 10. P. 2145–2155. DOI: [10.1017/S0033291712000220](https://doi.org/10.1017/S0033291712000220)
14. *Offord S., Lin J., Wong B., Mirski D., Baker R. A.* Impact of Oral Antipsychotic Medication Adherence on Healthcare Resource Utilization Among Schizophrenia Patients with Medicare Coverage // *Community Mental Health Journal*. 2013. Vol. 49, Issue 6. P. 625–629. DOI: [10.1007/s10597-013-9638-y](https://doi.org/10.1007/s10597-013-9638-y)
15. *How to Investigate Drug Use in Health Facilities: Selected Drug Indicators.* Geneva: World Health Organization, 1993. 92 p.
16. *Gaebel W., Riesbeck M., Janssen B., Schneider F., Held T., Mecklenburg H., Sass H.* Atypical and typical neuroleptics in acute schizophrenia and related delusional disorders. Drug choice, switching and outcome under naturalistic treatment conditions // *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. 2003. Vol. 253. P. 175–184.
17. *Bernardo M., Coma A., Ibáñez C., Zara C., Bari J. M., Serrano-Blanco A.* Antipsychotic polypharmacy in a regional health service: a population-based study // *BMC Psychiatry*. 2012. Vol. 12. P. 42. DOI: [10.1186/1471-244X-12-42](https://doi.org/10.1186/1471-244X-12-42)
18. *Satterthwaite T. D., Wolf D. H., Rosenheck R. A., Gur R. E., Caroff S. N.* A Meta-Analysis of the Risk of Acute Extrapyrimal Symptoms With Intramuscular Antipsychotics for the Treatment of Agitation // *The Journal of Clinical Psychiatry*. 2008. Vol. 69 (12). P. 1869–1879.
19. *Zhang J.-P., Gallego J. A., Robinson D. G., Malhotra A. K., Kane J. M., Correll C. U.* Efficacy and safety of individual second-generation vs first-generation antipsychotics in first-episode psychosis: a systematic review and meta-analysis // *International Journal of Neuropsychopharmacology / Collegium Internationale Neuropsychopharmacologicum*. 2013. Vol. 16, Issue 6. P. 1205–1218. DOI: [10.1017/S1461145712001277](https://doi.org/10.1017/S1461145712001277)
20. *Gründer G., Heinze M., Cordes J., Mühlbauer B., Juckel G., Schulz C., Rütther E., Timm J.* Effects of first-generation antipsychotics versus second-generation antipsychotics on quality of life in schizophrenia: a double-blind, randomised study // *The Lancet Psychiatry*. 2016. Vol. 3, Issue 8. P. 717–729. DOI: [10.1016/S2215-0366\(16\)00085-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)00085-7)

21. Ponizovsky A. M., Marom E., Ben-Laish M., Barash I., Weizman A., Schwartzberg E. Trends in the use of antipsychotics in the Israeli inpatient population, 2004–2013 // *Israel Journal of Health Policy Research*. 2016. Vol. 5. P. 16. DOI: [10.1186/s13584-016-0074-7](https://doi.org/10.1186/s13584-016-0074-7)
22. Meltzer H. Y. New Trends in the Treatment of Schizophrenia // *CNS & Neurological Disorders – Drug Targets*. 2017. Vol. 16, Issue 8. P. 900–906. DOI: [10.2174/1871527316666170728165355](https://doi.org/10.2174/1871527316666170728165355)
23. Li M. Antipsychotic-induced sensitization and tolerance: Behavioral characteristics, developmental impacts, and neurobiological mechanisms // *Journal of Psychopharmacology*. 2016. Vol. 30, Issue 8. P. 749–770.
24. Hanssens L., De Hert M., Wampers M., et al. Pharmacological treatment of ambulatory schizophrenic patients in Belgium // *Clinical Practice and Epidemiology in Mental Health*. 2006. Vol. 2. P. 11. DOI: [10.1186/1745-0179-2-11](https://doi.org/10.1186/1745-0179-2-11)
25. Buckley P. F., Correll C. U. Strategies for dosing and switching antipsychotics for optimal clinical management // *The Journal of Clinical Psychiatry*. 2008. Vol. 69, Suppl. 1. P. 4–17.
26. Volavka J., Vevera J. Very long-term outcome of schizophrenia // *The International Journal of Clinical Practice*. 2018. Vol. 72, Issue 7. e13094. DOI: [10.1111/ijcp.13094](https://doi.org/10.1111/ijcp.13094)
27. Moilanen J. M., Haapea M., Jääskeläinen E., Veijola J. M., Isohanni M. K., Koponen H. J., Miettunen J. Long-term antipsychotic use and its association with outcomes in schizophrenia – the Northern Finland Birth Cohort 1966 // *European Psychiatry*. 2016. Vol. 36. P. 7–14. DOI: [10.1016/j.eurpsy.2016.03.002](https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2016.03.002)
28. Uchida H., Suzuki T., Takeuchi H., Arenovich T., Mamo D. C. Low Dose vs Standard Dose of Antipsychotics for Relapse Prevention in Schizophrenia: Meta-analysis // *Schizophrenia Bulletin*. 2011. Vol. 37, Issue 4. P. 788–799. DOI: [10.1093/schbul/sbp149](https://doi.org/10.1093/schbul/sbp149)
29. Fisher M. D., Reilly K., Isenberg K., Villa K. F. Antipsychotic patterns of use in patients with schizophrenia: polypharmacy versus monotherapy // *BMC Psychiatry*. 2014. Vol. 14. P. 341. DOI: [10.1186/s12888-014-0341-5](https://doi.org/10.1186/s12888-014-0341-5)
30. McMillan S. S., Jacobs S., Wilson L., et al. Antipsychotic prescribing for vulnerable populations: a clinical audit at an acute Australian mental health unit at two-time points // *BMC Psychiatry*. 2017. Vol. 17. P. 139. DOI: [10.1186/s12888-017-1295-1](https://doi.org/10.1186/s12888-017-1295-1)

References

1. Ismayilov F. Mental health services in Azerbaijan. *Bulletin of the Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*, 2004, Issue 3, pp. 16–17. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322374144_Mental_health_services_in_Azerbaijan/fulltext/5a56b6ec0f7e9bf2a536cec5/32237

- [1414 Mental health services in Azerbaijan.pdf?origin=publication_detail](#) (Accessed 21 August 2018).
2. Rasulov A. R. Development of mental health system in Azerbaijan. *Kazanskii meditsinskii jurnal – Kazan Medical Journal*, 2017, V. 98, no. 4, pp. 656–661 (in Russian).
 3. *Rational use of Drugs: Report of the Conference of Experts*, Nairobi, 25–29 November 1985. Geneva: World Health Organization, 1987. 329 p.
 4. Fleischhacker W. W., Uchida H. Critical review of antipsychotic polypharmacy in the treatment of schizophrenia. *International Journal of Neuropsychopharmacology*. 2014. V. 17, Issue 7, pp. 1083–1093. DOI: [10.1017/S1461145712000399](#)
 5. Saddichha S., Chaturvedi S. K. Clinical practice guidelines in psychiatry: More confusion than clarity? A critical review and recommendation of a unified guideline. *ISRN Psychiatry*, 2014. Article ID 828917. DOI: [10.1155/2014/828917](#)
 6. Paton C., Barnes T. R. E., Cavanagh M.-R, Taylor D., Lelliott P. High-dose and combination antipsychotic prescribing in acute adult wards in the UK: The challenges posed by p.r.n. prescribing. *The British Journal of Psychiatry*, 2008, V. 192, Issue 6, pp. 435–439. DOI: [10.1192/bjp.bp.107.042895](#)
 7. Romstadt N., Wonson E. Outcomes comparison of long-acting injectable antipsychotic initiation in treatment-naïve veterans in the inpatient versus outpatient setting. *The Mental Health Clinician*, 2018, V. 8, no. 1, pp. 24–27. DOI: [10.9740/mhc.2018.01.024](#)
 8. Edlinger M., Rettenbacher M. A., Kemmler G., Biedermann F., Widschwendter C. G., Fleischhacker W. W., Hofer A. Prescribing practice in inpatients versus outpatients with schizophrenia initiating treatment with second-generation antipsychotics: A naturalistic follow-up study. *Journal of Clinical Psychopharmacology*, 2016, V. 36, Issue 6, pp. 621–627. DOI: [10.1097/JCP.0000000000000573](#)
 9. Barbui C., Biancosino B., Esposito E., et al. Factors associated with antipsychotic dosing in psychiatric inpatients: a prospective study. *International Clinical Psychopharmacology*, 2007, V. 22, Issue 4, pp. 221–225. DOI: [10.1097/YIC.0b013e3281084ea8](#)
 10. Harder D. W., Strauss J. S., Greenwald D. F., Kokes R. F., Ritzler B. A., Gift T. E. Life events and psychopathology severity: comparisons between psychiatric outpatients and inpatients. *Journal of Clinical Psychology*, 1989, V. 45, pp. 202–209.
 11. Warnke I., Rössler W., Herwig U. Does psychopathology at admission predict the length of inpatient stay in psychiatry? Implications for financing psychiatric services. *BMC Psychiatry*, 2011, V. 11, p. 120.

12. Tiihonen J., Walhbeck K., Lönnqvist J., et al. Effectiveness of antipsychotic treatments in a nationwide cohort of patients in community care after first hospitalisation due to schizophrenia and schizoaffective disorder: observational follow-up study. *BMJ*, 2006, V. 333, p. 224. DOI: [10.1136/bmj.38881.382755.2F](https://doi.org/10.1136/bmj.38881.382755.2F)
13. Harrow M., Jobe T. H., Faull R. N. Do all schizophrenia patients need antipsychotic treatment continuously throughout their lifetime? A 20-year longitudinal study. *Psychological Medicine*, 2012, V. 42, Issue 10, pp. 2145–2155. DOI: [10.1017/S0033291712000220](https://doi.org/10.1017/S0033291712000220)
14. Offord S., Lin J., Wong B., Mirski D., Baker R. A. Impact of oral antipsychotic medication adherence on healthcare resource utilization among schizophrenia patients with Medicare coverage. *Community Mental Health Journal*, 2013, V. 49, Issue 6, pp. 625–629. DOI: [10.1007/s10597-013-9638-y](https://doi.org/10.1007/s10597-013-9638-y)
15. *How to investigate drug use in health facilities: Selected drug indicators*. Geneva: World Health Organization, 1993. 92 p.
16. Gaebel W., Riesbeck M., Janssen B., Schneider F., Held T., Mecklenburg H., Sass H. Atypical and typical neuroleptics in acute schizophrenia and related delusional disorders. Drug choice, switching and outcome under naturalistic treatment conditions. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, 2003, V. 253, pp. 175–184.
17. Bernardo M., Coma A., Ibáñez C., Zara C., Bari J. M., Serrano-Blanco A. Antipsychotic polypharmacy in a regional health service: a population-based study. *BMC Psychiatry*, 2012, V. 12, p. 42. DOI: [10.1186/1471-244X-12-42](https://doi.org/10.1186/1471-244X-12-42)
18. Satterthwaite T. D., Wolf D. H., Rosenheck R. A., Gur R. E., Caroff S. N. A meta-analysis of the risk of acute extrapyramidal symptoms with intramuscular antipsychotics for the treatment of agitation. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 2008, V. 69 (12), pp. 1869–1879.
19. Zhang J.-P., Gallego J. A., Robinson D. G., Malhotra A. K., Kane J. M., Correll C. U. Efficacy and safety of individual second-generation vs first-generation antipsychotics in first-episode psychosis: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Neuropsychopharmacology*, Collegium Internationale Neuropsychopharmacologicum, 2013, V. 16, Issue 6, pp. 1205–1218. DOI: [10.1017/S1461145712001277](https://doi.org/10.1017/S1461145712001277)
20. Gründer G., Heinze M., Cordes J., Mühlbauer B., Juckel G., Schulz C., Rütther E., Timm J. Effects of first-generation antipsychotics versus second-generation antipsychotics on quality of life in schizophrenia: a double-blind, randomised study. *The Lancet Psychiatry*, 2016, V. 3, Issue 8, pp. 717–729. DOI: [10.1016/S2215-0366\(16\)00085-7](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)00085-7)
21. Ponizovsky A. M., Marom E., Ben-Laish M., Barash I., Weizman A., Schwartzberg E. Trends in the use of antipsychotics in the Israeli inpatient

- population, 2004–2013. *Israel Journal of Health Policy Research*, 2016, V. 5, p. 16. DOI: [10.1186/s13584-016-0074-7](https://doi.org/10.1186/s13584-016-0074-7)
22. Meltzer H. Y. New trends in the treatment of schizophrenia. *CNS & Neurological Disorders – Drug Targets*, 2017, V. 16, Issue 8, pp. 900–906. DOI: [10.2174/1871527316666170728165355](https://doi.org/10.2174/1871527316666170728165355)
23. Li M. Antipsychotic-induced sensitization and tolerance: Behavioral characteristics, developmental impacts, and neurobiological mechanisms. *Journal of Psychopharmacology*, 2016, V. 30, Issue 8, pp. 749–770.
24. Hanssens L., De Hert M., Wampers M., et al. Pharmacological treatment of ambulatory schizophrenic patients in Belgium. *Clinical Practice and Epidemiology in Mental Health*, 2006, V. 2, p. 11. DOI: [10.1186/1745-0179-2-11](https://doi.org/10.1186/1745-0179-2-11)
25. Buckley P. F., Correll C. U. Strategies for dosing and switching antipsychotics for optimal clinical management. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 2008, V. 69, Suppl. 1, pp. 4–17.
26. Volavka J., Vevera J. Very long-term outcome of schizophrenia. *The International Journal of Clinical Practice*, 2018, V. 72, Issue 7, e13094. DOI: [10.1111/ijcp.13094](https://doi.org/10.1111/ijcp.13094)
27. Moilanen J. M., Haapea M., Jääskeläinen E., Veijola J. M., Isohanni M. K., Koponen H. J., Miettunen J. Long-term antipsychotic use and its association with outcomes in schizophrenia – the Northern Finland Birth Cohort 1966. *European Psychiatry*, 2016, V. 36, pp. 7–14. DOI: [10.1016/j.eurpsy.2016.03.002](https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2016.03.002)
28. Uchida H., Suzuki T., Takeuchi H., Arenovich T., Mamo D. C. Low dose vs standard dose of antipsychotics for relapse prevention in schizophrenia: Meta-analysis. *Schizophrenia Bulletin*, 2011, V. 37, Issue 4, pp. 788–799. DOI: [10.1093/schbul/sbp149](https://doi.org/10.1093/schbul/sbp149)
29. Fisher M. D., Reilly K., Isenberg K., Villa K. F. Antipsychotic patterns of use in patients with schizophrenia: polypharmacy versus monotherapy. *BMC Psychiatry*, 2014, V. 14, p. 341. DOI: [10.1186/s12888-014-0341-5](https://doi.org/10.1186/s12888-014-0341-5)
30. McMillan S. S., Jacobs S., Wilson L., et al. Antipsychotic prescribing for vulnerable populations: a clinical audit at an acute Australian mental health unit at two-time points. *BMC Psychiatry*, 2017, V. 17, p. 139. DOI: [10.1186/s12888-017-1295-1](https://doi.org/10.1186/s12888-017-1295-1)

Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ

Олег А. Сычев^{1*}, Ирина Н. Протасова¹, Константин И. Белоусов²

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, г. Бийск, Российская Федерация

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация

* E-mail: osn1@mail.ru

Аннотация

Введение. Разработанный на основе теории моральных оснований Дж. Хайдта «Опросник моральных оснований» (MFQ) стал популярным инструментом в зарубежных исследованиях морали. Он включает пять соответствующих моральным основаниям шкал: «забота», «справедливость», «лояльность группе», «уважение» и «чистота». Несмотря на умеренную надежность шкал, методика может оказаться полезной для исследования моральных основ социальных стереотипов и политических убеждений в русскоязычных выборках, а также для разработки отечественных методик диагностики моральной сферы. В данном исследовании впервые представлены психометрические характеристики русскоязычной версии опросника моральных оснований и приведены новые данные о связи моральных оснований с другими качествами.

Методы. Для проверки валидности предложенной русскоязычной версии опросника моральных оснований использовались «Портретный ценностный опросник» (Ш. Шварц) и «Короткий опросник Темной триады», направленный на измерение макиавеллизма, психопатии и нарциссизма (М. С. Егорова и др.). Для анализа подверженности ответов тенденции к социальной желательности использовался опросник социальной желательности BIDR (адаптация Е. Н. Осина). Социально-демографические характеристики были выявлены с помощью специальной анкеты.

Результаты. По итогам апробации адаптированной версии методики на выборке из 354 человек сделаны выводы об умеренной надежности пяти первичных шкал (0.62–0.68) и хорошей надежности шкал второго уровня (0.79–0.84). Факторная структура русскоязычной версии показывает удовлетворительное соответствие оригиналу. Выявлена умеренная подверженность ответов тенденции к социальной желательности. Анализ валидности показал, что шкалы моральных оснований и шкалы второго уровня («этика автономии» и «этика сообщества») демонстрируют ожидаемые связи с ценностями, негативными чертами личности, религиозностью и полом.

Обсуждение результатов. Особенностью русскоязычной версии является наличие прямых связей между индивидуализирующими и спланивающими моральными основаниями. Тем не менее, остальные результаты хорошо соответствуют предсказаниям теории моральных оснований и выводам, полученным в зарубежных исследованиях.

Ключевые слова

опросник моральных оснований, теория моральных оснований, забота, справедливость, уважение, лояльность, этика автономии, этика сообщества, ценности, темная триада

Основные положения

- ▶ теория моральных оснований Дж. Хайдта является одним из наиболее перспективных направлений исследований в области психологии морали, поэтому актуальной является разработка русскоязычной версии опросника моральных оснований;
- ▶ русскоязычная версия опросника моральных оснований демонстрирует проблематичную надежность шкал моральных оснований и высокую надежность вторичных шкал, а факторная структура показывает удовлетворительное соответствие оригиналу;
- ▶ о валидности русскоязычной версии опросника свидетельствуют ожидаемые связи шкал с ценностями, негативными чертами личности, религиозностью и полом;
- ▶ недостатки методики, связанные с недостаточно ясной факторной структурой и проблематичной надежностью шкал, свидетельствуют о необходимости разработки оригинального русскоязычного опросника для оценки моральных оснований.

Для цитирования

Сычев О. А., Протасова И. Н., Белоусов К. И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5

Материалы статьи получены 07.02.2018

Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire

Oleg A. Sychev^{1*}, Irina N. Protasova¹, Konstantin I. Belousov²

¹ Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russian Federation

² Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: osn1@mail.ru

Abstract

Introduction. The Moral Foundations Questionnaire (MFQ), developed on the basis of J. Haidt's moral foundations theory, has become a popular tool for studying morality. The questionnaire contains five scales corresponding to moral foundations – namely, harm/care, fairness/reciprocity, in-group/loyalty, authority/respect, and purity/sanctity. Despite moderate reliability of the scales, the technique can be instrumental in identifying moral foundations of social stereotypes and political beliefs in Russian samples, as well as in developing Russian instruments for diagnosing individuals' morality. This study presents the psychometric characteristics of the MFQ Russian version and provides new evidence of the relationship between moral foundations and other variables.

Methods. To verify the validity of the proposed MFQ Russian version, we employed the Portrait Values Questionnaire (S. Schwartz) and the Short Dark Triad questionnaire (M.S. Egorova et al.) for measuring Machiavellianism, psychopathy, and narcissism. The Balanced Inventory of Desirable Responding (BIDR) was employed for evaluating respondents' tendency to social desirability (E.N. Osin's adaptation). Socio-demographic characteristics were identified using a special questionnaire.

Results. Testing the modified version of the questionnaire on a sample comprised of 354 individual participants showed a moderate reliability of five primary scales (0.62–0.68) and a good reliability of secondary scales (0.79–0.84). The factor structure of the MFQ Russian version demonstrated a satisfactory level of matching the original technique. The respondents' answers reflected a moderate level of social desirability. The scales of moral foundations and secondary scales ('ethics of autonomy' and 'ethics of community') showed the expected relationship with values, negative personality traits, religiosity, and gender.

Discussion. The unique outcome of pilot testing of the MFQ Russian version was the demonstration of a direct relationship between the individualizing and uniting moral foundations. All other results are in good agreement with the predictions of moral foundations theory and with the conclusions of previous studies.

Keywords

moral foundations questionnaire, moral foundations theory, harm, fairness, authority, loyalty, ethics of autonomy, ethics of community, values, dark triad

Highlights

- ▶ J. Haidt's moral foundations theory is one of the most promising areas of research in the field of psychology of morality. The development of a Russian version of the MFQ based on its principles is an important step in advancing related research.
- ▶ The MFQ Russian version demonstrates a problematic reliability of the moral foundations scales and high reliability of the secondary scales. The factor analysis showed a satisfactory level of matching the original technique.
- ▶ Observing the expected relationship between scales and values, negative personality traits, religiosity, and gender speaks in favour of validity of the MFQ Russian version.
- ▶ Disadvantages of the MFQ Russian version are associated with a lack of clear factorial structure and problematic reliability of the scales. Thus, it is important to develop an original (authentic) Russian questionnaire for diagnosing moral foundations.

For citation

Sychev O. A., Protasova I. N., Belousov K. I. Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 88–115 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5

Original manuscript received 07.02.2018

Введение

Психологические и междисциплинарные исследования морали в последние десятилетия привели к появлению теории моральных оснований (ТМО), предложенной Дж. Хайдтом с соавторами [1, 2, 3, 4, 5, 6]. При разработке данного подхода было предложено новое понятие моральных оснований (moral foundations) для обозначения базовых составляющих сферы морали, выступающих в качестве критериев нравственной оценки различных поступков и событий – *моральных оснований* для оценочных суждений.

Одним из исходных положений ТМО стала социально-интуитивистская модель морали, в соответствии с которой моральное решение принимается преимущественно на основе автоматической, интуитивной, эмоциональной оценки (moral intuition), тогда как последующие моральные рассуждения служат в основном для рационального обоснования уже принятого решения [2]. Связь моральных оценок с эмоциями и их автоматический, свернутый характер были показаны в многочисленных исследованиях (обзор см. в [3]). Эти факты позволили предположить, что в основе моральных

оценок лежит ограниченный набор врожденных механизмов, сложившихся в ходе эволюции, причем культурное развитие морали надстраивается над этими механизмами. На основе таких представлений о природе моральных оснований (МО) для их отбора авторы ТМО выдвинули следующие критерии: наличие адаптивных преимуществ с эволюционной точки зрения, наличие врожденных основ, автоматическую (интуитивную) эмоциональную оценку, всеобщую распространенность и культурную универсальность [4, 5].

С опорой на перечисленные критерии к числу МО были отнесены, прежде всего, *забота* (включая запрет на причинение вреда) и *справедливость*. «Забота», по-видимому, в наибольшей мере соответствует указанным критериям: проявления заботы распространены повсеместно, при этом установлена ее связь с эмпатией и привязанностью, эволюционные аспекты которых изучены довольно подробно [7, 8]. «Справедливость» также тесно связана с эмоциями: гневом, виной, эмпатией. Исследования взаимного альтруизма и поведения животных в ситуациях неравного вознаграждения также позволяют предполагать наличие эволюционных основ [8, 9]. «Заботу» и «справедливость» авторы ТМО назвали индивидуализирующими (*individualizing*) МО, поскольку именно они находились в фокусе внимания западной индивидуалистической философии морали с ее акцентом на защите прав отдельной личности [1].

По мнению авторов ТМО можно выделить еще три МО, выходящие за пределы защиты индивидуальных интересов и связанные с отношениями индивида к своей группе: *лояльность группе, уважение к авторитетам и чистота*. Преданность группе в сочетании с нетерпимостью к изменникам – эти проявления лояльности также широко распространены в современных обществах, хотя их связи с эмоциональными явлениями и эволюционные основы менее изучены. С большей уверенностью можно предполагать наличие эволюционных основ для уважения к авторитетам, готовности подчиняться и соблюдать групповую иерархию. Подобные отношения в группах были достаточно хорошо изучены на приматах [8]. «Чистота» относится к религиозным и культурным нормам и запретам в сфере отношения к пище, телу, сексу и различным сакральным для группы объектам (например, флагу или гимну). Эмоциональные механизмы этого МО связаны с отвращением [2]. Последние три МО получили название сплывающих (*binding*), т. к. они способствуют сплочению группы вокруг ее ценностей и лидера.

Используемые в российских публикациях [10, 11] термины «индивидуализирующие» и «сплывающие» МО представляют собой буквальный перевод соответствующих англоязычных понятий, введенных в ТМО. В то же время, вместо этих понятий иногда применяются предложенные ранее Р. А. Шведером категории «этика автономии» и «этика сообщества», которые

хорошо передают смысл и естественнее звучат в русском языке [12]. Далее эти две пары терминов будут использоваться нами как синонимичные.

ТМО разрабатывалась для объяснения культурных инвариантов и вариаций морали, однако ее приложение к анализу моральных основ политических предпочтений также оказалось продуктивным. Эта проблема привлекла внимание после выступления американского политика П. Бьюкенена в 1992 г. о «культурной войне» в американском обществе [13], в котором он опирался на вышедшую годом ранее книгу Дж. Хантера [14]. В соответствии с позицией Дж. Хантера и П. Бьюкенена, культурная война, проявляющаяся в борьбе между лагерями консерваторов (традиционалистов) и либералов (прогрессивистов), отражает глубокие различия в моральных нормах и ценностях. В частности, для традиционалистов важнейшее значение имеют христианские ценности и строгие нормы сексуального поведения, традиционная семья и проверенные временем общественные институты. Прогрессивисты, напротив, стремятся к переменам, подрывая традиционные ценности и социальные институты, а также поддерживая «аморальные» общественные явления, связанные с защитой прав личности (такие как гомосексуальные отношения, право женщин на аборт и т. п.).

Эмпирические исследования, проведенные с помощью соответствующего опросника, показали существенное различие профилей МО у консерваторов и либералов [1]. Индивидуализирующие МО оцениваются одинаково высоко как либералами, так и консерваторами, однако только для консерваторов сплывающие МО не менее важны, чем индивидуализирующие. Для либералов сплывающие МО имеют существенно меньшее значение. Разность оценок индивидуализирующих и сплывающих МО показывает столь тесную связь с политическими убеждениями, что общепринятой стала интерпретация этого показателя как коэффициента прогрессивизма.

Сравнение МО у представителей западной и восточной культур на объемной выборке, проведенное авторами методики, показало, что для лиц, проживающих в странах Азии, более важны МО лояльности и чистоты, однако величина эффекта культуры невелика. Вместе с тем эти выводы были получены в результате интернет-опроса с помощью англоязычной версии, так что в исследовании участвовали только жители азиатского региона, хорошо владеющие английским языком и поэтому, вероятно, в некоторой мере причастные к западной культуре [4].

Согласно данным авторов ТМО, женщины выше ценят МО заботы, справедливости и чистоты, в то время как мужчины демонстрируют слабую тенденцию к более высокой оценке лояльности и уважения [4]. При этом наиболее велика разница в оценках мужчин и женщин по МО «забота». Кроме того, обнаружены также связи МО со свойствами личности – эмпатией [4] и свойствами

темной триады [15]. Имеются данные о связи МО с ценностями [4], правым авторитаризмом [10], ориентацией на социальное доминирование [16], внешнеполитическими установками [17], политическими убеждениями и мнениями по спорным социально-политическим проблемам [4, 6].

Таким образом, разработка ТМО расширила теоретические представления о психологической природе и структуре морали, а также стимулировала новые эмпирические исследования. Использованию ТМО в отечественных исследованиях препятствует отсутствие соответствующего инструментария. В этой связи целью нашего исследования стала разработка русскоязычной версии опросника моральных оснований.

Методы

Для диагностики МО Дж. Грэхемом с коллегами в 2011 г. был предложен опросник (Moral Foundations Questionnaire, MFQ), который включает в себя 2 части по 15 заданий, образующих пять шкал [4]. В первой части перед испытуемым в инструкции ставится вопрос «Когда Вы решаете, что правильно, а что неправильно, какое значение имеют для Вас следующие соображения?», и предлагаются различные варианты для оценки (текст утверждений см. в таблице 2). Испытуемые оценивают каждый из 15-ти вариантов по шестибалльной шкале от «Абсолютно не важно» (0) до «Крайне важно» (5), указывая тем самым их релевантность для моральной оценки события или поступка. Во второй части испытуемые выражают меру согласия с утверждениями (по шестибалльной шкале от «Абсолютно не согласен» до «Абсолютно согласен»), воплощающими ту или иную моральную ценность.

Несмотря на свою популярность, методика MFQ имеет ряд недостатков. С психометрической точки зрения серьезной проблемой являются невысокие показатели внутренней согласованности шкал, неоднократно показанные в исследованиях [15, 18]. Не только о психометрических, но и теоретических проблемах могут свидетельствовать трудности в подтверждении структуры методики средствами конфирматорного факторного анализа [4, 18, 19, 20].

В наших прошлых исследованиях [11] использовался перевод методики, предложенный израильским психологом Л. Боровой, размещавшийся на сайте авторов ТМО [21]. Опыт его применения побудил к разработке новой русскоязычной версии ввиду не вполне ясных формулировок инструкции и некоторых заданий. Чтобы обеспечить лингвистическую эквивалентность, была проведена процедура прямого и обратного перевода. Прямой перевод осуществлялся пятью специалистами в области английского языка, а также психологом, хорошо владеющим английским. На основе полученных шести версий (а также с учетом версии Л. Боровой) в результате обсуждения был

составлен итоговый вариант текста. Он был подвергнут обратному переводу носителем английского языка, хорошо владеющим русским.

Сравнение оригинальной версии методики и обратного перевода показало наличие минимальных различий, не искажающих смысла. Единственное отличие связано с утверждением из шкалы чистоты, содержащим английское слово «chastity», наиболее точным переводом которого является книжное слово «целомудрие». Это слово вызывает вопросы у некоторых испытуемых, поэтому вместо него было использовано понятие «нравственная чистота».

Ввиду отсутствия надежных и валидных русскоязычных методик, измеряющих те же конструкты, что и MFQ, в ходе исследования валидности русскоязычной версии (MFQ-Ru) использовался комплекс методик, измеряющих особенности личности, связь которых с МО была ранее показана в зарубежных исследованиях, в частности, обобщенные ценности и негативные черты личности [4, 15 и др.].

Портретный ценностный опросник Ш. Шварца (PVQ-R2), основанный на его уточненной теории базовых индивидуальных ценностей, позволяет получить оценки значимости для 19-ти базовых ценностей, располагающихся в круговом континууме [22]. На основе 19-ти первичных ценностных шкал вычисляются 4 вторичных показателя, отражающих обобщенные ценности: самоутверждение, самопреодоление, открытость изменениям, сохранение. С учетом результатов, полученных авторами MFQ [4], можно ожидать, что ценности самопреодоления, включающие заботу об окружающих и о природе, должны показать прямую связь с МО «забота», в то время как ценности самоутверждения, включающие личные достижения, доминирование, обладание ресурсами, напротив, должны показывать обратную связь с МО «забота» и «справедливость». Ценности сохранения и открытости изменениям позволяют проверить вытекающее из теории моральных оснований предположение о связи спланированных МО с консерватизмом и прогрессивизмом.

Для оценки психопатии и близких к ней негативных черт личности, связанных с низким уровнем нравственности, использовался короткий опросник Темной триады, направленный на измерение макиавеллизма, психопатии и нарциссизма, в адаптации М.С. Егоровой с соавторами [23]. Данный опросник был выбран для анализа валидности в связи с тем, что он позволяет измерить негативные качества личности по определению связанные с «дефицитом» морали, причем данное предположение было доказано с помощью аналогичных методик в зарубежных исследованиях [15].

Поскольку моральные качества личности имеют большую социальную значимость, можно предполагать, что результаты испытуемых по методике MFQ-Ru будут подвержены влиянию установки на социально желательные ответы. Для проверки этого предположения использовался опросник

социальной желательности BIDR (Balanced Inventory of Desirable Responding) в адаптации Е. Н. Осина [24]. В структуру опросника входят шкалы самообмана-приукрашивания, управления впечатлениями, самообмана-отрицания.

Для сбора данных о социально-демографических характеристиках испытуемых использовалась анкета, включающая вопросы относительно пола, возраста, места жительства (город или село), материального положения семьи и религиозности. Для выяснения религиозности использовался вопрос из исследования «Глобальный индекс религиозности и атеизма» фонда «WIN/Gallup International»: «Вне зависимости от того, посещаете ли Вы места общественного богослужения или нет, Вы считаете себя а) религиозным человеком, б) нерелигиозным человеком, в) убежденным атеистом, г) затрудняюсь ответить» [25]. Для оценки степени религиозности задавался дополнительный вопрос: «Если Вы считаете себя религиозным человеком, укажите, пожалуйста, как часто в среднем Вы посещаете храм?». На основе ответов на эти два вопроса определялся уровень религиозности в порядковой шкале от 1 до 5: 1 – нерелигиозный или атеист; 2 – верующий, но храм не посещает; 3 – верующий, храм посещает редко (несколько раз в год или реже); 4 – верующий, храм посещает не реже раза в месяц; 5 – верующий, храм посещает не реже раза в неделю.

Для решения задач, связанных с анализом надежности и структуры опросника, использовалась *выборка* из 354 испытуемых, включающая в себя преимущественно студентов и преподавателей вузов городов Бийска и Перми. Возраст испытуемых лежал в пределах от 17 до 60 лет ($M = 24.34$; $SD = 7.74$), большинство испытуемых – женщины (71 %). Для анализа валидности методики часть этой выборки наряду с опросником МО заполняла указанные выше методики. Эта выборка валидации включала 223 человека в возрасте от 17 до 60 лет (средний возраст $M = 26.07$; $SD = 8.30$), доля женщин – 69 %, доля лиц, проживающих в городе – 77.6 %. Основная часть этой выборки (81 %) – студенты очного и заочного отделений АГГПУ и ПГНИУ, а также сотрудники этих вузов. По сокращенной батарее, включающей MFQ-Ru и PVQ-R2 вместе с анкетой о социально-демографических характеристиках, прошли обследование 25 (10 % выборки) прихожан религиозной организации Евангельских христиан церкви «Новое поколение» и 22 (9 %) клиента реабилитационного центра Межрегиональной общественной организации «Скажи жизни “Да”» (г. Бийск), проходящих лечение от наркотической и алкогольной зависимости.

Результаты

Проверка нормальности распределения данных показала умеренные отклонения от нормального: значения критерия Шапиро – Уилка лежат в пределах

от 0.976 до 0.991 ($p < 0.05$). Распределение большинства шкал характеризуется слабой отрицательной асимметрией, что говорит о большей частоте высоких оценок (таблица 1). Значения коэффициентов надежности (α Кронбаха) несколько ниже тех, о которых сообщают авторы методики, однако соответствуют величинам, полученным на европейских версиях методики [18, 19]. Для четырех из пяти шкал моральных оснований (кроме шкалы «уважение») значения альфа Кронбаха лежат в пределах 0.65–0.70, что соответствует «минимально приемлемому» уровню надежности [26, с. 85].

Теоретические положения, выводы из предшествующих исследований и результаты факторного анализа наших данных (см. далее) позволяют говорить о наличии двух надежных шкал второго уровня, объединяющих индивидуалистические МО (шкала «этика автономии») и спланивающие МО (шкала «этика сообщества»). Следовательно, предложенная версия позволяет получить весьма надежные оценки по шкалам второго уровня, а первичные шкалы могут использоваться в исследовательских целях с учетом их минимально допустимой или сомнительной (шкала «уважение») надежности.

Таблица 1. Описательная статистика, надежность и интеркорреляции шкал методики MFQ-Ru (N = 354)

Table 1. Descriptive statistics, reliability and intercorrelation of the MFQ-Ru scales (N = 354)

Шкалы и показатели Scales & scores	Забота Care	Справедливость Fairness	Лояльность Loyalty	Уважение Respect	Чистота Purity	Этика автономии Ethics of autonomy	Этика сообщества Ethics of community
Забота Care	–						
Справедливость Fairness	0.64***	–					
Лояльность Loyalty	0.33***	0.29***	–				
Уважение Respect	0.20***	0.15**	0.68***	–			

Шкалы и показатели <i>Scales & scores</i>	Забота <i>Care</i>	Справедливость <i>Fairness</i>	Лояльность <i>Loyalty</i>	Уважение <i>Respect</i>	Чистота <i>Purity</i>	Этика автономии <i>Ethics of autonomy</i>	Этика сообщества <i>Ethics of community</i>
Чистота <i>Purity</i>	0.48***	0.38***	0.49***	0.52***	–		
Этика автономии <i>Ethics of autonomy</i>	0.92***	0.89***	0.34***	0.19***	0.47***	–	
Этика сообщества <i>Ethics of community</i>	0.40***	0.33***	0.86***	0.87***	0.80***	0.40***	–
Надежность (а Кронбаха) <i>Reliability (Cronbach's alpha)</i>	0.66	0.66	0.66	0.62	0.68	0.79	0.84
Коэффициент асимметрии <i>Skewness</i>	–0.53	–0.31	–0.22	–0.04	–0.30	–0.42	0.05
Среднее значение <i>Mean score</i>	3.50	3.53	2.94	2.67	3.15	3.52	2.92
Станд. отклонение <i>Standard deviation</i>	0.76	0.67	0.76	0.74	0.78	0.65	0.64

Примечание. Уровень значимости корреляций: * – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$; *** – $p < 0.001$.

Note. Significance of correlations: * – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$; *** – $p < 0.001$.

Анализ структуры опросника с помощью конфирматорного факторного анализа не проводился, поскольку в оригинальной версии факторные модели, как правило, показывают не вполне удовлетворительное соответствие данным [4, 18, 19, 20]. Для сравнения факторной структуры русскоязычной и оригинальной версий был выполнен эксплораторный факторный анализ методом главных факторов с вращением «varimax» с помощью пакета *psych* в программе R, результаты которого представлены в таблице 2. Далее средствами этого пакета полученное решение сравнивалось с факторной структурой оригинальной версии методики [4] с помощью коэффициента конгруэнтности Такера [27]. Величина коэффициента конгруэнтности для первого фактора (сплачивающих МО) составила 0.90, для второго фактора (индивидуализирующих МО): 0.86. Эти значения позволяют сделать вывод об удовлетворительном воспроизведении факторной структуры в русскоязычной версии.

Таблица 2. Результаты эксплораторного факторного анализа заданий MFQ-Ru (N = 354)

Table 2. Exploratory factor analysis of MFQ-Ru items (N = 354)

№	Текст утверждения <i>Statement text</i>	Шкала <i>Scale</i>	Факторные нагрузки <i>Factor loads</i>	
			Фактор 1 <i>Factor 1</i>	Фактор 2 <i>Factor 2</i>
			Фактор 1 <i>Factor 1</i>	Фактор 2 <i>Factor 2</i>
Часть 1				
1	Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания	Забота	-0.01 (0.01)	0.49 (0.59)
7	Была ли проявлена забота о слабых и беззащитных		0.15 (0.09)	0.53 (0.65)
12	Была ли проявлена жестокость		-0.09 (0.07)	0.76 (0.59)
8	Был ли этот поступок несправедливым	Справедливость	-0.12 (0.01)	0.70 (0.56)
2	Отнеслись ли при этом к кому-нибудь необъективно		-0.13 (0.11)	0.48 (0.59)
13	Были ли ущемлены чьи-либо права		-0.11 (0.18)	0.72 (0.47)

14	Было ли проявлено отсутствие преданности своей группе	Лояльность	0.39 (0.52)	0.36 (0.19)
9	Предал ли кто-то свой коллектив		0.23 (0.48)	0.46 (0.17)
3	Проявилась ли в этом поступке любовь к своей стране		0.55 (0.67)	0.16 (0.02)
10	Соблюдались ли обычаи и традиции	Уважение	0.51 (0.61)	0.15 (0)
4	Было ли продемонстрировано неуважение к власти		0.57 (0.69)	0.06 (0.05)
15	Привел ли этот поступок к хаосу или беспорядку		0.11 (0.40)	0.47 (0.20)
11	Было ли в этом поступке что-то отвратительное	Чистота	0.10 (0.57)	0.59 (0.21)
5	Нарушались ли при этом нормы морали и приличия		0.17 (0.70)	0.55 (0.10)
16	Был ли этот поступок богоугодным		0.52 (0.64)	0.05 (0.02)
Часть 2				
23	Один из худших поступков – обидеть беззащитное животное	Забота	0.11 (0.01)	0.36 (0.39)
28	Нельзя найти оправдание убийству человека		0.22 (0.07)	0.22 (0.35)
17	Сострадание – самая важная добродетель		0.33 (0.01)	0.34 (0.63)
24	Справедливость – основное, что необходимо для общества	Справедливость	0.21 (0.09)	0.43 (0.27)
18	В законах важнее всего – гарантия, что с каждым будут поступать справедливо		0.23 (0.14)	0.37 (0.48)
29	Я думаю, неправильно, что богатые дети наследуют много денег, в то время как бедные не наследуют ничего		0.21 (0.22)	0.22 (0.38)

30	Быть частью команды важнее самовыражения	Лояльность	0.49 (0.45)	-0.06 (0.03)
19	Я горжусь историей своей страны		0.52 (0.49)	0.16 (0.18)
25	Люди должны быть преданы своим близким, даже если те совершили что-то плохое		0.42 (0.34)	0.06 (0.04)
26	Мужчины и женщины играют разные роли в обществе	Уважение	0.40 (0.47)	-0.08 (0.24)
31	Если бы я был солдатом и не согласился с приказами моего командира, я бы все равно им подчинился, потому что это мой долг		0.49 (0.48)	0.03 (0.20)
20	Уважение к власти и к авторитету – это то, чему должны учиться все дети		0.61 (0.64)	-0.06 (0.05)
21	Люди не должны совершать отвратительные поступки, даже если они никому не приносят вреда	Чистота	0.40 (0.66)	0.32 (0.03)
27	Я бы назвал некоторые поступки неправильными, потому что они противостественны		0.50 (0.66)	0.04 (0.07)
32	Нравственная чистота – важная и ценная добродетель		0.49 (0.67)	0.27 (0.08)

Примечание: в скобках для сравнения приведены нагрузки по данным Дж. Грэхема и др. (2011 г.), порядок утверждений как в упомянутой статье. Предназначенные для оценки достоверности ответов задания №№ 6 и 22 в факторном анализе не учитывались и в таблице не приводятся. Нагрузки, равные или превышающие 0.40, выделены жирным шрифтом.

Моральные качества имеют большое значение в межличностных отношениях и выступают важным критерием социальной оценки личности. В этой связи можно предположить, что результаты по методике MFQ-Ru подвержены влиянию установки на социально желательные ответы. Это предположение подтверждается результатами корреляционного анализа шкал социальной желательности и МО (таблица 3).

Таблица 3. Корреляции моральных оснований со шкалами социальной желательности, обобщенными ценностями и чертами темной триады

Table 3. Correlations between moral foundations and the scales of social desirability, generalized values, and the dark triad traits

	Шкалы MFQ-Ru						
	MFQ-Ru Scales						
	Забота <i>Care</i>	Справедливость <i>Fairness</i>	Лояльность <i>Loyalty</i>	Уважение <i>Respect</i>	Чистота <i>Purity</i>	Этика автономии <i>Ethics of autonomy</i>	Этика сообщества <i>Ethics of community</i>
Шкалы социальной желательности (N = 202)							
Social desirability scales (N = 202)							
Шкала самообмана-приукрашивания <i>Self-Deceptive Enhancement</i>	0.05	0.04	0.20**	0.25**	0.20**	0.05	0.27**
Шкала управления впечатлениями <i>Impression Management</i>	0.15	0.11	0.14	0.22**	0.20*	0.14	0.23**

	Шкалы MFQ-Ru						
	MFQ-Ru Scales						
	Забота <i>Care</i>	Справедливость <i>Fairness</i>	Лояльность <i>Loyalty</i>	Уважение <i>Respect</i>	Чистота <i>Purity</i>	Этика автономии <i>Ethics of autonomy</i>	Этика сообщества <i>Ethics of community</i>
Шкала самообмана-отрицания <i>Self-Deceptive Denial</i>	0.06	-0.04	0.18*	0.21**	0.12	0.02	0.21**
Обобщенные ценности (N = 222)							
Generalized values (N = 222)							
Самопреодоление <i>Self-Transcendence</i>	0.31***	0.21**	0.11	0.02	0.05	0.29***	0.07
Самоутверждение <i>Self-Enhancement</i>	-0.34***	-0.23***	-0.24***	-0.17*	-0.20**	-0.32***	-0.24***
Открытость изменениям <i>Openness to change</i>	-0.16*	0.03	-0.19**	-0.17**	-0.23***	-0.08	-0.24***

	Шкалы MFQ-Ru						
	MFQ-Ru Scales						
	Забота <i>Care</i>	Справедливость <i>Fairness</i>	Лояльность <i>Loyalty</i>	Уважение <i>Respect</i>	Чистота <i>Purity</i>	Этика автономии <i>Ethics of autonomy</i>	Этика сообщества <i>Ethics of community</i>
Сохранение <i>Conservation</i>	0.19**	0.04	0.28***	0.27***	0.30***	0.14*	0.34***
Черты темной триады (N = 176)							
Dark triad traits (N = 176)							
Макиавеллизм <i>Machiavellianism</i>	-0.16*	-0.03	-0.01	0.05	-0.07	-0.11	-0.01
Нарциссизм <i>Narcissism</i>	-0.05	0.02	-0.11	-0.07	-0.06	-0.02	-0.10
Психопатия <i>Psychopathy</i>	-0.24**	-0.15*	0.04	-0.03	-0.21**	-0.22**	-0.08

Индивидуализирующие МО заботы и справедливости оказались свободными от влияния социальной желательности. Однако умеренную подверженность тенденции к социальной желательности продемонстрировали шкалы сплывающих МО («лояльность», «уважение», «чистота»). Наибольшую связь с МО показала шкала самообмана-приукрашивания, что, по-видимому, свидетельствует о слабой осознанности давления социальной оценки.

Поскольку большинство применявшихся методик показали значимые корреляции с тенденцией к социальной желательности, для анализа связей между ними использовались коэффициенты частной корреляции, позволяющие устранить обусловленную этой тенденцией общую дисперсию [28].

Ценности самопреодоления показали прямые связи с заботой и справедливостью, в то время как противоположные им эгоистические ценности самоутверждения показали обратные связи со всеми МО (таблица 3). Связанный со сплывающими МО консерватизм проявился в прямых связях с ценностью сохранения, а открытость изменениям, напротив, показала с ними обратные связи. Аналогичные и вполне ожидаемые корреляции продемонстрировали также шкалы второго уровня: «этика автономии» и «этика сообщества».

Результаты корреляционного анализа подтвердили предположение о связи черт темной триады с МО (таблица 3). Для лиц с высокими показателями по шкале психопатии меньшую значимость имеют запреты на причинение вреда, они менее склонны сопереживать другим людям и проявлять заботу. Кроме того, они менее склонны соблюдать запреты на осквернение священных объектов и совершение поступков, вызывающих отвращение. Слабую обратную связь со шкалой заботы показала также шкала макиавеллизма, отражая присущее манипуляторам пренебрежительное отношение к потребностям и благополучию другого человека.

Анализ с помощью критерия Манна – Уитни показал, что различия в материальном положении, а также место проживания (город или село) не связаны с МО. Для сравнения МО в группах с различным уровнем религиозности использовался непараметрический критерий Джонкхиера – Терпстры, который позволяет выявить тенденции в изменении признака при сопоставлении трех и более упорядоченных выборок. На основе двух вопросов в анкете было выделено пять групп с различным уровнем религиозности. Результаты анализа с помощью критерия Джонкхиера – Терпстры, представленные в таблице 4, свидетельствуют о том, что рост уровня религиозности показывает статистически значимую связь со всеми МО, кроме заботы, а также со шкалой этики сообщества. Приведенные на рисунке 1 усредненные профили МО у лиц с разным уровнем религиозности наглядно демонстрируют тот факт, что для лиц с высокой религиозностью характерна примерно равная значимость как индивидуализирующих, так и сплывающих МО, в то время

как у лиц с низкой религиозностью спланивающие МО оцениваются существенно ниже, чем индивидуализирующие.

Таблица 4. Результаты сравнения моральных оснований в группах с разным уровнем религиозности (N = 282)

Table 4. Comparison of moral foundations in groups with different levels of religiosity (N = 282)

<i>Шкалы</i> <i>Scales</i>	<i>Статистика Джонкхиера – Терпстры</i> <i>Jonckheere– Terpstra statistic</i>	<i>Станд. отклон. статистики Джонкхиера – Терпстры</i> <i>Jonckheere– Terpstra statistic (standard deviation)</i>	<i>Стандартная статистика Джонкхиера – Терпстры</i> <i>Jonckheere– Terpstra standard statistic</i>	<i>p-уровень</i> <i>p-level</i>
Забота Care	14214	753.8	–0.49	незначим not significant
Справед- ливость Fairness	12983	753.4	–2.13	< 0.05
Лояльность Loyalty	17148	754.1	3.40	< 0.01
Уважение Respect	18478.5	753.7	5.17	< 0.001
Чистота Purity	18403	754.2	5.06	< 0.001
Этика автономии Ethics of autonomy	13454	755.4	–1.50	незначим not significant
Этика сооб- щества Ethics of community	18720.5	755.7	5.47	< 0.001

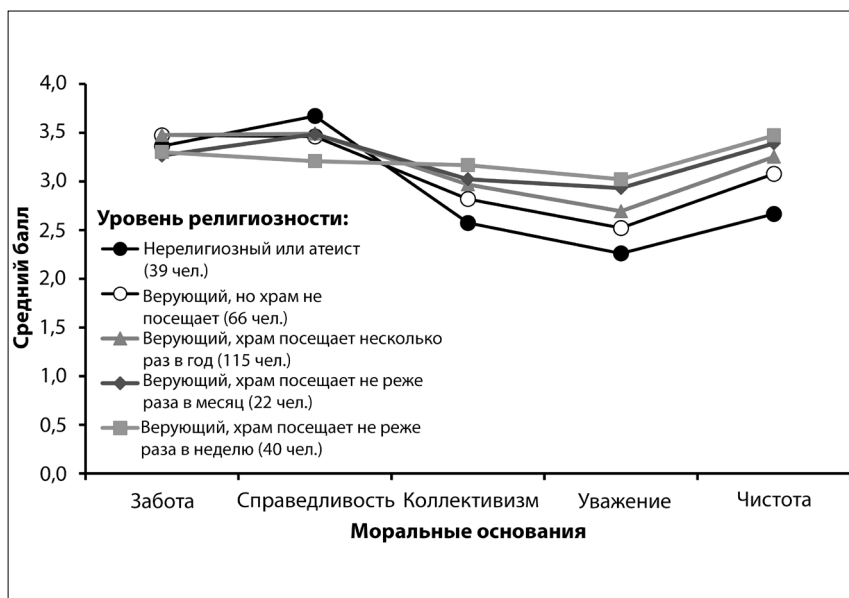

Рисунок 1. Профили моральных оснований у лиц с различным уровнем религиозности

Figure 1. Profiles of moral foundations in persons with different levels of religiosity

Корреляционный анализ показал, что люди старшего возраста выше оценивают сплывающие МО. Коэффициент корреляции возраста со шкалой уважения составил 0.24 ($p < 0.001$), со шкалой чистоты 0.26 ($p < 0.001$), с этикой сообщества 0.24 ($p < 0.001$), при этом корреляция со шкалой справедливости была обратной, хотя и слабой ($r = -0.13$; $p < 0.05$). Однако связь МО с возрастом в значительной мере обусловлена религиозностью, которая в нашей выборке выше у лиц старшего возраста. При контроле религиозности путем вычисления частных корреляций была обнаружена статистически значимая связь возраста только со шкалой чистоты ($r = 0.13$; $p < 0.05$). Существенные гендерные различия (d -Коэна > 0.40) были выявлены по МО заботы, уважения и индивидуализирующим моральным основаниям (таблица 5).

Для мужчин более характерным является консервативный профиль МО, когда оценка заботы и справедливости практически не отличается от оценки лояльности, уважения и чистоты. В усредненном профиле женщин оценка заботы и справедливости несколько выше, чем оценка лояльности и уважения.

Таблица 5. Гендерные различия по шкалам опросника моральных оснований**Table 5.** Gender differences for the MFQ scales

Шкалы MFQ-Ru MFQ-Ru scales	Среднее значение Mean score		Стд. откло- нение Standard deviation		U-крите- рий Манна – Уитни Mann- Whitney U test	Z	p-уровень p-level	Размер эффекта (d-Козэна) Cohen's d effect size
	Ж	М	Ж	М				
	F	M	F	M				
Забота Care	3.50	3.11	0.71	0.89	3729.5	3.12	< 0.01	0.51
Справед- ливость Fairness	3.48	3.34	0.61	0.75	4549	1.24	незначим not significant	0.22
Лояль- ность Loyalty	2.90	3.10	0.70	0.91	4242	-1.94	незначим not significant	0.26
Уважение Respect	2.62	2.92	0.72	0.77	3960.5	-2.59	< 0.01	0.41
Чистота Purity	3.20	3.23	0.79	0.72	5025.5	-0.14	незначим not significant	0.04
Этика автоно- мии Ethics of autonomy	3.49	3.23	0.60	0.75	3949.5	2.61	< 0.01	0.41
Этика сооб- щества Ethics of commu- nity	2.91	3.08	0.63	0.67	4412	-1.55	незначим not significant	0.27

Примечание: Ж – женщины, М – мужчины.

Note: F – female, M – male.

Обсуждение результатов

Результаты апробации MFQ-Ru показывают, что шкалы МО характеризуются проблематичной внутренней согласованностью, сопоставимой

по величине с другими европейскими версиями методики [18, 19]. Весьма умеренная (хотя и несколько большая) надежность характерна также и для англоязычной версии, комментируя которую авторы MFQ отмечают: «хотя коэффициенты альфа не столь высоки, как для многих других шкал, они указывают на приемлемую (*reasonable*) внутреннюю согласованность с учетом того, что нашей целью было измерение широкого спектра моральных оценок с помощью небольшого числа пунктов в двух различных форматах» [см. 4, с. 371].

Обнаруженные прямые связи между шкалами индивидуализирующих и сплывающих МО (не свойственные оригинальной версии опросника), по-видимому, стали причиной менее четкой факторной структуры опросника. Принимая во внимание аналогичные трудности в подтверждении факторной структуры опросника в исследованиях с другими европейскими версиями методики [см., например, 18, 19], можно предположить высокую культурную специфичность англоязычного текста методики, который нельзя рассматривать как универсальный, независимый от влияния культуры.

Хотя нам не удалось обнаружить других исследований связи МО с тенденцией к социальной желательности, вывод о наличии такой связи не является неожиданным. Обнаруженное давление социальной желательности на ответы испытуемых только в отношении сплывающих МО может быть следствием коллективистских традиций в российском обществе.

Нами были получены предсказуемые, хорошо соответствующие теории и результатам зарубежных исследований связи с ценностями, свойствами темной триады, религиозностью, полом. Выявлены ожидаемые связи МО с ценностями самопреодоления и самоутверждения. Вывод о связи МО со свойствами темной триады полностью соответствует зарубежным данным [15], подтверждая присущий склонным к психопатии и макиавеллизму лицам «дефицит» морали. Связь МО с религиозностью также соответствует данным зарубежных исследований [29] и предсказаниям теории [30].

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют, с одной стороны, о потенциале теории моральных оснований, проявляющемся в предсказуемых связях шкал опросника MFQ-Ru с другими психологическими и социально-демографическими признаками. С другой стороны, полученные результаты говорят о существенных психометрических проблемах, возникающих при попытке использовать опросник MFQ в версии, максимально приближенной по содержанию к оригиналу, что может быть следствием высокой культурной специфичности англоязычного текста методики. Решением этих проблем может стать разработка оригинального русскоязычного опросника моральных оснований.

Выводы:

1. Предложенная версия MFQ-Ru характеризуется проблематичной надежностью шкал моральных оснований и высокой надежностью шкал второго уровня («этики автономии» и «этики сообщества»). Хотя факторная структура методики показывает удовлетворительное соответствие структуре оригинальной англоязычной версии, в целом она слабо соответствует теоретически предсказанному разделению заданий на шкалы «этики автономии» и «этики сообщества».

2. В пользу валидности шкал методики свидетельствуют связи оценок по шкалам первого и второго уровня с ценностями, чертами темной триады, религиозностью и полом, соответствующие зарубежным данным и положениям теории.

3. Выявленные недостатки опросника заставляют сделать вывод о необходимости разработки оригинального русскоязычного опросника моральных оснований.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

Acknowledgments

This work received funding from the Russian Foundation for Basic Research for studying Value and Moral Foundations for Social World View Among Youths (project no. 18-013-00119).

Литература

1. *Graham J., Haidt J., Nosek B. A.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96 (5). P. 1029–1046. DOI: [10.1037/a0015141](https://doi.org/10.1037/a0015141)
2. *Haidt J., Bjorklund F.* Social intuitionists answer six questions about moral psychology // *Moral psychology*. Vol. 2: The cognitive science of morality: Intuition and diversity / W. Sinnott-Armstrong (Ed.). Cambridge, MA, US: MIT Press, 2008a. P. 181–217.
3. *Greene J., Haidt J.* How (and where) does moral judgment work? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2002. Vol. 6, Issue 12. P. 517–523. DOI: [10.1016/S1364-6613\(02\)02011-9](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(02)02011-9)
4. *Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H.* Mapping the moral domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101 (2). P. 366–385. DOI: [10.1037/a0021847](https://doi.org/10.1037/a0021847)
5. *Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S. P., Ditto P. H.* Chapter Two – Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism //

- Advances in Experimental Social Psychology. 2013. Vol. 47. P. 55–130. DOI: [10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4)
6. Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46, Issue 2. P. 184–194. DOI: [10.1016/j.jrp.2012.01.006](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.01.006)
 7. Боулби Д. Привязанность. М: Гардарики, 2003. 447 с.
 8. де Вааль Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.
 9. Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism // The Quarterly Review of Biology. 1971. Vol. 46, № 1. P. 35–57.
 10. Козлова М. А., Козлов А. И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 60–70.
 11. Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 85–96. DOI: [10.17759/chp.2016120109](https://doi.org/10.17759/chp.2016120109)
 12. Shweder R. A., Much N. C., Mahapatra M., Park L. The “big three” of morality (autonomy, community, divinity) and the “big three” explanations of suffering // Morality and health / A. M. Brandt & P. Rozin (Eds.). New York, NY: Routledge, 1997. P. 119–169.
 13. Buchanan P. J. 1992 Republican National Convention Speech // Patrick J. Buchanan – Official Website. URL: <http://buchanan.org/blog/1992-republican-national-convention-speech-148> (Accessed 03.04.2018).
 14. Hunter J. D. Culture wars: The struggle to define America. New York: Basic Books, 1991. 432 p.
 15. Jonason P. K., Strosser G. L., Kroll C. H., Duineveld J. J., Baruffi S. A. Valuing myself over others: The Dark Triad traits and moral and social values // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 81. P. 102–106. DOI: [10.1016/j.paid.2014.10.045](https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.10.045)
 16. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 99. P. 106–112. DOI: [10.1016/j.paid.2016.04.080](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.080)
 17. Kertzer J. D., Powers K. E., Rathbun B. C., Iyer R. Moral Support: How Moral Values Shape Foreign Policy Attitudes // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76, № 3. P. 825–840. DOI: [10.1017/S0022381614000073](https://doi.org/10.1017/S0022381614000073)
 18. Jockel S., Dogruel L., Arendt K., Stahl H., Bowman N. German translation of the Moral Foundations Questionnaire – some preliminary results. URL:

- <http://onmediatheory.blogspot.de/2010/07/german-translation-of-moral-foundations.html> (Accessed 02.02.2018).
19. Nilsson A., Erlandsson A. The Moral Foundations taxonomy: Structural validity and relation to political ideology in Sweden // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 76. P. 28–32. DOI: [10.1016/j.paid.2014.11.049](https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.11.049)
 20. Yilmaz O., Harma M., Bahçekapili H. G., Cesur S. Validation of the Moral Foundations Questionnaire in Turkey and its relation to cultural schemas of individualism and collectivism // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 99. P. 149–154. DOI: [10.1016/j.paid.2016.04.090](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.090)
 21. Questionnaires // [moralfoundations.org](http://moralfoundations.org/questionnaires). URL: <http://moralfoundations.org/questionnaires> (Accessed 05.07.2018).
 22. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
 23. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 22.03.2016).
 24. Осин Е. Н. Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала // *Личностный потенциал: структура и диагностика*. М.: Смысл, 2011. С. 454–468.
 25. Global Index of Religiosity and Atheism. Press Release. URL: <https://docslide.us/documents/global-index-of-religiosity-and-atheism.html> (Accessed 15.08.2018).
 26. DeVellis R. F. *Scale Development: Theory and Applications*. Newbury Park, CA: Sage Publ., 1991. 121 p.
 27. Lorenzo-Seva U., ten Berge J. M. Tucker's Congruence Coefficient as a Meaningful Index of Factor Similarity // *Methodology*. 2006. Vol. 2, Issue 2. P. 57–64. DOI: [10.1027/1614-2241.2.2.57](https://doi.org/10.1027/1614-2241.2.2.57)
 28. Гласс Д., Стэнли Д. *Статистические методы в педагогике и психологии*. М.: Прогресс, 1976. 496 с.
 29. Johnson K. A., Hook J. N., Davis D. E., Van Tongeren D. R., Sandage S. J., Crabtree S. A. Moral foundation priorities reflect U.S. Christians' individual differences in religiosity // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 100. P. 56–61. DOI: [10.1016/j.paid.2015.12.037](https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.037)
 30. Graham J., Haidt J. Beyond Beliefs: Religions Bind Individuals Into Moral Communities // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14, Issue 1. P. 140–150. DOI: [10.1177/1088868309353415](https://doi.org/10.1177/1088868309353415)

References

1. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, V. 96 (5), pp. 1029–1046. DOI: [10.1037/a0015141](https://doi.org/10.1037/a0015141)
2. Haidt J., Bjorklund F. Social intuitionists answer six questions about moral psychology. In: W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral psychology. Vol. 2: The cognitive science of morality: Intuition and diversity*. Cambridge, MA, US, MIT Press, 2008, pp. 181–217.
3. Greene J., Haidt J. How (and where) does moral judgment work? *Trends in Cognitive Sciences*, 2002, V. 6, Issue 12, pp. 517–523. DOI: [10.1016/S1364-6613\(02\)02011-9](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(02)02011-9)
4. Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. Mapping the moral domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, V. 101 (2), pp. 366–385. DOI: [10.1037/a0021847](https://doi.org/10.1037/a0021847)
5. Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S. P., Ditto P. H. Chapter two – moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2013, V. 47, pp. 55–130. DOI: [10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4)
6. Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012, V. 46, Issue 2, pp. 184–194. DOI: [10.1016/j.jrp.2012.01.006](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.01.006)
7. Bowlby J. *Attachment*. New York, Basic books (Russ. ed.: Boulbi D. *Privyazanost'*. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 447 p.).
8. de Waal F. *The bonobo and the atheist: In search of humanism among the primates*. WW Norton & Company, 2013 (Russ. ed.: de Vaal' F. *Istoki morali: v poiskakh chelovecheskogo u primatov*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 376 p.).
9. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism. *The Quarterly Review of Biology*, 1971, V. 46, no. 1, pp. 35–57.
10. Kozlova M. A., Kozlov A. I. Origins of morality focused on individuals and groups: Socio-psychological and natural scientific aspects. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, V. 37, no. 3, pp. 60–70 (in Russian).
11. Sychev O. A., Bespalov A. M., Prudnikova M. M., Vlasov M. S. Characteristics of moral foundations in Mongolian, German, and Russian adolescents. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-historical psychology*, 2016, V. 12, no. 1, pp. 85–96 (in Russian). DOI: [10.17759/chp.2016120109](https://doi.org/10.17759/chp.2016120109)
12. Shweder R. A., Much N. C., Mahapatra M., Park L. The “big three” of morality (autonomy, community, divinity) and the “big three” explanations of suffering. In: A. M. Brandt & P. Rozin (eds.) *Morality and health*. New York, NY, Routledge, 1997, pp. 119–169.

13. Buchanan P. J. 1992 *Republican national convention speech*. (Online) Patrick J. Buchanan – Official Website. Available at: <http://buchanan.org/blog/1992-republican-national-convention-speech-148> (Accessed 03 April 2018).
14. Hunter J. D. *Culture wars: The struggle to define America*. New York: Basic Books, 1991. 432 p.
15. Jonason P. K., Strosser G. L., Kroll C. H., Duineveld J. J., Baruffi S. A. Valuing myself over others: The Dark Triad traits and moral and social values. *Personality and Individual Differences*, 2015, V. 81, pp. 102–106. DOI: [10.1016/j.paid.2014.10.045](https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.10.045)
16. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation. *Personality and Individual Differences*, 2016, V. 99, pp. 106–112. DOI: [10.1016/j.paid.2016.04.080](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.080)
17. Kertzer J. D., Powers K. E., Rathbun B. C., Iyer R. Moral support: How moral values shape foreign policy attitudes. *The Journal of Politics*, 2014, V. 76, no. 3, pp. 825–840. DOI: [10.1017/S0022381614000073](https://doi.org/10.1017/S0022381614000073)
18. Jockel S., Dogruel L., Arendt K., Stahl H., Bowman N. *German translation of the Moral Foundations Questionnaire – some preliminary results*. Available at: <http://onmediatheory.blogspot.de/2010/07/german-translation-of-moral-foundations.html> (Accessed 02 February 2018).
19. Nilsson A., Erlandsson A. The Moral Foundations taxonomy: Structural validity and relation to political ideology in Sweden. *Personality and Individual Differences*, 2015, V. 76, pp. 28–32. DOI: [10.1016/j.paid.2014.11.049](https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.11.049)
20. Yilmaz O., Harma M., Bahçekapili H. G., Cesur S. Validation of the Moral Foundations Questionnaire in Turkey and its relation to cultural schemas of individualism and collectivism. *Personality and Individual Differences*, 2016, V. 99, pp. 149–154. DOI: [10.1016/j.paid.2016.04.090](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.090)
21. *Questionnaires*. (Online) moralfoundations.org. Available at: <http://moral-foundations.org/questionnaires> (Accessed 05 July 2018).
22. Shvarts Sh., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. A refined theory for basic individual values: Application in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki – Psychology: Journal of Higher School of Economics*, 2012, V. 9, no. 1, pp. 43–70 (in Russian).
23. Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. Modification of the Short Dark Triad questionnaire. *Psychological Studies*, 2015, V. 8, no. 43, p. 1 (in Russian). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (Accessed 22 March 2016).
24. Osin E. N. The problem of social desirability in studying personal potential. In: *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 454–468.

25. *Global index of religiosity and atheism. Press Release.* (Online) Available at: <https://docslide.us/documents/global-index-of-religiosity-and-atheism.html> (Accessed 15 August 2018).
26. DeVellis R. F. *Scale development: Theory and applications.* Newbury Park, CA, Sage Publ., 1991. 121 p.
27. Lorenzo-Seva U., ten Berge J. M. Tucker's congruence coefficient as a meaningful index of factor similarity. *Methodology*, 2006, V. 2, Issue 2, pp. 57–64. DOI: [10.1027/1614-2241.2.2.57](https://doi.org/10.1027/1614-2241.2.2.57)
28. Glass G. V. & Stanley J. C. *Statistical methods in education & psychology.* Englewood Cliffs, N.J., Prentice-Hal, 1970 (Russ. ed.: Glass D., Stenli D. *Statisticheskie metody v pedagogike i psikhologii.* Moscow, Progress Publ., 1976. 496 p.).
29. Johnson K. A., Hook J. N., Davis D. E., Van Tongeren D. R., Sandage S. J., Crabtree S. A. Moral foundation priorities reflect U.S. Christians' individual differences in religiosity. *Personality and Individual Differences*, 2016, V. 100, pp. 56–61. DOI: [10.1016/j.paid.2015.12.037](https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.037)
30. Graham J., Haidt J. Beyond beliefs: Religions bind individuals into moral communities. *Personality and Social Psychology Review*, 2010, V. 14, Issue 1, pp. 140–150. DOI: [10.1177/1088868309353415](https://doi.org/10.1177/1088868309353415)

УДК 159.96

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.6)

Особенности межличностных отношений с отцом у девушек, страдающих любовной аддикцией

Надежда А. Цветкова^{1,2*}, Анна И. Рыбакова¹

¹ Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

² ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу особенностей межличностных отношений с отцами девушек 16–19 лет, страдающих любовной аддикцией. Представлен обзор публикаций по проблеме и обуславливающим ее факторам, главным из которых указывается роль отца. Эмпирические данные получены в процессе психологического консультирования девушек – любовных аддиктов. Научная новизна состоит в конкретизации характера межличностных отношений дочерей, страдающих любовной аддикцией, с отцами и в выводах относительно профилактики этой зависимости у новых поколений россиянок.

Методы. Использовались: психологическое тестирование (тест любовной аддикции А.Ю. Егорова; тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда; методика «ПОР» Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной; методика «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера и О.В. Черемисина; методика оценки отношений дочери с отцом; методика самооценки «Я в отношениях с мужчинами в глазах других людей»); математико-статистическая обработка данных (осуществлена с помощью пакета SPSS Statistics 22: корреляционный анализ данных выполнен по методу Спирмена, сравнительный – по критерию Манна – Уитни).

Результаты. Представлены результаты сравнительного анализа особенностей межличностных отношений с отцами девушек – любовных аддиктов и девушек, не имеющих признаков патологической любви. Приведены результаты корреляционного анализа данных, показывающие, что с возрастом у девушек, не страдающих любовной аддикцией, межличностная зависимость снижается, тогда как у девушек – любовных аддиктов она усиливается.

Обсуждение результатов. Проинтерпретированы отношения девушек – любовных аддиктов с отцами. Показано, что они часто характеризуются директивностью отца, его непоследовательностью и враждебностью, но позитивным интересом дочери к нему; физически отсутствующий, безучастный или неадекватный в своем участии отец (директивный, непоследовательный, враждебный) является фактором формирования любовной аддикции у дочери. Предлагается смещение акцента

с коррекции любовной аддикции на ее социально-психологическую профилактику у новых поколений россиян.

Ключевые слова

дочери, отцы, характер отношений, отцовская депривация, любовная аддикция, непоследовательность отца, директивность отца, враждебность отца, отстраненность отца, психологическая помощь

Основные положения

- ▶ девушки – любовные аддикты чаще всего воспитываются в неполных семьях и часто лишены возможности полноценно общаться с родными отцами;
- ▶ девушки – любовные аддикты невысоко оценивают вовлеченность родного отца в их жизнь и качество отношений с ним;
- ▶ межличностные отношения девушек – любовных аддиктов с отцами характеризуются со стороны дочерей позитивным интересом, а со стороны отцов (если они участвуют в воспитании дочери) – директивностью, непоследовательностью и враждебностью;
- ▶ фактором формирования любовной аддикции у дочери является отсутствующее, безучастное или неадекватное (непоследовательное, директивное, враждебное) в своем участии отцовство.

Для цитирования

Цветкова Н. А., Рыбакова А. И. Особенности межличностных отношений с отцом у девушек, страдающих любовной аддикцией // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 116–142. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.6

Материалы статьи получены 08.01.2018

UDC 159.96

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.6)

Characteristics of Interpersonal Relationships Between Girls Suffering From Love Addiction and Their Fathers

Nadezhda A. Tsvetkova^{1,2*}, Anna I. Rybakova¹

¹ Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

² Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Abstract

Introduction. The paper (a) examines the characteristics of interpersonal relationships between 16–19-year-old girls suffering from love addiction and their fathers and (b) provides an overview of previous studies on the issue. In the latter, the father's role is recognized to be among its major contributing factors. Empirical data were collected during psychological counseling of young female love addicts. The present study focuses on the nature of interpersonal relationships between daughters suffering from love addiction and their fathers and discusses preventive measures against such dependency in new generations of Russian females.

Methods. These were (a) the Love Addiction Test by A. Yu. Egorova; (b) the Interpersonal Dependency Inventory by R. Hirschfeld; (c) the Teenagers About Parents technique by L. I. Wasserman, I. A. Gor'kova, and E. E. Romitsyna; (d) the Family Sociograms by E. G. Eidemiller and O. V. Cheremisin; (e) the technique for assessing father-daughter relationships; (f) the My Relations with Men in the Eyes of Others self-assessment technique. Statistical procedures for data processing included Spearman's correlation and Mann–Whitney U test.

Results. The study presents the results of comparative analysis of father-daughter relationships in two study groups – young female love addicts and those having no signs of pathological love. The findings suggest that with age interpersonal dependency decreases in girls not suffering from love addiction and increases in young female love addicts.

Discussion. The study seeks to describe, understand, and interpret interpersonal relationships between young female love addicts and their fathers. These are often characterized by fathers' directivity, inconsistency, and hostility, but at the same time by daughters' positive interest in their fathers. A physically absent, indifferent or inadequate in his care father (i. e., directive, inconsistent, and hostile) is a factor inducing formation of a daughter's love addiction. The authors suggest shifting emphasis from the correction of love addiction to its socio-psychological prevention in new generations of Russian females.

Keywords

daughters, fathers, characteristics of relationships, paternal deprivation, love addiction, father's inconsistency, father's directivity, father's hostility, father's estrangement, psychological help

Highlights

- ▶ Young female love addicts are most often brought up in single-parent families and are often deprived of the opportunity to fully communicate with their fathers.
- ▶ Young female love addicts report a low level of their biological fathers' involvement in their lives and the low-quality relationships with their fathers.

- ▶ Interpersonal relationships between young female love addicts and their fathers are characterized by daughters' positive interest and fathers' directivity, inconsistency, and hostility (if they are involved in the upbringing of their daughters).
- ▶ Absent, indifferent or inadequate fathering (i. e., directive, inconsistent, and hostile) is a factor inducing formation of a daughter's love addiction.

For citation

Tsvetkova N. A., Rybakova A. I. Characteristics of Interpersonal Relationships Between Girls Suffering From Love Addiction and Their Fathers. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 116–142 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.6

Original manuscript received 08.01.2018

Введение

В научной литературе любовная аддикция (патологическая любовь) описывается как отношения, характеризующиеся сильной страстью, плохо контролируемым поведением, а также навязчивой эмоциональной фиксацией на другом человеке, ненасытной потребностью в любви, непомерными требованиями к партнеру, патологической ревностью. Любовные аддикты опекают и контролируют своих партнеров, фокусируют всю свою энергию на них и их проблемах, при этом отрицают наличие каких-либо проблем у себя; как правило, они имеют низкую самооценку, подавляют собственные чувства, ищут счастье вне самих себя, склонны проявлять пассивную агрессию, постоянно чувствуют гнев, страх, стыд; у них слабые личностные границы; они не доверяют ни себе, ни другим людям; они обвиняют, угрожают, заставляют, умоляют, подкупают, манипулируют, советуют [1, 2, 3, 4, 5, 6].

По некоторым обобщенным данным зарубежных исследований, приведенным А. Ю. Егоровым в 2015 г., доля любовных аддиктов в молодежной среде составляет около четверти популяции [по 1]. Немногочисленные публикации позволяют предполагать, что в формировании любовной аддикции у дочери большую роль играют ее отношения с отцом: они показывают пример межполовых контактов и взаимодействия, влияют на характер общения дочери с мужчинами и будущими партнерами по длительным любовным взаимоотношениям и браку. Теплые и приносящие удовлетворение отношения с отцом развивают в дочери женственность и уверенность в себе, способствуют более легкой гетеросексуальной адаптации. Кроме того, отец может влиять и на результат разрешения ею экзистенциальной дилеммы: семья или карьера? Недостаточное проявление отцовской любви вызывает у дочери тревогу, нестабильность настроения и капризы [2, 7, 8, 9, 10, 11].

В случае отсутствия отца или его отчужденности от дочери возникает отцовская (патернальная) депривация. Она приводит к тому, что девочка начинает считать себя нелюбимой, «не заслуживающей любви» и в итоге, став взрослой, оказывается не способной переживать подлинную близость с мужчиной и от этого испытывает разочарование и боль [8, 11, 12, 13, 14, 15].

Однако диапазон современного российского отцовства достаточно широк: его полюса простираются от отчуждения (полной отстраненности от дочери) до симбиоза (безграничного слияния в межличностных отношениях с ней). Хотя в поле зрения исследователей попала и другая крайность современного отцовства – симбиоз, «когда слишком много любви» [3, 16], тем не менее, исследователи гораздо чаще отмечают дефицит общения и взаимодействия отца и дочери даже в полных российских семьях (по причине постоянной занятости или нежелания общаться отец не уделяет ей должного внимания и формально выполняет свою отцовскую роль) [7, 12, 14 и др.].

В обзорной статье А. Ю. Егорова приводятся современные данные о клинических проявлениях, диагностике, эпидемиологии, психологическом профиле, гендерных особенностях любовной аддикции («патологической любви»). Вслед за И. Н. Хмаруком он также отмечает важность изучения этой проблемы по той причине, что она приводит к неблагоприятным для человека последствиям – вызывает быструю десоциализацию личности, увеличивает интенсивность проявления аутодеструктивных и аутоагрессивных тенденций в поведении, способствует повышению уровня суицидального риска, способствует виктимизации личности [1].

К настоящему времени достаточно полно раскрыты следующие аспекты этой проблемы: 1) сущность, характерные признаки и виды любовной аддикции [1, 2, 6, 27, 30 и др.]; 2) социально-психологическая обусловленность формирования любовной аддикции [2, 4, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 и др.]; 3) коррекция и профилактика любовной аддикции [3, 5, 7, 8, 21, 25, 26, 27, 28, 29 и др.]; в этом направлении продолжается поиск эффективных методов работы с «любовными аддиктами». Однако он «сдерживается отсутствием единого понимания природы, психопатологии и клинической динамики этого расстройства» [30, с. 17]. Например, А. Лорена с коллегами в случаях «патологической любви» практикуют аналитически ориентированную психодраму, нацеленную на достижение инсайтов, повышающих самооценку любовных аддиктов и продвигающих их по пути установления здоровых межличностных отношений с партнерами [1, с. 80; 6]. Наиболее известными в России зарубежными подходами в оказании психологической помощи клиентам, страдающим любовной аддикцией, являются: а) 10-шаговая программа Р. Норвуд (она предлагает схему «падения» при любовной аддикции и «возрождения» при исцелении от нее [8]); б) алгоритм работы

для исцеления от любовной зависимости М. Битти [26]; в) эволюционный подход (расширенный 12-шаговый процесс) Б. Уайнхолда и Д. Уайнхолд к выздоровлению от созависимости [5] и др. Отечественные практические психологи для этих целей применяют психологический тренинг и группы поддержки (В.Д. Москаленко, А.В. Пилипенко, И.А. Соловьева и др.).

К настоящему времени в зарубежной и отечественной научной литературе раскрыта роль отца в воспитании детей [7, 10, 11, 13, 14, 31 и др.]; выделены типы отцовской любви, выявлены признаки и факторы формирования патеральной депривации, в т. ч. патеральной депривации дочери [7, 10, 11, 12, 13, 14, 22, 32 и др.]; изучена взаимосвязь детско-родительских взаимоотношений с выбором брачного партнера [17, 21, 23, 33 и др.]; выделены факторы деструктивной привязанности взрослой женщины к партнеру-мужчине, среди которых патеральная депривация, а также раскрыты некоторые условия совладания с нею [5, 7, 8, 21, 26, 29, 30, 32, 34, 35 и др.]. В целях коррекции отцовской депривации предпочтение отдается методам транзакционного анализа (М. Руфлер; В. Каппони и Т. Новак и др.), которые позволяют клиентам стать для себя самих Родителем, Ребенком и Взрослым и таким образом отказаться от поиска зависимых отношений в любви.

Любовная аддикция в связи с отцовской депривацией впервые анализируется в статье Е.П. Шалаевой [9] на выборке из 76 девушек в возрасте от 15 лет до 31 года. С ее точки зрения, коррекция любовной аддикции будет более эффективной, если социально-психологическая работа с девушками, в первую очередь, будет направлена на коррекцию признаков любовной аддикции – низкой самооценки, нарушенных личностных границ, запрета на выражение негативных чувств, а также на прощение и принятие отца таким, какой он есть.

Цель нашего исследования – анализ характера межличностных отношений с отцом у девушек, страдающих любовной аддикцией, и поиск связи между особенностями отцовства и любовной аддикцией у дочерей для последующей разработки стратегии психологической помощи.

Методы

Исследование проводилось в г. Москве. Выборку составили 103 девушки 16–19 лет, поделенные на две группы: I (экспериментальная) группа – девушки, страдающие любовной аддикцией (24 студентки 1–2 курсов Российского государственного социального университета и 29 девушек, в 2015–2017 гг. обращавшихся в консультацию за психологической помощью с жалобами на сильную душевную боль и трудности самоконтроля (со слов девушек, они много вкладывали в эти отношения, но слишком мало получали взамен или получили то, чего никак не желали получить, но до сих пор не могут

забыть своих «обидчиков»)); II (контрольная) группа – 50 девушек-клиенток психолога, обращавшихся за помощью с другими типами психологических проблем и не имеющих любовной зависимости (она определялась по тесту любовной аддикции А.Ю. Егорова).

Таблица 1. Общая характеристика экспериментальной и контрольной групп

Table 1. General characteristics of experimental and control groups

Показатели Characteristics	Экспериментальная группа (53 чел.) Experimental group (n = 53)	Контрольная группа (50 чел.) Control group (n = 50)
Особенности семейного воспитания Characteristics of family upbringing	чел./% subjects/%	чел./% subjects/%
Полная семья Intact family	25 (47,2%)	34 (68%)
Полная семья до подросткового возраста Intact family until adolescence	4 (7,5%)	3 (6%)
Воспитывались матерью Brought up by mothers	10 (18,9%)	10 (20%)
Воспитывались отцом Brought up by fathers	2 (3,8%)	0
Воспитывались матерью и отчимом Brought up by mothers and stepfathers	6 (11,3%)	0
Другие варианты Other variants	6 (11,3%)	0

Опыт общения с мужчинами (среднее значение по группе, число случаев) Experience of relationships with men (mean score for the group, number of cases)	2,3	2,0
Длительность любовных отношений (среднее значение, в месяцах) Duration of love relationships (mean score, months)	18,4	9,7
Продолжительность страданий после разрыва отношений (среднее значение) Duration of suffering after a relationship breakup (mean score)	2,1	0,8
	чел./% subjects/%	чел./% subjects/%
В течение 1 месяца For a month	5 (9,4%)	41 (82%)
В течение нескольких месяцев For several months	38 (71,7%)	9 (18%)
Больше 1 года Over a year	10 (18,9%)	0

Причины разрыва отношений Reasons for a relationship breakup	чел./% subjects/%	чел./% subjects/%
«Трудности общения, непонимание» "Communication difficulties, misunderstanding"	4 (7,5%)	7 (14%)
«Частые ссоры, неуважение ко мне, грубость» "Frequent quarrels, disrespect, and roughness"	5 (9,4%)	0
«Употреблял алкоголь и наркотики» "Used alcohol and drugs"	2 (3,8%)	0
«Измена, предательство, ложь» "Treason, betrayal, and lie"	10 (18,9%)	0
«Подросли и поняли, что мы не пара» "We grew up and realized that we had never been a couple"	1 (1,9%)	0
«Он использовал меня» "He used me"	2 (3,8%)	0
«Поняли, что мы разные» "We understood that we were different"	7 (13,2%)	0
«Затрудняюсь ответить» "It is difficult to answer"	22 (41,5%)	23 (46%)

«Он – бабник» "He's a womanizer"	0	6 (12%)
«Моя мама не одобряла наши отношения» "My mother didn't approve of our relationships"	0	3 (6%)
«Расстояние (мы жили в разных городах)» "Distance (we lived in different cities)"	0	2 (4%)
«Рядом с ним я чувствовала неудобство» "I felt uncomfortable around him"	0	2 (4%)
«Он не знал, чего хочет» "He didn't know what he wanted"	0	2 (4%)
«Прошла симпатия» "Sympathy has gone"	0	2 (4%)
«У нас оказались разные интересы и цели в жизни» "We had different interests and goals in life"	0	1 (2%)
«Он не дарил никаких подарков» "He didn't give me any presents"	0	1 (2%)
«Мы мало общались наедине» "We didn't talk much alone"	0	1 (2%)

В ходе исследования использовались следующие *методы и методики*:

1. *Методы социально-психологической диагностики*:

1) тест на выявление любовной аддикции А. Ю. Егорова [36];

2) тест на межличностную зависимость (любовную, от партнера, в детско-родительских отношениях) Р. Гиршфильда в адаптации О. П. Макушиной, имеющий 3 шкалы: а) эмоциональная опора на других; б) неуверенность в себе; в) стремление к автономии [37];

3) методика «Подростки о родителях» (ПоР) Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной, включающая пять шкал (позитивный интерес, директивность, враждебность, автономность, непоследовательность), по которым составлялось представление об образе отца в глазах дочери [38];

4) методика «Семейная социограмма» Э. Г. Эйдемиллера и О. В. Черемисина, позволяющая выявить характер межличностных отношений дочери и отца в семейной системе [39];

5) методика самооценки «Я в отношениях с мужчинами в глазах других людей», дающая возможность изучить оценку дочери себя со стороны и своей успешности в отношениях с мужчинами. Она состоит из одного вопроса (Если бы Вы смотрели на себя со стороны глазами других людей, то какое из высказываний могло бы относиться к Вам?) с 6-ю вариантами ответа (0 – «Здесь нет такой фразы, которая обо мне»; 1 – «Она хорошая девочка, но ей не везет в любви»; 2 – «Она плохая девочка, но ее любит хороший парень»; 3 – «Она плохая девочка, но парни за ней табуном ходят»; 4 – «Она хорошая девочка и пользуется повышенным вниманием парней»; 5 – «Она хорошая девочка и дружит с таким же хорошим парнем»);

6) методика оценки отношений дочери с родным отцом и его вовлеченности в воспитание (применялась 10-балльная шкала – от 10 (отец всегда живо и с интересом реагировал на то, что происходило с дочерью) до 1 (отец практически не участвовал в воспитании дочери)).

2. *Методы математико-статистической обработки данных* с использованием пакета SPSS Statistics 22 (проверка достоверности различий между группами проведена по критерию Манна – Уитни, корреляционный анализ данных выполнен по методу Спирмена).

Результаты

С помощью теста выявления любовной аддикции А. Ю. Егорова установлено, что девушки экспериментальной группы (далее – ЭГ-53 чел.) различны по уровням любовной аддикции: высокий уровень имели 6 девушек (11,3%), средний – 47 чел. (88,7%); девушек с низким уровнем любовной аддикции не обнаружено. У девушек контрольной группы (далее – КГ-50 чел.) какие-либо признаки любовной аддикции данный тест не выявил. Проверка

достоверности различий по критерию Манна – Уитни показала, что по признаку любовной аддикции ЭГ и КГ достоверно различаются ($U = 0,0$ при $p = 0,000$).

Результаты, полученные по тесту межличностной зависимости Р. Гиршфильда, сведены в таблицу 2 и представлены на рисунке 1.

Таблица 2. Показатели межличностной любовной зависимости у девушек экспериментальной и контрольной групп

Table 2. Interpersonal love addiction in girls from experimental and control groups

Показатели межличностной любовной зависимости <i>Indices of interpersonal love addiction</i>	ЭГ-53 чел. <i>EG (n = 53)</i>	КГ-50 чел. <i>CG (n = 50)</i>
	Средние значения <i>Mean scores</i>	
Эмоциональная опора на других <i>Emotional reliance on others</i>	47,3	36,9
Неуверенность в себе <i>Self-doubt</i>	34,5	34,7
Стремление к автономии <i>Desire for autonomy</i>	30,1	28,6
Общий уровень зависимости <i>Overall level of addiction</i>	51,7	42,9

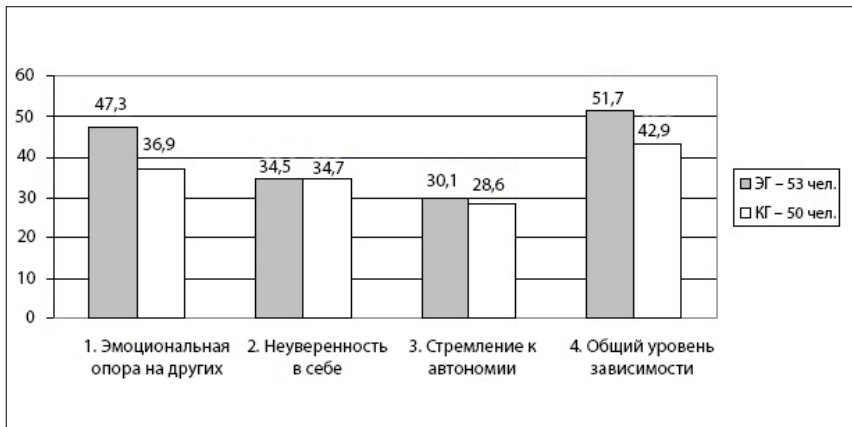
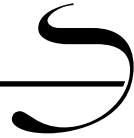

Рисунок 1. Показатели межличностной любовной зависимости у девушек экспериментальной и контрольной групп

Figure 1. Interpersonal love addiction in girls from experimental and control groups

Результаты, полученные по методике «Подростки о родителях» (ПоР) Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной, представлены ниже в таблице 3 и на рисунке 2.

Таблица 3. Показатели образа отца в глазах дочери

Table 3. Indices of a father's image in his daughter's eyes

<i>Показатели образа отца в глазах дочери</i> <i>Indices of a father's image in his daughter's eyes</i>	<i>ЭГ-53 чел.</i> <i>EG (n = 53)</i>	<i>КГ-50 чел.</i> <i>CG (n = 50)</i>
	Средние значения Mean scores	
Позитивный интерес к отцу Positive interest in a father	2,6	2,6
Директивность отца Father's directivity	2,8	1,8

Показатели образа отца в глазах дочери <i>Indices of a father's image in his daughter's eyes</i>	ЭГ-53 чел. EG (n = 53)	КГ-50 чел. CG (n = 50)
	Средние значения Mean scores	
Враждебность отца Father's hostility	2,5	2,0
Автономность отца Father's isolation	2,9	3,0
Непоследовательность отца Father's inconsistency	3,0	2,4

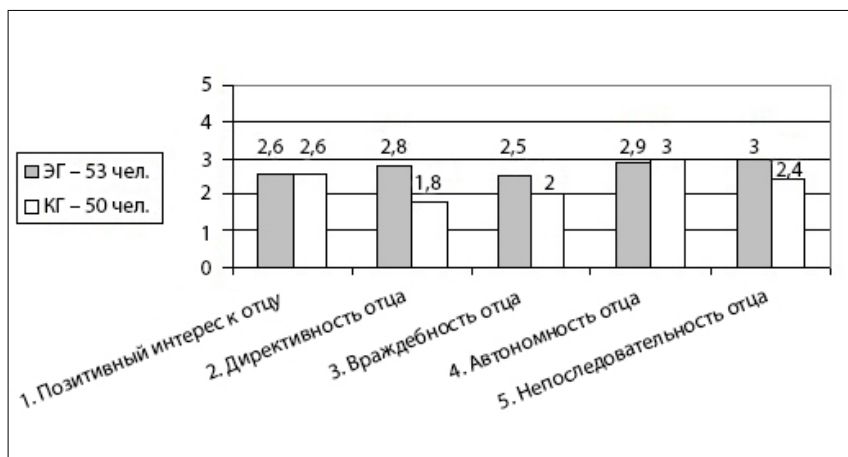

Рисунок 2. Показатели образа отца у девушек экспериментальной и контрольной групп

Figure 2. Indices of a father's image among girls from experimental and control groups

Результаты, полученные по методике «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера и О.В. Черемисина, представлены ниже в таблице 4.

Таблица 4. Характер межличностных отношений дочери с отцом у девушек экспериментальной и контрольной групп

Table 4. Interpersonal relationships between girls from experimental and control groups and their fathers

Показатели характера межличностных отношений дочери с отцом <i>Interpersonal relationships between daughters and their fathers</i>	ЭГ-53 чел. EG (n = 53)	КГ-50 чел. CG (n = 50)
	чел./% subjects/%	
Отец – эмоционально близкий член семьи Father is an emotionally close family member	6 (11,3%)	4 (8%)
Дистанцированные отношения с отцом Distanced relations with a father	47 (88,7%)	46 (92%)
Отношения с отцом непосредственные Immediate relations with a father	17 (32%)	17 (34%)
Отношения с отцом опосредованные Mediated relations with a father	18 (34%)	14 (28%)
Дочь не представила себя в кругу семьи A daughter did not introduce herself to a family	18 (34%)	19 (38%)

Результаты, полученные по методике самооценки «Я в отношениях с мужчинами в глазах других людей», представлены ниже в таблице 5.

Таблица 5. Оценка своего положения девушками обеих групп в отношении с мужчинами глазами других людей

Table 5. Girls' assessment of their position in relationships with men in others' eyes

Оценка своего положения девушками в отношениях с мужчинами глазами других людей <i>Girls' assessment of their position in relationships with men in others' eyes</i>	ЭГ-53 чел. EG (n = 53)	КГ-50 чел. CG (n = 50)
	чел./% subjects/%	
0 – «Здесь нет такой фразы, которая обо мне» 0 – "There is no phrase about me"	10 (18,9%)	27 (54%)
1 – «Она хорошая девочка, но ей не везет в любви» 1 – "She's a good girl but she's unlucky in love"	15 (28,3%)	6 (12%)
2 – «Она плохая девочка, но ее любит хороший парень» 2 – "She's a bad girl but she's loved by a good guy"	4 (7,5%)	0
3 – «Она плохая девочка, но парни за ней табуном ходят» 3 – "She's a bad girl but there are a lot of guys around her"	2 (3,8%)	0
4 – «Она хорошая девочка и пользуется повышенным вниманием парней» 4 – "She's a good girl and enjoys the attention of guys"	6 (11,3%)	2 (4%)
5 – «Она хорошая девочка и дружит с таким же хорошим парнем» 5 – "She is a good girl and her guy is good as well"	16 (30,2%)	15 (30%)

Результаты, полученные с помощью методики оценки отношений дочери с родным отцом и его вовлеченности в воспитание по 10-балльной шкале, представлены ниже в таблице 6.

Таблица 6. Оценка дочерью своих отношений с родным отцом и его вовлеченности в воспитание

Table 6. Daughters' assessment of their relationships with their fathers and their involvement in upbringing

Показатели (средние значения) Characteristics (mean scores)	ЭГ-53 чел. EG (n = 53)	КГ-50 чел. CG (n = 50)
Оценка дочерью вовлеченности отца в ее воспитание A daughter's assessment of her father's involvement in her upbringing	5,3	6,9
Оценка дочерью отношений с отцом A daughter's assessment of relationships with her father	5,5	7,2

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты показывают следующее:

1) девушки с любовной аддикцией чаще воспитывались в неполных семьях, чем девушки, не имевшие любовной зависимости (различия достоверны, $U = 965,0$ при $p = 0,008$);

2) девушки с любовной зависимостью имели больше опыта любовного общения с мужчинами (это касается числа партнеров и длительности отношений), чем их сверстницы, не имевшие любовной зависимости (различия достоверны; для показателя числа партнеров $U = 1026,0$ при $p = 0,030$; для показателя длительности отношений $U = 855,0$ при $p = 0,002$);

3) девушки – любовные аддикты более продолжительно страдали после разрыва отношений с партнером, чем их сверстницы, не имевшие любовной зависимости (что закономерно; различия достоверны $U = 280,5$ при $p = 0,000$);

4) причины разрыва любовных отношений, указанные девушками с любовной зависимостью и без нее, различны: у первых они преимущественно свидетельствуют о «плохом» обращении с ними их партнеров, у вторых – о неоправданных парнями ожиданиях девушек («бабник»; «не знал, чего хочет») и вмешательстве внешних факторов («мать», «расстояние»);

5) девушки обеих групп значительно различались по показателям межличностной любовной зависимости: у девушек – любовных аддиктов

значительно выше уровень эмоциональной опоры на других (различия достоверны; $U = 240,0$ при $p = 0,000$), хотя при этом они несколько превосходят группу девушек без любовной зависимости по стремлению к автономии; в целом общий уровень межличностной любовной зависимости у девушек с любовной аддикцией достоверно выше, чем у их сверстниц, не имеющих любовной аддикции (различия достоверны; $U = 658,0$ при $p = 0,000$);

6) образ отца в глазах дочерей, страдающих любовной аддикцией, менее позитивен, чем в глазах их сверстниц, не имеющих любовной зависимости, по показателям директивности, враждебности и непоследовательности отца (различия достоверны, $U = 885,5$ при $p = 0,003$);

7) оценка своего положения девушками в отношениях с мужчинами глазами других людей свидетельствует о том, что в группе девушек с любовной аддикцией гораздо больше тех, которые «хорошие девочки, но им не везет в любви», а также тех, кто, будучи хорошими, пользуется повышенным вниманием парней (различия достоверны; $U = 983,0$ при $p = 0,018$);

8) оценки дочерью вовлеченности отцов в их воспитание и качества межличностных отношений с ними у девушек – любовных аддиктов достоверно ниже, чем у девушек, не имеющих любовной зависимости.

Корреляционный анализ данных показал следующие взаимосвязи показателей:

1) чем благополучнее (традиционной) состав семьи девушек обеих групп, тем отчетливей они ощущают позитивный интерес к отцу;

2) чем позитивнее отношения дочери с отцом в обеих группах, тем выше вовлеченность отца в воспитание дочери; но вместе с тем: чем выше вовлеченность отца, тем более выражена непоследовательность применяемых им воспитательных мер (эта закономерность отчасти отражает проблему современного отцовства – родительскую некомпетентность);

3) показатель враждебности отца у девушек – любовных аддиктов согласуется с показателями неуверенности в себе ($r = 0,368$, при $p = 0,007$) и стремлением к автономии ($r = 0,366$, при $p = 0,007$). То есть чем враждебнее отец, тем в большей степени дочь не уверена в себе, но при этом она сильнее стремится к автономии;

4) чем более выражена неуверенность девушки в себе, тем более отдаленные от семейного круга лица признаются ею наиболее эмоционально близкими (ЭГ: $r = -0,355$, при $p = 0,009$; КГ: $r = -0,288$, при $p = 0,042$); особенно это выражено у девушек – любовных аддиктов;

5) чем более директивным стилем воспитания запомнился отец, тем более выражена потребность в эмоциональной опоре на других у девушек обеих групп (ЭГ: $r = 0,434$, при $p = 0,001$; КГ: $r = 0,463$, при $p = 0,001$);

6) девушки обеих групп с высокими показателями межличностной зависимости и эмоциональной опоры на других дольше находятся в любовных отношениях с партнерами. В то же время длительность страданий после разрыва отношений у девушек обеих групп сильно согласуется с выраженностью любовной аддикции (ЭГ: $r = 0,918$, при $p = 0,000$; КГ: $r = 0,478$, при $p = 0,000$). Иначе говоря, чем выше показатель любовной аддикции, тем дольше продолжают страдания после расставания с партнером, что закономерно;

7) опыт общения с мужчинами у девушек – любовных аддиктов тесно прямо согласуется с непоследовательностью отца ($r = 0,539$, при $p = 0,000$), его директивностью ($r = 0,812$, при $p = 0,000$), позитивным интересом дочери к отцу ($r = 0,389$, при $p = 0,004$) и ее неуверенностью в себе ($r = 0,457$, при $p = 0,001$). Иначе говоря, чем больше опыта общения с мужчинами у девушек с любовной аддикцией, тем больше было непоследовательности в применяемых отцом мерах воспитания, тем выше его директивность в отношениях с дочерью и тем выше неуверенность девушки в себе;

8) показатель длительности отношений с мужчинами у девушек – любовных аддиктов прямо коррелирует с переменными длительности страданий после расставания ($r = 0,768$, при $p = 0,000$) и с выраженностью любовной аддикции ($r = 0,429$, при $p = 0,001$), и отрицательно – с позитивным интересом к отцу ($r = -0,377$, при $p = 0,005$). Следовательно, чем дольше длились отношения с партнерами, тем больше страданий после расставания испытывает девушка, тем сформированней у нее любовная аддикция, и тем меньше позитивного интереса со стороны отца она ощущала. В контрольной группе девушек длительность отношений с партнером тесно прямо коррелирует с враждебностью отца ($r = 0,422$, при $p = 0,002$) – чем враждебнее отношения отца к дочери, тем продолжительнее девушка поддерживает мучительные любовные отношения с партнером (вероятно, эти девушки привыкли терпеть боль от общения с отцом и поэтому дольше выдерживают ее в общении с любимыми);

9) показатель любовной аддикции отражает тесные корреляции только по данным экспериментальной группы. А именно: прямо – со шкалами зависимости ($r = 0,776$, при $p = 0,000$) и эмоциональной опоры на других ($r = 0,860$, при $p = 0,000$), и обратно – со шкалами позитивного интереса ($r = -0,814$, при $p = 0,000$) и неуверенности в себе ($r = -0,406$, при $p = 0,003$). Это означает, что чем сильнее у девушек межличностная зависимость в целом и потребность в эмоциональной опоре на другого в частности, тем слабее позитивный интерес отца к дочери и тем слабее ее уверенность в себе, но выше уровень любовной аддикции;

10) если показатель межличностной зависимости у девушек – любовных аддиктов (экспериментальная группа) тесно отрицательно согласуется с позитивным интересом отца ($r = -0,731$, при $p = 0,000$), то у девушек контрольной

группы он тесно прямо коррелирует с его директивностью ($r = 0,543$, при $p = 0,000$) и враждебностью ($r = 0,496$, при $p = 0,000$). Иначе говоря, в группе девушек с любовной аддикцией межличностная зависимость выше у тех из них, которые меньше ощущали позитивный интерес к отцу (почти у половины из них кровные отцы лишь эпизодически участвовали или вовсе не принимали участия в воспитании дочери), а в контрольной группе девушек межличностная зависимость оказалась выше у тех, чьи отцы проявляли директивность и враждебность, участвуя в воспитании дочери;

11) для обеих групп характерна согласованность возраста и межличностной зависимости. Но по экспериментальной группе эта зависимость положительная ($r = 0,730$, при $p = 0,000$), а по контрольной – отрицательная ($r = -0,284$, при $p = 0,046$). Иными словами, чем старше девушка, не страдающая любовной аддикцией, тем меньше ее межличностная зависимость. В то же время у девушек – любовных аддиктов с возрастом межличностная зависимость нарастает.

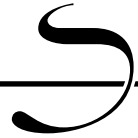
Таким образом, можно сделать *выводы* о том, что обследованным нами девушкам с любовной аддикцией, по сравнению с девушками, не имеющими ее, свойственны следующие характерные особенности:

- а) достоверно более высокий уровень эмоциональной опоры на других;
- б) достоверно более высокий уровень стремления к автономии;
- в) они достоверно реже воспитываются в традиционных полных семьях;
- г) они более длительное время поддерживают мучительные любовные отношения и дольше страдают после расставания с партнерами.

Что касается участия родного отца в воспитании девушек – любовных аддиктов, по сравнению с отцами девушек, не имеющих любовной аддикции, то девушки с любовной аддикцией:

- а) достоверно чаще лишены возможности полноценного общения с родными отцами;
- б) вовлеченность родного отца в процесс воспитания оценивают достоверно ниже, чем девушки без любовной аддикции;
- в) достоверно ниже, чем девушки без любовной аддикции, оценивают качество отношений с родным отцом.

Отношения девушек – любовных аддиктов с собственными отцами достоверно чаще характеризуются директивностью отца, его непоследовательностью и враждебностью по сравнению с девушками, не страдающими любовной аддикцией. При этом у девушек обеих групп позитивный интерес к отцу выражен в равной степени. Но если учесть, что из ЭГ в полной семье воспитывались лишь 25 девушек (47,2 %), тогда как из КГ – 34 девушки (68 %), то вывод о заметной роли отца («физически отсутствующего», «безучастного» или «неадекватного в своем участии») в формировании любовной аддикции дочери представляется вполне обоснованным.

В заключение, как практические социальные психологи, отметим, что любовь – самое сильное чувство, и для многих девушек – очень страстное и мучительное. Науке известно, что психология человеческой любви и психология химической зависимости имеют много общего как процессы, имеющие начало (первый опыт), динамику и исход [4, 8, 36]. Мы попытались охарактеризовать особенности и понять причину любовных страданий девушек в возрасте от 16 до 19 лет и усмотрели их в характере отношений дочерей – любовных аддиктов с родными отцами. Из полученных нами результатов следует, что психологическая коррекция любовной аддикции девушек на основе названных выше программ является симптоматическим подходом в работе с этим расстройством. Если задаться целью внедрения в практику социально-психологического обслуживания населения профилактических моделей любовной аддикции девушек, то для этого необходимо усилить психологическое просвещение населения, в частности, в системе школьного образования организовать Школы для отцов, в системе социальной защиты населения – «Папины Университеты» для отцов, имеющих дочерей; шире использовать СМИ; индивидуальную работу со случаями любовной аддикции несовершеннолетних девушек сочетать с семейным консультированием и семейной психотерапией. На наш взгляд, акцент на профилактике любовной аддикции у новых поколений российских женщин перспективнее разработок новых, даже более эффективных, чем уже имеющиеся, моделей ее коррекции.

Литература

1. *Егоров А. Ю.* Любовные аддикции // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, № 2. С. 64–81.
2. *Ивахнова И. Д.* Любовная аддикция как социально-психологический феномен // Практика заботы в современном обществе: Материалы Всерос. научно-практической конференции. Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 104–107.
3. *Москаленко В. Д.* Когда любви слишком много: Профилактика любовной зависимости. М.: Психотерапия, 2006. 224 с.
4. *Пил С., Бродски А.* Любовь и зависимость. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005. 384 с.
5. *Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж.* Освобождение от созависимости. М.: Независимая фирма «Класс», 2002. 224 с.
6. *Sophia E. C., Tavares H., Berti M. P., Pereira A. P., Lorena A., Mello C., Gorenstein C., Zilberman M. L.* Pathological Love: Impulsivity, Personality, and Romantic Relationship // CNS Spectrums. 2009. Vol. 14, Issue 5. P. 268–274. DOI: [10.1017/S1092852900025438](https://doi.org/10.1017/S1092852900025438)

7. *Каст В.* Отцы – дочери, матери – сыновья. Путь от отцовского и материнского комплексов к собственной личностной идентичности. М.: Дипак, 2016. 184 с.
8. *Норвуд Р.* Женщины, которые любят слишком сильно. М.: Добрая книга, 2013. 352 с.
9. *Шалаева Е. П.* Исследование любовной аддикции дочерей в связи с отцовской депривацией // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–10. С. 131–135.
10. *Etchegoyen A., Trowell J.* The importance of fathers. A Psychoanalytic Re-evaluation. New York: Taylor and Francis, 2002. 272 p.
11. *Suh G. W., Fabricius W. V., Stevenson M. M., et al.* Effects of the interparental relationship on adolescents' emotional security and adjustment: The important role of fathers // *Developmental Psychology*. 2016. Vol. 52 (10). P. 1666–1678. DOI: [10.1037/dev0000204](https://doi.org/10.1037/dev0000204)
12. *Милюкова Е. В.* Формирование психологических компонентов родительской любви: дисс. ... канд. психол. наук. Курган, 2005. 191 с.
13. *Овчарова Р. В., Токарева Ю. А.* Отцовство как ценность и сфера самореализации личности // Психологические проблемы современной семьи: материалы IV Международной научной конференции / под ред. Е. И. Захаровой, О. А. Карабановой. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 484–488.
14. *Севастьянова У. Ю.* Психолого-акмеологические факторы развития продуктивного отцовского отношения: дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2015. 180 с.
15. *Fisher H. E., Brown L. L., Aron A., Strong G., Mashek D.* Reward, Addiction, and Emotion Regulation Systems Associated With Rejection in Love // *Journal of Neurophysiology*. 2010. Vol. 104, Issue 1. P. 51–60. DOI: [10.1152/jn.00784.2009](https://doi.org/10.1152/jn.00784.2009)
16. *Асеева А. Д.* Социально-психологические аспекты зависимого поведения в межличностных отношениях в юношеском возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. Курск, 2014. 210 с.
17. *Богатырева О. В., Мусихина А. Л., Панфилов П. В.* Образ желаемого партнера и отношений в представлении эмоционально зависимых девушек // Актуальные проблемы психологической безопасности человека в современном обществе. 2010. № 1. С. 32–42.
18. *Смирнов А. В.* Базовые психологические компоненты аддиктивного поведения в структуре интегральной индивидуальности: дисс. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2015. 489 с.
19. *Шапаренко Е. Ю., Фальковский Г. В.* Рефлексы любви и счастья. М.: АСТ, 2016. 192 с.
20. *Фромм Э.* Искусство любить. М.: АСТ, 2014. 221 с.

21. Черникова Н. В. Психология и психотерапия химической и эмоциональной зависимости. М.: Изд-во МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012. 129 с.
22. Юнг К. Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1997. 336 с.
23. de Looze M., Constantine N. A., Jerman P., Vermeulen-Smit E., ter Bogt T. Parent-Adolescent Sexual Communication and Its Association With Adolescent Sexual Behaviors: A Nationally Representative Analysis in the Netherlands // *The Journal of Sex Research*. 2015. Vol. 52, Issue 3. P. 257–268. DOI: [10.1080/00224499.2013.858307](https://doi.org/10.1080/00224499.2013.858307)
24. Luo Y., Xiang Z., Zhang H., Wang Z. Protective factors for depressive symptoms in adolescents: Interpersonal relationships and perceived social support // *Psychology in the Schools*. 2017. Vol. 54, Issue 8. P. 808–820. DOI: [10.1002/pits.22033](https://doi.org/10.1002/pits.22033)
25. Smith A., Pedersen E. J., Forster D. E., McCullough M. E., Lieberman D. Cooperation: The roles of interpersonal value and gratitude // *Evolution and Human Behavior*. 2017. Vol. 38, Issue 6. P. 695–703. DOI: [10.1016/j.evolhumbehav.2017.08.003](https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2017.08.003)
26. Бумти М. Спасать или спастись? Как избавиться от желания постоянно опекать других и начать думать о себе. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
27. Лазаренко Д. В. Психолого-педагогическая профилактика склонности к аддиктивному поведению студентов вуза: дисс. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2016. 201 с.
28. Цветкова Н. А., Четверик М. А. Об актуальности формирования представлений девушек 16–17 лет о самосохранительном поведении // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: Материалы XIII Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГИПСП, 2015. С. 192–195.
29. Mityaeva A. M., Fomina S. N., Tsvetkova N. A., Rybakova A. I., Gedulyanova N. S., Khovanskaya E. A. Psychological counseling strategies for women regarding their level of fulfillment of need for personal development // *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 2017. Vol. 7, S-APRLSPCL. P. 3263–3283.
30. Менделевич В. Д., Зобин М. Н. Аддиктивное влечение. М.: МЕДпресс-информ, 2012. 264 с.
31. Langley C. Father Knows Best: Paternal Presence and Sexual Debut in African-American Adolescents Living in Poverty // *Family Process*. 2016. Vol. 55, Issue 1. P. 155–170. DOI: [10.1111/famp.12125](https://doi.org/10.1111/famp.12125)
32. Sadikaj G., Moskowitz D. S., Zuroff D. C. Intrapersonal variability in interpersonal perception in romantic relationships: Biases and accuracy // *Journal of Research in Personality*. 2017. Vol. 69. P. 67–77. DOI: [10.1016/j.jrp.2016.06.011](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.06.011)
33. Плотников С. Г., Галимбиевская Ю. Д., Фастова В. А. Взаимосвязь детско-родительских отношений с выбором брачного партнера // Наука XXI века: теория, практика и перспективы: материалы Между-

- народной научно-практической конференции. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2015. С. 285–287.
34. Григорова Т. П. Деструктивная привязанность к партнеру во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2015. 166 с.
35. Латыпов Н. Н. Метафизика любви + страсть глазами нейробиолога. М.: АСТ, 2015. 206 с.
36. Егоров А. Ю. Нехимические зависимости: монография. СПб.: Речь, 2007. 190 с.
37. Макушина О. П. Опросник межличностной зависимости. Р. Гиршфильд. Адаптация О. П. Макушиной // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. С. 600.
38. Вассерман Л. И., Горькова И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: ФАРМиндекс, 2001. 68 с.
39. Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 360 с.

References

1. Egorov A. Yu. Love addictions. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii – The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology*, 2015, V. 11, no. 2, pp. 64–81 (in Russian).
2. Ivakhnova I. D. Lyubovnaya addiksiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Love addiction as a socio-psychological phenomenon]. *Praktika zaboty v sovremennom obshchestve: Materialy Vseros. nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. the All-Russian Theoretical and Practical Conference "Practice of care in modern society"]. Saratov, Saratovskii istochnik, 2017, pp. 104–107.
3. Moskalenko V. D. *Kogda lyubvi slishkom mnogo: Profilaktika lyubovnoi zavisimosti* [When there is too much love: Preventing love addiction]. Moscow, Psikhoterapiya Publ., 2006. 224 p.
4. Peele S., Brodsky A. *Love and Addiction*. New York, Taplinger, 1975 (Russ. ed.: Pil S., Brodski A. *Lyubov' i zavisimost'*. Moscow, Humanities Institute Publ., 2005. 384 p.).
5. Weinhold B., Weinhold J. *Breaking free of the co-dependency trap* (Russ. ed.: Uainkhold B., Uainkhold Dzh. *Osvobozhdenie ot sozavisimosti*. Moscow, Klass Publ., 2002. 224 p.).
6. Sophia E. C., Tavares H., Berti M. P., Pereira A. P., Lorena A., Mello C., Gorenstein C., Zilberman M. L. Pathological love: Impulsivity, personality, and romantic relationship. *CNS Spectrums*, 2009, V. 14, Issue 5, pp. 268–274. DOI: [10.1017/S1092852900025438](https://doi.org/10.1017/S1092852900025438)

7. Kast V. *Father-daughter, mother-son: Freeing ourselves from the complexes that bind us*. Element books, 1997 (Russ. ed.: Kast V. *Ottsy – docheri, materi – synov'ya. Put' ot ottsovskogo i materinskogo kompleksov k sobstvennoi lichnostnoi identichnosti*. Moscow, Dipak Publ., 2016. 184 p.).
8. Norwood R. *Women who love too much*. Los Angeles, CA, Jeremy P. Tarcher, 1985 (Russ. ed.: Norvud R. *Zhenshchiny, kotorye lyubyat slishkom sil'no*. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2013. 352 p.).
9. Shalaeva E. P. Studying love addiction in daughters in connection with paternal deprivation. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii – Modern Trends in the Development of Science and Technology*, 2017, no. 3–10, pp. 131–135 (in Russian).
10. Etchegoyen A., Trowell J. *The importance of fathers. A Psychoanalytic Re-evaluation*. New York, Taylor and Francis, 2002. 272 p.
11. Suh G. W., Fabricius W. V., Stevenson M. M., et al. Effects of the interparental relationship on adolescents' emotional security and adjustment: The important role of fathers. *Developmental Psychology*, 2016, V. 52 (10), pp. 1666–1678. DOI: [10.1037/dev0000204](https://doi.org/10.1037/dev0000204)
12. Milyukova E. V. *Formirovanie psikhologicheskikh komponentov roditel'skoi lyubvi* [Forming psychological components of parental love]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Kurgan, 2005. 191 p.
13. Ovcharova R. V., Tokareva Yu. A. *Ottsovstvo kak tsennost' i sfera samorealizatsii lichnosti* [Fatherhood as a value and the field of personal self-actualization]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Psikhologicheskie problemy sovremennoi sem'i"* [Proc. the IV International Scientific Conference "Psychological problems of modern family"]. Moscow, Moscow State University Publ., 2009, pp. 484–488.
14. Sevast'yanova U. Yu. *Psikhologo-akmeologicheskie faktory razvitiya produktivnogo ottsovskogo otnosheniya* [Psychological and acmeological factors for productive paternal relations]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Kostroma, 2015. 180 p.
15. Fisher H. E., Brown L. L., Aron A., Strong G., Mashek D. Reward, addiction, and emotion regulation systems associated with rejection in love. *Journal of Neurophysiology*, 2010, V. 104, Issue 1, pp. 51–60. DOI: [10.1152/jn.00784.2009](https://doi.org/10.1152/jn.00784.2009)
16. Aseeva A. D. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty zavisimogo povedeniya v mezhllichnostnykh otnosheniyakh v yunosheskom vozraste* [Social and psychological aspects of dependent behavior in interpersonal relations in adolescence]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Kursk, 2014. 210 p.
17. Bogatyreva O. V., Musikhina A. L., Panfilov P. V. The image of the desired partner and relations in representations of emotionally dependent girls. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoi bezopasnosti cheloveka v sovremennom obshchestve – Current Problems of Psychological Security of a Person in Modern Society*, 2010, no. 1, pp. 32–42 (in Russian).

18. Smirnov A. V. *Bazovye psikhologicheskie komponenty addiktivnogo povedeniya v strukture integral'noi individual'nosti* [Basic psychological components of addictive behavior in the structure of integral individuality]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Ekaterinburg, 2015. 489 p.
19. Shaparenko E. Yu., Fal'kovskii G. V. *Refleksy lyubvi i schast'ya* [Reflexes of love and happiness]. Moscow, AST Publ., 2016. 192 p.
20. Fromm E. *The art of loving*. London, Thorsons, 1995 (Russ. ed.: Fromm E. *Iskusstvo lyubit'*. Moscow, AST Publ., 2014. 221 p.).
21. Chernikova N. V. *Psikhologiya i psikhoterapiya khimicheskoi i emotsional'noi zavisimosti* [Psychology and psychotherapy of chemical and emotional dependence]. Moscow, MHI Publ., 2012. 129 p.
22. Jung C. G. *The conflicts in the child's souls* (Russ. ed.: Yung K. G. *Konflikty detskoj dushi*. Moscow, Kanon Publ., 1997. 336 p.).
23. de Looze M., Constantine N. A., Jerman P., Vermeulen-Smit E., ter Bogt T. Parent-adolescent sexual communication and its association with adolescent sexual behaviors: A nationally representative analysis in the Netherlands. *The Journal of Sex Research*, 2015, V. 52, Issue 3, pp. 257–268. DOI: [10.1080/00224499.2013.858307](https://doi.org/10.1080/00224499.2013.858307)
24. Luo Y., Xiang Z., Zhang H., Wang Z. Protective factors for depressive symptoms in adolescents: Interpersonal relationships and perceived social support. *Psychology in the Schools*, 2017, V. 54, Issue 8, pp. 808–820. DOI: [10.1002/pits.22033](https://doi.org/10.1002/pits.22033)
25. Smith A., Pedersen E. J., Forster D. E., McCullough M. E., Lieberman D. Cooperation: The roles of interpersonal value and gratitude. *Evolution and Human Behavior*, 2017, V. 38, Issue 6, pp. 695–703. DOI: [10.1016/j.evolhumbehav.2017.08.003](https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2017.08.003)
26. Beattie M. *Codependent no more: How to stop controlling others and start caring for yourself*. Walker and Company, 1987 (Russ. ed.: Bitti M. *Spasat' ili spasat'sya? Kak izbavit'sya ot zhelaniya postoyanno opekat' drugikh i nachat' dumat' o sebe*. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 384 p.).
27. Lazarenko D. V. *Psikhologo-pedagogicheskaya profilaktika sklonnosti k addiktivnomu povedeniyu studentov vuza* [Psychological and pedagogical prevention of tendency toward addictive behavior among university students]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Kemerovo, 2016. 201 p.
28. Tsvetkova N. A., Chetverik M. A. Ob aktual'nosti formirovaniya predstavlenii devushek 16–17 let o samosokhranitel'nom povedenii [Urgency of forming the ideas of self-preservation behavior among 16–19-year-old girls]. *Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologo-sotsial'naya rabota v sovremennom obshchestve: problemy i resheniya"* [Proc. the 13th International Theoretical and Practical Conference "Psycho-social work in modern society: problems and solutions"]. St. Petersburg, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2015, pp. 192–195.

29. Mityaeva A. M., Fomina S. N., Tsvetkova N. A., Rybakova A. I., Gedulyanova N. S., Khovanskaya E. A. Psychological counseling strategies for women regarding their level of fulfillment of need for personal development. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, 2017, V. 7, S-APRLSPCL, pp. 3263–3283.
30. Mendelevich V. D., Zobin M. N. *Addiktivnoe vlechenie* [Addictive drive]. Moscow, MEDpress-inform Publ., 2012. 264 p.
31. Langley C. Father knows best: Paternal presence and sexual debut in African-American adolescents living in poverty. *Family Process*, 2016, V. 55, Issue 1, pp. 155–170. DOI: [10.1111/famp.12125](https://doi.org/10.1111/famp.12125)
32. Sadikaj G., Moskowitz D. S., Zuroff D. C. Intrapersonal variability in interpersonal perception in romantic relationships: Biases and accuracy. *Journal of Research in Personality*, 2017, V. 69, pp. 67–77. DOI: [10.1016/j.jrp.2016.06.011](https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.06.011)
33. Plotnikov S. G., Galimbievskaya Yu. D., Fastova V. A. Vzaimosvyaz' detsko-roditel'skikh otnoshenii s vyborom brachnogo partnera [Associations between child-parent relations and the choice of a marriage partner]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauka XXI veka: teoriya, praktika i perspektivy"* [Proc. the International Theoretical and Practical Conference "Science of the 20th century: Theory, practice, and prospects"]. Ufa, Omega Sains Publ., 2015, pp. 285–287.
34. Grigorova T. P. *Destruktivnaya privyazannost' k partneru vo vzrosлом vozraste i sovladanie s ee proyavleniyami* [Destructive attachment to a partner in adulthood and coping with its manifestations]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Kostroma, 2015. 166 p.
35. Latypov N. N. *Metafizika lyubvi + strast' glazami neirobiologa* [Metaphysics of love + passion through a neurobiologist's eyes]. Moscow, AST Publ., 2015. 206 p.
36. Egorov A. Yu. *Nekhimicheskie zavisimosti: monografiya* [Non-chemical addictions]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2007. 190 p.
37. Makushina O. P. The Interpersonal Dependency Inventory (R. Hirschfeld): O. P. Makushina's modification. In: A. A. Bodalev (ed.) *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Psychology of communication. The encyclopedic dictionary]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2011. 600 p.
38. Vasserman L. I., Gor'kova I. A., Romitsyna E. E. *Psikhologicheskaya metodika "Podrostki o roditelyakh" i ee prakticheskoe primenenie* [The Teenagers About Parents psychological technique and its practical application]. St. Petersburg, FARMindex Publ., 2001. 68 p.
39. Olifirovich N. I., Zinkevich-Kuzemkina T. A., Velenta T. F. *Psikhologiya semeinykh krizisov* [Psychology of family crises]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 360 p.

UDC 159.923.2

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.7)

Distinct Features of the Self-Concept and the Meaning-Forming Motives of Intellectual Professionals: A Case of Australian and Russian Specialists of Intellectual Labour

Julia V. Obukhova^{1*}, Ekaterina L. Komarovskaya²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² DBL Solicitors, Brisbane, Australia

* Corresponding author. E-mail: yvobuhova@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The authors substantiate the necessity and relevance of studying the features of self-concept and the meaning-forming motives for intellectual labour. The novelty of this study is that a comparative analysis of the particularities of self-concept and the meaning-forming motives of the Australian and Russian specialists of intellectual labour is carried out for the first time.

Methods. The study is based on the survey of 30 Australian and 40 Russian professionals in various fields of intellectual labour, whose average age was 34 years and 36 years old respectively. Psychological testing and content analysis of respondents' self-descriptions were used as primary methods of research. The questionnaire with open-ended items created by the authors, entitled "Meaning-Forming Motives of Labour Activity – Money", has been used for data collection. Parametric and nonparametric statistical procedures were carried out in analyses.

Results and Discussion. This section describes the features of cognitive and emotional-evaluative components of self-concept, work-related meaning-forming motives of Australian and Russian professionals in the field of intellectual labour, both men and women. The leading categories in self-descriptions of the respondents are dependent on their nationality and gender. The following features of self-concept were revealed in the study: Australian men describe themselves through their look, Australian women – through their hobbies and friendships, Russian women – through their society status and social environment. The obtained results can be used in the development of a general management system and of training programs for professionals in the field of intellectual labour.

Keywords

self-concept, self-attitude, meaning-forming motives, features, work, money, process, result, intellectual labour force, Russian employees, Australian employees

Highlights

- ▶ "Personality" category is predominant in the cognitive component of self-concept of Australian women and Russian men.
- ▶ Regardless of gender or nationality, self-relation of professionals in the field of intellectual labour is subjective.
- ▶ Differences were discovered in the degree of severity of the participants' meaning-forming motives depending on their gender and nationality.
- ▶ Differences were also found in the influence of the work meaning-forming motives on the cognitive component of the participants' self-concept, depending on their gender and nationality.

For citation

Obukhova J. V., Komarovskaya E. L. Distinct Features of the Self-Concept and the Meaning-Forming Motives of Intellectual Professionals: A Case of Australian and Russian Specialists of Intellectual Labour. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 143–159. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.7

Original manuscript received 02.07.2018

Introduction

In the modern market, personnel capable of applying new technologies to their work, processing large amounts of information, creating and implementing innovations is a leading factor in defining profitability and competitiveness of the organisation. Intellectual work is a complex process, requiring an employee not only to possess high level of IQ, well-developed verbal, social and emotional intelligence, professional knowledge and skills, but also to understand their own strengths and weaknesses, develop initiative, determination, sociability, dedication, etc. Therefore, the system of motivating of the intellectual workers in the organisation is an important component of the management system. Disclosure of the whole potential of an employee while performing work and optimization of working conditions will not only help to increase productivity and success, but also self-improvement and self-development of the employees of the organisation.

The foreign literature provides an array of strategies for organisations to use in seeking to help motivate their employees. Motives based on external rewards are explained through the individual's cognition of the rewards obtained. The central tenet to these theories is an employee's desire to adjust or regulate his or her behavior based on the satisfaction with the rewards [1]. Adams' Equity Theory proposes that individuals are motivated when they perceive that they are treated equitably in comparison to others within the organisation [2]. Vroom's

Expectancy Theory addresses to the expectations of individuals and hypothesises that they are motivated by performance and the expected outcomes of their own behaviour [3]. Locke's Goal Setting Theory hypothesizes that by establishing goals, individuals are motivated to take actions to achieve those goals [4]. Ouchi's Theory Z is rooted in the idea that employees who are involved in and committed to an organisation will be motivated to increase productivity. This theory provides for rewards, such long-term employment leaves, promotion etc. to motivate employees [5].

According to the theory of internal motivation that work is a part of life that has strong connections to employee's feelings and emotions. These factors are correlated with the life motives and employee's existence within the organisation [6].

While all of these theories are helpful in understanding management and motivation from a conceptual perspective, it is important to recognise what combination of needs, extrinsic factors and intrinsic factors motivate the specialists of intellectual labour, help them to meet their own personal needs and obligations and ultimately to achieve effectiveness and balance within the organisation.

We will consider a number of researches that will reveal the various aspects of employees' labour motivation. In their study, P.J. Hartung and C.D. Marco noted that the active, determined and persevering employees perceive themselves as capable of making and implementing decisions about career goals and are more competitive and valuable for the organisation [7]. The importance of purposefulness, the ability to set goals for long time perspective, the awareness of their internal resources, planning of external resources and ways to obtain them, professional mobility of the employees for the prosperity of the company are emphasised in the article of N. Dries, R. Pepermans [8]. R.D. Duffy notes in his study that increasing the adaptability of employees, openness in the acquisition of new knowledge, the acquisition of experience, the adequacy of self-esteem, the flexibility to build communication with others, rapid adaptation in a changing environment are of primary importance for the successfully functioning organisation [9].

M.V. Prokhorova in her article discusses the features of external and internal motivations of intellectual professionals, both women and men, their readiness to work at different stages of organisation's development. She empirically established the following patterns: the resulting orientation predominates over the procedural for both men and women employees. Utilitarianism and cooperation are dominant meaningful motives for women employees, and competition and achievements – for men. Competition and communication categories are less pronounced meaning-sense work motives for women, communication – for men [10]. It was revealed that men are more likely to work at the stages of formation and recession of business than women. Men are more focused on

higher wages than women, it is important for them to have some career prospects. For women, unlike men, a positive work environment is more important [10].

In the study of E. M. Makoto, it was established that cooperation and competition motivation as a result is more expressed towards the team and work. Utilitarian motive in relation to money and achievement motivation with respect to labour have also high indicators. According to the executives, there is a tendency of employees not to help others, but to the contrary, they often pursue their own interests [11]. The revealed pattern can affect the efficiency of the entire organisation as a whole.

The studies of V. P. Musina noted that not only material component of the work performance affects the positive motivation and the level of loyalty of managers of organisation, but also satisfaction of their needs for self-improvement, development of oneself as a specialist and as a person, ability to set and achieve complex goals, creative approach to the duties performed, etc. [12].

The study of A. S. Khodosevich, who studied service workers, showed that women, in the contrary to men, choose their place of work more consciously. Men are less focused on the developing of their competence within the framework of their profession, skills and abilities. More than that, they want to manage and integrate the efforts of other people. As for women, the stability in the workplace is as important as the possibility of self-realisation in other various areas of life [13]. I. L. Maliborskaya shares a similar viewpoint in relation to women [14]. The article written by S. M. Clearfield is devoted to the description of the professional image of social workers from the three chapters of National Association of Social Workers (NASW). Professional self-esteem is defined as an evaluation of a professional group by the members of this group, including opinions about the group's prestige in the society, the value of the profession for the society, personal and behavioral characteristics of each member of the group, their professional capabilities and achievement [15].

In the article of T. Amania-Kepuladze it has been emphasised that the work motives of the employees depend not only on the gender, but on the personal and professional qualities, and it does not always correspond with the accepted stereotypes [16]. J. V. Obukhova, who studied doctors, revealed that the specificity of the meaning-sense motives of work activity varies depending on the gender, age and length of service of the employees [17]. In the study of the Chinese scientists, B. Guo, L. Zhao, etc., it was revealed that for junior nurses the increase of professional self-efficacy is an important meaning-sense work motive [18].

The following conclusions were reached on the basis of meta-analysis conducted by D. Kooij, A. Lange, P. Jansen, R. Kanfer, J. Dikkers: work motives are closely related to the age of the workers, therefore the companies should adjust their HR policies and methods to match the needs of their employees depending on

their ages. With age, the internal motivation for success, sense of recognition and autonomy, interesting work and the desire to be a mentor for someone become more important for the senior professionals compared to the junior specialists. So, instead of simply offering a limited opportunity for training and development to the senior specialists, managers need to guarantee them interesting, where they can perform the tasks that would correspond with their qualification and work experience [19]. It is also important to reduce competition and social tension between senior and junior professionals for their respective jobs.

It should be noted that studies describing the characteristics of work motivation of intellectual specialists are not sufficiently described in the modern psychological literature. Most often, it is the employer's point of view on the motivation of employees of intellectual work that is described [20, 21], or there is no comparative analysis between the features of intellectual specialists' motivation with the specialists of other professions [22].

In the theses of L. N. Deputatova it was shown that a system to motivate Russian specialists for intellectual activity should include four directions: increase of intellectual potential, effective communication, increase of competence, increase productivity at work. To create the conditions for the development and implementation of intellectual labour, an effective system of organization is needed, including a unit for the development of intellectual potential, development of communications and a unit for motivating employees. The main activities for the development of the organisation's intellectual capital must be implemented through the organisational culture development programs, continuing education programs, personnel selection procedures, employees and their families health programs. The work motivation system of the Russian organisations' employees should be aimed at improving of the quality of the intellectual work results, increasing the competencies of the employees, effective communication and growth of the intellectual capital of the enterprise [23].

N. H. Leonard et al. introduced the self-concept as a source of motivated behaviour, in their study noted that a social self-concept of female employees is chronically activated, and female employees are motivated to behave in ways to meet the expectations of others and elicit social feedback that is consistent with their self-concept perceptions. The female employees behave in ways that satisfy reference group members, first to gain acceptance and, after achieving that, to gain status [24]. Findings suggest that both male and female employees of intellectual labour who choose goals that are consistent with their own ideals, personal interests, and values are happier than those who pursue goals for other reasons [25].

E. M. Hallowell suggests that managers can help to motivate the employees of intellectual labour by encouraging them to eat right, exercise regularly, take vacations, get organised and slow down [26]. Such external rewards as perceived

fairness of rewards and financial incentives were also found to be motivating. Their study concluded that designing flexible incentives, adjusted to the employees' needs is most motivating to the employees [27].

T.A. Atchison discusses in his study egocentric and other-centered satisfaction and suggests that in the short run employees respond to specific rewards that they receive personally but in the long term they respond to quality performance of the team and the organisation. Atchison stated that money motivates only to a certain point. That is when compensation is not high enough, or is considered to be inequitable, it demotivates the intellectual workers. In contrast, when it is proportionate to the input in the employees' view, it is a great motivation to increase productivity [28].

B. Schmid & J. Adams identified factors affecting employee motivation from a sample of 115 intellectual professionals in Australia. External motivating factors such as providing feedback on employee's performance and ease of communication between the team members is motivating to the employees [29].

On internal rewards, G. Hertel, S. Niedner & S. Hermann [30], and more recently H.N. Sharp, et al. [31] and S. Seiler, et al. [32] suggest that the nature of tasks, autonomy at work and task significance are more motivating for male employees than financial rewards. Similar results were also suggested by R. Dwivedula and C. Bredillet. Opportunities to apply advanced knowledge and perform competency-enhancing tasks are perceived to be motivating by male employees of intellectual labour [33].

J.A. Rose stated in his study that the operative method of entailing recognition, evaluation, setting of priorities and articulation of the firm's values in a day-by-day and layer-by-layer manner is an important motivation for both male and female employees by acknowledging the employees' presence and input as vital components in the process. Self-motivation for male employees is the most significant component of motivation towards contribution to the success of the firm. In the light of this, the organisation's primary function must limit any interference with the self-motivated potential. The firm may encourage self-motivation. The most important factor expressed by J.A. Rose in motivating the female employees is creation by the organisation a friendly non-confrontational environment that leads to firm identification and allegiance by cultivating and enabling the female employee's active participation in the firm's affairs through involvement, input, responsibility, communication, and professional growth [34].

We note that Russian and foreign studies accumulated a substantial material on the certain aspects of the self-concept, however, a connection with the work meaning-sense motives is lacking. The interrelationship between gender and professional images of the female leaders is described in the study of N.N. Lupenko [35]. Levels of gender and professional self-esteem of servicemen and

sales managers are described in the study of L. N. Ozhigova and N. N. Lupenko [36]. The dynamics of the professional self-concept at the initial stages of becoming a psychologist is described in an article of E. V. Belova [37]. S. T. Djaner'yan distinguishes the structure of the professional self-concept types [38].

Methods

All the above shows the relevance of this study, the purpose of which is to explore the self-concept peculiarities and the the meaning-sense motives of intellectual work activity. Subject of research: self-concept and meaning-sense motives of work.

The study involved 30 Australian people (10 men and 20 women aged from 24 to 53 years, average age – 34 years) and 40 Russian people (20 men and 20 women from 28 to 55 years, average age – 36 years), the professionals of intellectual labour. All participating companies are medium-sized management consulting and engineering companies located in the cities of Brisbane (Australia) and Rostov-on-Don (Russia).

Anonymous testing was used as a tool for collection of information from the specialists of intellectual labour – employees of several Australian and Russian companies. After the successful negotiations with the top management of those organisations, a brief explanatory letter and testing materials were sent to the employees' corporate emails. Participation in the study was voluntary, there was no pressure observed from the management.

The following methodological tools were used: the questionnaire "The meaning-making motives of labour activity – money" (based on the meaning-sense motives highlighted in the questionnaire "Dictionary" of I. G. Kokurina) [39], with free self-description. For Australian respondents the questionnaire was provided in English language, for Russian respondents – in Russian. In that questionnaire it was necessary to rank money, as a meaning-sense motive of work activity, in order of importance to the respondent, with the most important to be number 1, the least important – 12.

The following the special research methods were used: content analysis of self-descriptions, expert assessments of indicators of self-description categories. Statistical data processing methods were applied (Normal Probability Plot, multiple linear regression analysis, non-parametric statistics methods such as determination of Spearman's correlation coefficient, Wilcoxon signed-rank test, Mann-Whitney U test, Friedman test). In the first stage, the pilot coding of self-descriptions was carried out to select the relevant categories. In the second stage, two expert psychologists who are fluent in English and Russian checked the adequacy of the categories' choice and adjusted the selected categories were it was necessary. The relative frequency of occurrence of the category in the self-description was an indicator of its severity.

Results and Discussion

Let us discuss the results obtained on the basis of the collected data analysis. We will consider the features of the cognitive component of the Self-concept of Australian specialists of intellectual labour – men and women (Tables 1 and 2).

Table 1. Features of the cognitive component of the Self-concept of Australian specialists of intellectual labour – men

<i>Categories</i>	<i>Average Ranks</i>	<i>Sum of Ranks</i>
Personality	4,50	45,00
Family	3,55	35,50
Skills	4,90	49,00
Life	2,75	27,50
Career	3,60	36,00
Appearance (look)	1,70	17,00

There is no dominant trait in the cognitive component of the self-concept of Australian male specialists of intellectual labour. All traits are equally expressed. This testifies to the harmonious development of the personality, the vision of oneself in different connections and relations of reality. It was revealed that a great concentration on the spheres of vital activity falls on the features reflected in the “skills” and “personality” categories. When describing themselves, men most often list their skills and abilities, as well as their personal strengths. The appearance description is found in almost every Australian man self-description, but the number of references to other categories is inferior.

Table 2. Features of the cognitive component of the Self-concept of Australian intellectual labour specialists – women

<i>Categories</i>	<i>Average Ranks</i>	<i>Sum of Ranks</i>
Personality	6,85	137,00
Family	4,70	94,00
Skills	5,125	102,50
Life	3,82	76,50
Career	4,40	88,00
Appearance (look)	4,225	84,50
Friendship	3,025	60,50
Hobby	3,85	77,00

As for the emotional-evaluative component of the self-concept, subjective self-attitude is common for Australian men. They feel that they are an active subject of their lives, have adequate self-esteem, believe in themselves and try to make informed decisions.

In the cognitive component of the Self-concept of Australian female specialists of intellectual labour, the "personality" category prevails by 93.34 % over the "skills" category ($Z = 3.098$, with $p = 0.00194$). When describing themselves, women attach great importance to their personal qualities demonstration (both positive and negative). The categories that are least reflected in their self-description are the friendships and hobbies description. Moreover, these categories were selected only by Australian women, and were not found amongst Australian men or Russian workers regardless of gender.

Both subject and object self-relations are common for Australian women. The self-perception of Australian women is heavily dependent on the success or failure in their activities.

Let us turn to an analysis of the results reflecting the peculiarities of the cognitive component of the Self-concept of Russian male and female specialists of intellectual work (Tables 3 and 4).

Table 3. Features of the cognitive component of the self-concept of Russian intellectual labour specialists – men

Categories	Average Ranks	Sum of Ranks
Personality	6,15	123,00
Life	3,25	65,00
Carrier	4,30	86,00

The category "personality" predominates by 88 % over the "career" category ($Z = 2.945$, with $p = 0.00134$) in the cognitive component of the self-concept of Russian male specialists of intellectual labour. Those men placed more emphasis in their self-description on demonstrating their dedication, sense of duty, sociability and tolerance towards the others. The second place in terms of prevalence is occupied by the "career" category, which includes a description of the professional path, major professional victories and defeats, and the specifics of work. The third place is taken by the "life" category, which includes a description of the social environment, various life circumstances and the ways of dealing with them, as well as skills that enabled the respondents to achieve the desired result.

Table 4. Features of the cognitive component of the self-concept of Russian intellectual labour specialists – women

Categories	Average Ranks	Sum of Ranks
Personality	4,30	86,00
Career	5,80	116,00
Status	5,60	112,00
Social environment	3,50	70,00

Russian female specialists of intellectual labour in their cognitive component of the Self-concept do not have a dominant trait, all traits are equally expressed. The leading positions are occupied by the categories “career” and “status”, reflecting professional qualities and skills (endowed with analytical mind, self-organisation, ability to clearly set goals and achieve results, etc.), roles in the organisation (indispensable and competent employee, reliable partner, friendly person, etc.), specifics of work environment (assessment of working conditions, relationships in a team, etc.), as well as their social roles (woman, spouse, mother, friend, member of a certain club or association, etc.). Russian female specialists of intellectual work attach special importance to their social environment. Almost in all self-descriptions of those women there is a description of the details necessary for effective work and harmonious life, as well as of people who contribute or, to the contrary, impede with the achievement of the desired results. It should be noted that the status characteristics and social environment were observed only among Russian women and were noted among Russian men and Australian specialists of intellectual labour regardless of their gender. Most often, self-description is focused on the present and the future.

Self-attitude is a common characteristic for Russian female specialists. Those women are self-confident, aware of their personality resources and are able to competently manage them, rely only on their strengths.

Having compiled a psychological portrait of our respondents, we proceed to the analysis of the characteristics of their meaning-sense motives of work activity – the attitude towards money. Tables 5 and 6 reflect the results.

For Australian male specialists of intellectual labour, the dominant sense-forming motive of work activity (attitude to money) is the resulting communicative motive, and the least pronounced is the procedural motive of achievement. These men seek to earn money to help their families and friends, holding themselves accountable for the general welfare of their family. They do not seek to spend money on their self-improvement, they are more focused on the interests of the other people rather than on their own. Among Australian women, the dominant motive for work (attitude toward money) is the resulting utilitarian motive, and

the least pronounced is the resulting competing motive. For Australian women, money is needed to meet their needs. They seek to do only what provides them with obvious benefits. It is not important for them to be the best among colleagues, or to have high authority.

Table 5. Features of the meaning-sense motives of labour activity ("money") among Australian specialists of intellectual labour

Indicators	Men		Women	
	Average Ranks	Sum of Ranks	Average Ranks	Sum of Ranks
PrR	5,00	50,00	6,00	120,00
PrP	6,90	69,00	5,70	114,00
ComR	2,75	27,5	5,55	111,00
ComP	4,65	46,5	4,80	96,00
UtrR	4,35	43,5	4,55	91,00
UpP	8,25	82,5	4,95	99,00
CopR	7,65	76,5	7,00	140,00
CopP	9,05	90,5	5,55	111,00
ConR	7,45	74,5	10,60	212,00
ConP	7,70	77,00	9,30	186,00
DosR	4,85	48,5	7,55	151,00
DosP	9,40	94,00	6,45	129,00

Note: PrP – transforming motive (result), PrP – transforming motive (process), ComR – communicative motive (result), ComP – communicative motive (process), UtrR – utilitarian motive (result), UtrP – utilitarian motive (process), CopR – cooperation motive (result), CopP – cooperation motive (process), ConR – competition motive (result), ConP – competition motive (process), DosR – achievement motive (result), DosP – achievement motive (process).

For Russian male specialists of intellectual work, the most dominant meaning-sense motive for work (attitude towards money) is the procedural motive of achievement, and the least pronounced is the resulting transformative motive.

At the statistically significant level, the prevalence of the procedural achievement motive is typical ($p = 0.0024$) for Russian men, unlike Australian men. Russian men need money for self-improvement, self-education, for achieving a certain status in society. They are ready to perform even uninteresting work, sacrifice their skills and predisposition to other activities, the main thing for them is that their work should be financial rewarded.

Table 6. Features of the meaning-sense motives for labour activity ("money") among Russian specialists of intellectual labour

<i>Indicators</i>	<i>Men</i>		<i>Women</i>	
	<i>Average Ranks</i>	<i>Sum of Ranks</i>	<i>Average Ranks</i>	<i>Sum of Ranks</i>
PrR	8,20	164,00	4,00	80,00
PrP	6,80	136,00	3,70	74,00
ComR	5,60	112,00	5,50	110,00
ComP	6,40	128,00	4,20	84,00
UtR	7,10	142,00	6,30	126,00
UpP	7,30	146,00	5,90	118,00
CopR	4,50	90,00	7,10	142,00
CopP	4,50	90,00	7,20	144,00
ConR	5,30	106,0	2,65	53,00
ConP	3,60	72,00	3,30	66,00
DosR	2,80	56,00	7,40	148,00
DosP	2,35	47,00	5,50	110,00

Note: PrP – transforming motive (result), PrP – transforming motive (process), ComR – communicative motive (result), ComP – communicative motive (process), UtR – utilitarian motive (result), UtP – utilitarian motive (process), CopR – cooperation motive (result), CopP – cooperation motive (process), ConR – competition motive (result), ConP – competition motive (process), DosR – achievement motive (result), DosP – achievement motive (process).

For Russian female specialists of intellectual labour, the resulting competition motive is the leading motive-forming motive for work (attitude toward money), whereas the motive for achieving results is the ignored one. Russian women perceive money as confirmation that they are first among the best, that they are successful and respected. They are characterised by a proclaimed competition in the team for the highest prestige. This leads to the unfavorable microclimate in such teams, there is no trust existent among the employees, and conflicts may increase. This pattern was also reflected in the article written by A. V. Sidorenkov, O. Y. Shipitko and other co-authors [40].

Let us turn to the analysis of influence of the meaning-self motives of labour activity, namely the attitude towards money, on the Self-concept. For Australian male specialists, the resulting communicative motive positively affects the description of oneself through personal qualities whilst the procedural transformative motive affects it negatively ($R^2 = 0.816$; $b = 0.444$). For Australian men, the description of themselves through life circumstances is positively affected by the procedural cooperative motive and negatively – by the resulting competition motive ($R^2 = 0.942$; $b = 0.178$).

For Australian female specialists, the description of themselves through personal qualities is influenced positively by the resulting transformative motive, and negatively by the procedural transformative motive of attitude to money ($R^2 = 0.668$; $b = 0.424$). For Australian women, the resulting transformative motive and the procedural transformative motive have a positive effect on the description of themselves through family roles ($R^2 = 0.609$; $b = 0.172$).

For Russian male specialists in intellectual work, the description of themselves as professionals (“career” category) is positively influenced by the cooperation motives, both as a result and as a process ($R^2 = 0.578$; $b = 0.0408$). Men, who described their professional skills and peculiarities of their professional way, consider money as remuneration for work performed that is necessary for the society as a whole. For Russian female specialists of intellectual work, the description of themselves as a professional (“career” category) is positively affected by the resulting competing and procedural motive of achievement ($R^2 = 0.548$; $b = 0.606$). Women for whom a career is of a great importance, perceive money as a sign of a high status in society and a resource for self-realisation in various spheres of life.

Considering all the factors we have discussed, we can draw the following conclusions:

1. Features of Self-concept differ from Australian and Russian male and female specialists of intellectual labour.
2. It was established that the expression of the meaning-self motives of labour activity are different for Australian and Russian male and female specialists of intellectual labour.
3. The cognitive component of the Self-concept of Australian and Russian male and female specialists of intellectual work is influenced by different meaning-sense motives for work – the attitude towards money.

In our opinion, the reached conclusions can be successfully used in the development of a management system of intellectual work specialists, however, when making individual decisions, undoubtedly, the individual characteristics of employees should be considered.

References

1. Bandura A. *Social Learning Theory*. Prentice-Hall: Englewood Cliffs, N.J., 1977. 247 p.
2. Adams J. S. Towards and understanding of inequity. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, V. 67 (5), pp. 422–436.
3. Vroom V. H. *Work and motivation*. San Francisco, CA: Jossey-Bass Inc., 1995. 397 p.
4. Locke E. A. & Latham G. P. Building a practically useful theory of goal setting and task motivation: a 35-year odyssey. *American Psychologist*, 2002, V. 57 (9), pp. 705–717.
5. Ouchi W. G. *Theory Z: How American business can meet the Japanese challenge*. Addison-Wesley, Reading, M.A., 1981. 283 p.
6. Maslow A. *Motivation and Personality*. N.Y.: Harper & Row, 1970. 395 p.
7. Hartung P. J., Marco C. D. Refinement and Further Validation of the Decisional Process Inventory. *Journal of Career Assessment*, 1998, V. 6, Issue 2, pp. 147–162. DOI: [10.1177/106907279800600203](https://doi.org/10.1177/106907279800600203)
8. Dries N., Pepermans R. “Real” high-potential careers. An empirical study into the perspectives of organizations and high potentials. *Personnel Review*, 2008, V. 37, Issue 1, pp. 85–108. DOI: [10.1108/00483480810839987](https://doi.org/10.1108/00483480810839987)
9. Duffy R. D. Sense of Control and Career Adaptability Among Undergraduate Students. *Journal of Career Assessment*, 2010, V. 18, Issue 4, pp. 420–430. DOI: [10.1177/1069072710374587](https://doi.org/10.1177/1069072710374587)
10. Prokhorova M. V. Sense-making Work Motives of Women and Men. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika – Izvestiya Saratov University (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, V. 17, Issue 3, pp. 314–318 (in Russian). DOI: [10.18500/1819-7671-2017-17-3-314-318](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-314-318)
11. Makota E. M. Peculiarities of the modern manager the motivation to work *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2012, no. 4 (35), pp. 245–249 (in Russian).
12. Musina V. P. Experimental study of the problem of diagnostics of professional motivation of managers of a commercial organization. *Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psixologii i social'noj raboty – Scientific notes of the St. Petersburg state Institute of psychology and social work*, 2011, V. 16, no. 2, pp. 75–81 (in Russian).
13. Khodosevich A. S. Gender differences in professional standing of personality of the stuff in service industry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 4 (94), pp. 146–148 (in Russian).
14. Maliborskaya I. L. Gender characteristics of motivation at different stages of employment. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo texnicheskogo*

- universiteta – Bulletin of Voronezh State Technical University*, 2012, V. 8, no. 10 (2), pp. 178–180 (in Russian).
15. Clearfield S. M. Professional Self-image of the Social Worker: Implications for Social Work Education. *Journal of Education for Social Work*, 1977, V. 13, Issue 1, pp. 23–30. DOI: [10.1080/00220612.1977.10671409](https://doi.org/10.1080/00220612.1977.10671409)
 16. Amania-Kepuladze T. Gender stereotypes and gender feature of job motivation: Differences or similarity? *Problems and Perspectives in Management*, 2010, V. 8, Issue 2, pp. 84–93.
 17. Obukhova Yu. V., Obukhova S. G. Features of physicians' self-concept in connection with the sense-creating motives of their professional activity. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 2, pp. 88–101 (in Russian).
 18. Guo B., Zhao L., Gao Y., Peng X., Zhu Y. The status of professional identity and professional self-efficacy of nursing students in China and how the medical documentaries affect them: A quasi-randomized controlled trial. *International Journal of Nursing Sciences*, 2017, V. 4, Issue 2, pp. 152–157. DOI: [10.1016/j.ijnss.2017.03.006](https://doi.org/10.1016/j.ijnss.2017.03.006)
 19. Kooij D. T. A. M., De Lange A. H., Jansen P. G. W., Kanfer R., Dikkers J. S. E. Age and work-related motives: Results of a meta-analysis. *Journal of Organizational Behavior*, 2011, V. 32, Issue 2, pp. 197–225. DOI: [10.1002/job.665](https://doi.org/10.1002/job.665)
 20. Horwitz F. M., Heng C. T., Quazi H. A. Finders, keepers? Attracting, motivating and retaining knowledge workers. *Human Resource Management Journal*, 2003, V. 13, Issue 4, pp. 23–44. DOI: [10.1111/j.1748-8583.2003.tb00103.x](https://doi.org/10.1111/j.1748-8583.2003.tb00103.x)
 21. Horwitz F. M., Albert R. The Horwitz ratio (HorRat): A useful index of method performance with respect to precision. *Journal of AOAC International*, 2006, V. 89, no. 4, pp. 1095–1099.
 22. Kubo I., Saka A. An inquiry into the motivations of knowledge workers in the Japanese financial industry. *Journal of Knowledge Management*, 2002, V. 6, Issue. 3, pp. 262–271. DOI: [10.1108/13673270210434368](https://doi.org/10.1108/13673270210434368)
 23. Deputatova L. N. *Sistema motivacii intellektual'nogo truda rabotnikov (na primere promyshlenny'x predpriyatij Permskogo kraja)* [System of motivation of intellectual work of workers (on the example of industrial enterprises of Perm region)]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Perm, 2014. 183 p.
 24. Leonard N. H., Beauvais L. L., & Scholl R. W. Work Motivation: The Incorporation of Self-Concept-Based Processes. *Human Relations*, 1999, V. 52, Issue 8, pp. 969–998. DOI: [10.1023/A:1016927507008](https://doi.org/10.1023/A:1016927507008)
 25. Judge T. A., Bono J. E., Erez A., & Locke E. A. Core self-evaluations and job and life satisfaction: The role of self-concordance and goal attainment. *Journal of Applied Psychology*, 2005, V. 90, pp. 257–268.

26. Hollowell E. M. Overloaded circuits: why smart people underperform. *Harvard Business Review*, 2005, V. 83, pp. 54–62.
27. Rose T. M., & Manley K. Motivation toward financial incentive goals on construction projects. *Journal of Business Research*, 2010, V. 64, no. 7, pp. 765–773.
28. Atchison T. A. Exposing the myths of employee satisfaction. *Healthcare Executive*, 2003, V. 17 (3), pp. 19–20.
29. Schmid B., & Adams J. Motivation in project management: the project manager's perspective. *Project Management Journal*, 2008, V. 39, no. 2, pp. 60–71.
30. Hertel G., Niedner S., & Hermann S. Motivation of software developers in open source projects: An internet-based survey of contributors to the Linux kernel. *Research Policy*, 2003, V. 32, pp. 1159–1177.
31. Sharp H. N., Baddoo S., Beecham T., Hall T. & Robinson H. Models of motivation in software engineering, Information and software technology. *Information and Software Technology*, 2009, V. 51, no. 1, pp. 219–233.
32. Seiler S., Lent B., Pinkowska M., & Pinazza M. An Integrated Model of Factors Influencing Project Managers' Motivation-Findings from a Swiss Survey. *International Journal of Project Management*, 2011, V. 30 (1), pp. 60–72.
33. Dwivedula R., & Bredillet C. The relationship between organizational and professional commitment in the case of project workers: Implications for project management. *Academy of Business Research Journal*, 2010, V. 41, no. 4, pp. 79–88.
34. Rose J. A. Motivating Attorneys to Accomplish Objectives. *Management Consultants to Law Offices*, 2017. Available at: http://www.joelarose.com/articles/motivating_attorneys.html (Accessed 30 June 2018).
35. Lupenko N. N. The relationship of gender and professional images I and the problem of self-actualization of the personality of the head. *Izvestiya Possijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, no. 73–2, pp. 108–112 (in Russian).
36. Ozhegova L. N., Lupenko N. N. Gender and professional self-assessment in men at the first stage of professional development. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2016, no. 7, pp. 22–24 (in Russian).
37. Belova E. V. Professional'nye predstavleniya lichnosti kak uslovie ee uspeshnogo professional'nogo stanovleniya [Professional representations of the personality as a condition of its successful professional formation]. *Professional'nye predstavleniya: sbornik nauchnykh trudov Internet-konferentsii "Znachenie predstavlenii v obrazovanii i professional'nom stanovlenii*

- lichnosti*" [Professional representations: collection of scientific works of the Internet conference "Value of representations in education and professional formation of the personality"]. No. 6. E. I. Rogov (ed.). Rostov-on-Don, MARCH, 2014. pp. 24–33.
38. Djaneryan S. T. The structure of professional self-conception types. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2005, V. 2, no. 3, pp. 78–92 (in Russian).
39. Kokurina I. G. Metodika "Slovar'" [The Technique of "Dictionary"]. *Psihologija obshhenija: Jenciklopedicheskij slovar'* [Communication Psychology: Dictionary]. A. A. Bodalev (ed.). Moscow Publ., 2011, p. 478.
40. Sidorenkov A. V., Shipitko O. Yu., Ulyanova N. Yu., Obukhova Y. V. Types of Interpersonal Contradictions and Conflicts in Work Groups. *The Social Sciences*, 2016, V. 11, Issue 29, pp. 6999–7010. Available at: <http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2016.6999.7010> (Accessed 30 June 2018).

Конкуренция за внимание пространственных модуляций градиентов яркости

Виталий В. Бабенко*, Денис В. Явна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: babenko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Преаттентивный этап зрительной обработки включает стадию выделения и кодирования градиентов яркости, а также стадию пространственного объединения этой информации. Первая операция реализуется зрительными фильтрами первого порядка (стриарными нейронами), вторая – фильтрами второго порядка (экстрастриарными нейронами). Фильтры второго порядка пропускают области изображения, характеризующиеся наличием пространственных модуляций контраста, ориентации и пространственной частоты (размерности модуляции) и могут играть роль ворот внимания. Целью исследования является установление приоритетов среди модуляций в конкуренции за внимание.

Методы. Все стимулы состояли из трех изображений одного и того же объекта. Эти изображения были сформированы из областей исходного объекта, содержащих модуляции контраста (одно изображение), ориентации (второе изображение) и пространственной частоты (третье изображение). Сами эти области предварительно выделялись из объекта с помощью разработанной модели фильтров второго порядка. В первом эксперименте за внимание конкурировали изображения, сформированные из модуляций разной размерности. Во втором – изображения одной размерности, отличающиеся по пространственной частоте. Привлечение внимания определялось путем регистрации движений глаз.

Результаты. Обнаружено, что в конкуренции между размерностями преимущество имели модуляции контраста и ориентации. Когда выбор осуществлялся между изображениями одной размерности, побеждали изображения, сформированные из «средних» пространственных частот.

Обсуждение результатов. Впервые получены данные о приоритетах среди модуляций в конкуренции за внимание. Установлено, что чем выше средний выход фильтров второго порядка, формирующих тестовое изображение, тем выше вероятность того, что это изображение привлечет внимание испытуемого.

Заключение. Делается вывод, что фильтры второго порядка могут играть роль ворот внимания, при этом преимущество в конкуренции за внимание в задаче обнаружения получают фильтры с большей величиной сигнала на своем выходе.

В приложении описываются модели зрительных механизмов второго порядка, использованные при подготовке стимульного материала.

Ключевые слова

градиенты яркости, пространственная модуляция, зрительные фильтры, контраст, ориентация, пространственная частота, выделение огибающей, движения глаз, управление вниманием, моделирование

Основные положения

- ▶ среди модуляций разной размерности более приоритетными в конкуренции за внимание являются модуляции контраста и ориентации;
- ▶ среди модуляций одной размерности более приоритетными в конкуренции за внимание являются модуляции со «средней» частотой несущей;
- ▶ при решении задачи зрительного обнаружения преимущество в конкуренции за внимание получают фильтры второго порядка с наибольшей величиной сигнала на своем входе.

Для цитирования

Бабенко В. В., Явна Д. В. Конкуренция за внимание пространственных модуляций градиентов яркости // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 160–189. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.8

Материалы статьи получены 13.02.2018

UDC 159.938

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.8)

Competition for Attention Among Spatial Modulations of Brightness Gradients

Vitalii V. Babenko*, Denis V. Yavna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: babenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The pre-attentive stage of visual processing includes the stage of selection and coding of brightness gradients, and the stage of spatial integration of this information. The first operation is realized by the first-order visual filters (striatal neurons), the second one – by the second-order visual filters (extrastriatal neurons). The second-order filters transmit image areas with spatial modulations of contrast, orientation, and spatial frequency (modulation dimensions) and can function as attention gates. This investigation is aimed at establishing priorities among the modulations in their competition for attention.

Methods. All the stimuli in the study represented three images of the same object. These images were constructed from the areas of the original object and contained modulations of a) contrast (first image), b) orientation (second image), and c) spatial frequency (third image). These areas were in advance isolated from the object by means of the model of the second-order filters developed by the authors. In the first experiment, images composed of different in dimension modulations competed for participants' attention. In the second experiment, the authors used images of the same dimension, but different in their spatial frequency. Attention focus was determined by recording eye movements.

Results. The findings suggest that the modulations of contrast and orientation had an advantage in the competition for attention among dimensions. When the choice was made between the images of the same dimension, the images formed from the middle-range spatial frequencies had the advantage in the competition for attention.

Discussion. The present study is the first to address the priorities among the modulations in competition for attention. Higher average rates of output signals in the second-order filters that form the test image increase the probability that this image will attract participants' attention.

Conclusion. The second-order filters can play the role of attention gates. In addition, the filters with higher rates of their output signals have an advantage in competing for attention in visual search. The Appendix describes the models of the second-order visual mechanisms, which the authors used for preparing the study stimuli.

Keywords

brightness gradients, spatial modulation, visual filters, contrast, orientation, spatial frequency, envelope selection, eye movements, attention control, simulation

Highlights

- ▶ Among the modulations of different dimensions, modulations of contrast and orientation are of higher priority in the competition for attention.
- ▶ Among the modulations of the same dimension, modulation with the average carrier frequency is of higher priority in the competition for attention.
- ▶ The second-order filters with the highest rates of output signals have an advantage in the competition for attention in visual search.

For citation

Babenko V.V., Yavna D.V. Competition for Attention Among Spatial Modulations of Brightness Gradients. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 160–189 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.8

Original manuscript received 13.02.2018

Введение

Пытаясь ответить на вопрос о механизмах управления зрительным вниманием, многие авторы использовали данные о движениях глаз [1, 2, 3, 4]. Один из важных выводов этих исследований состоит в том, что начальные фиксации определяются главным образом физическими параметрами элементов сцены, а последующие – их семантикой [5, 6, 7].

Когда речь идет об управлении вниманием «снизу», следует отдавать себе отчет в том, что внимание притягивается не объектами внешнего мира, а результатами их преаттентивной обработки. Такими результатами являются, в частности, выделяемые стриарными нейронами градиенты яркости [8, 9]. Исследования показали, что в конкуренции за внимание побеждают те градиенты, которые имеют, например, больший контраст [10]. Были определены и другие параметры перепадов яркости, которые влияют на направленность внимания [11, 12, 13].

Однако в такого рода экспериментах использовались, как правило, искусственно созданные стимулы. Когда же исследователи переходили к реальным сценам, ни одна из моделей управления вниманием не могла с достаточной точностью предсказать распределение фиксаций взора [14, 15, 16]. Это можно объяснить тем, что внимание могут притягивать не только локальные фрагменты изображения, но и более сложные конструкции. Но какая еще информация может присутствовать на выходе преаттентивной обработки, кроме локальных признаков?

В последние десятилетия были предсказаны, обнаружены и подробно изучены так называемые зрительные фильтры 2-го порядка (Ф2П), которые объединяют выходы простых стриарных нейронов (фильтров 1-го порядка) [17, 18, 19]. О наличии в мозге определенного нейрофизиологического субстрата, обеспечивающего обнаружение и анализ пространственных модуляций первичных зрительных признаков, свидетельствуют, в том числе, и данные, полученные Д. В. Явна с соавт. [20, 21].

Ф2П обнаруживают пространственные модуляции градиентов яркости. И именно такие модуляции делают видимый нами мир бесконечно разнообразным (также как модуляции тонов делают разнообразным звуковой мир). Вполне логично предположить, что выходы Ф2П также конкурируют за внимание. Однако данная проблема находится лишь в начале своего решения. Известно, что пространственные модуляции могут иметь разную размерность: это могут быть изменения контраста, ориентации или пространственной частоты градиентов яркости. Кроме того, эти модуляции выделяются зрительной системой человека в шести разных диапазонах пространственных частот (по числу зрительных путей). А это также может быть фактором, определяющим приоритетность тех или иных областей изображения.

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы определить, как при конкуренции за внимание распределяются приоритеты среди модуляций разной размерности одинаковой пространственной частоты и среди модуляций разной пространственной частоты в рамках одной размерности. В первом эксперименте за внимание испытуемого конкурировали три изображения одного и того же объекта, сформированные из его областей с модуляциями контраста, ориентации и пространственной частоты. Во втором эксперименте конкурирующие изображения были сформированы из модуляций одной размерности, но отличались пространственной частотой.

О привлечении внимания к тестовым изображениям судили по результатам регистрации движений глаз. Появляясь в поле зрения, новый объект автоматически привлекает к себе внимание, вызывая перевод взора. Если одновременно появляется несколько объектов, то возникает ситуация их конкуренции за внимание. Учитывая, что направленность взора может зависеть от множества факторов, а сам глазодвигательный акт складывается фактически в ходе самого процесса зрительного восприятия [22], наша задача состояла в том, чтобы выделить из этой сложной совокупности взаимосвязанных процессов самый начальный и наиболее автоматизированный этап – первый перевод взора [23].

Методы

Испытуемые

В каждом из экспериментов приняли участие по 20 испытуемых обоего пола (в первом эксперименте – 9 мужчин и 11 женщин, во втором эксперименте – по 10 человек) в возрасте от 20 до 32 лет. Все имели нормальное или скорректированное до нормы зрение. Все убеждались в безопасности процедуры и участвовали в исследовании добровольно. Исследование проводилось с соблюдением этических норм, в соответствии с Хельсинским соглашением, и одобрено местной комиссией по этике.

Аппаратура

Для регистрации движений глаз использовался трекер RED-m производства SensoMotoric Instruments GmbH (SMI), подключенный к персональному компьютеру с процессором Intel Core i5-4460 и графическим адаптером Nvidia GT 730, работающему под управлением ОС Windows 10. Стимулы демонстрировались на дисплее ViewSonic VX2263Smhl с отключенной функцией динамического контраста и пиксельным разрешением 1920 на 1080 точек. Процедура предъявления была организована в программе SMI Experiment Center 3.6.

Стимулы

Для подготовки стимулов использовались оцифрованные полутоновые фотографии 100 объектов разных категорий (естественной и искусственной природы). Изображения были выровнены по средней яркости и диапазону контраста, приведены к единому размеру, помещены на однородный фон и подвергнуты обработке с помощью разработанной нами компьютерной модели зрительных фильтров второго порядка, избирательных к размерности модуляции (см. приложение). Целью обработки было выделить в этих объектах области с модуляциями контраста, ориентации и пространственной частоты в трех диапазонах пространственных частот (1–4, 2–8 и 4–16 цикл./град.). Эти диапазоны соответствуют частотным настройкам зрительных путей человека в нижней половине спектра [24].

Затем исходные объекты «восстанавливались» из областей, содержащих модуляции одной определенной размерности. В частности, в единое изображение объединялись фрагменты исходного объекта, содержащие модуляции контраста. Для эксперимента 1 это были области, выделенные во всех трех диапазонах пространственных частот. В результате получали «восстановленное» изображение с полосой пространственных частот порядка 4 октав (1–16 цикл./град.). Для эксперимента 2 по отдельности объединялись области, выделенные в каждом из частотных диапазонов. Результатом были 3 изображения, восстановленных из областей с модуляциями контраста, но отличающихся пиковой частотой несущей (2, 4 и 8 цикл./град.) при ширине полос 2 октавы. Таким же способом объединялись фрагменты, содержащие модуляции ориентации и модуляции пространственной частоты. В результате из каждого исходного объекта было сформировано 12 восстановленных изображений: 3 – для первого эксперимента и 9 – для второго (таблица 1).

После того, как были созданы восстановленные изображения, переходили к формированию стимулов. Каждый стимул представлял собой однородное серое поле яркостью 30 кд/м², на которое помещались три восстановленных изображения одного и того же объекта. Все они имели размер по 3,7 угл. град. и помещались в случайной позиции на условной окружности радиусом 5,75 угл. град. Расстояние между ними было всегда одинаковым. Стимулы для эксперимента 1 содержали 3 изображения разной размерности, но одинакового частотного наполнения (рисунок 1). Стимулы для эксперимента 2 включали 3 изображения одной размерности, но разной пространственной частоты (рисунок 2). В таблице 1 в рамки заключены изображения, которые объединялись в единый тестовый стимул. В общей сложности для эксперимента 1 было сформировано 100 стимулов, для эксперимента 2 – 300 (по 100 стимулов для каждой серии).

Таблица 1. Тестовые изображения, сформированные из одного исходного объекта

Table 1. Test images constructed from the original object

<p>Изображения, восстановленные из областей, содержащих модуляции контраста</p> <p><i>Images constructed from the areas containing modulations of contrast</i></p>	<p>Изображения, восстановленные из областей, содержащих модуляции ориентации</p> <p><i>Images constructed from the areas containing modulations of orientation</i></p>	<p>Изображения, восстановленные из областей, содержащих модуляции пространственной частоты</p> <p><i>Images constructed from the areas containing modulations of spatial frequency</i></p>
<p>Для эксперимента 1</p> <p>In the 1st experiment</p>		
<p>Полоса частот 4 октавы</p> <p>(от 1 до 16 цикл./град.)</p> <p>4-octave frequency band</p> <p>(1–16 cycles/degree)</p>	<p>Полоса частот 4 октавы</p> <p>(от 1 до 16 цикл./град.)</p> <p>4-octave frequency band</p> <p>(1–16 cycles/degree)</p>	<p>Полоса частот 4 октавы</p> <p>(от 1 до 16 цикл./град.)</p> <p>4-octave frequency band</p> <p>(1–16 cycles/degree)</p>

Для эксперимента 2		
In the 2nd experiment		
Серия 1 Series 1	Серия 2 Series 2	Серия 3 Series 3
Полоса частот 2 октавы (от 1 до 4 цикл./град.) 2-octave frequency band (1–4 cycles/degree)	Полоса частот 2 октавы (от 1 до 4 цикл./град.) 2-octave frequency band (1–4 cycles/degree)	Полоса частот 2 октавы (от 1 до 4 цикл./град.) 2-octave frequency band (1–4 cycles/degree)
Полоса частот 2 октавы (от 2 до 8 цикл./град.) 2-octave frequency band (2–8 cycles/degree)	Полоса частот 2 октавы (от 2 до 8 цикл./град.) 2-octave frequency band (2–8 cycles/degree)	Полоса частот 2 октавы (от 2 до 8 цикл./град.) 2-octave frequency band (2–8 cycles/degree)
Полоса частот 2 октавы (от 4 до 16 цикл./град.) 2-octave frequency band (4–16 cycles/degree)	Полоса частот 2 октавы (от 4 до 16 цикл./град.) 2-octave frequency band (4–16 cycles/degree)	Полоса частот 2 октавы (от 4 до 16 цикл./град.) 2-octave frequency band (4–16 cycles/degree)

Процедура

Перед началом эксперимента испытуемому зачитывалась инструкция, которая разъясняла порядок предъявления стимулов и стоящую перед ним задачу. Перед предъявлением стимула испытуемый должен был направить взор на черное перекрестье в центре экрана, заполненного однородным серым фоном яркостью 30 кд/м².

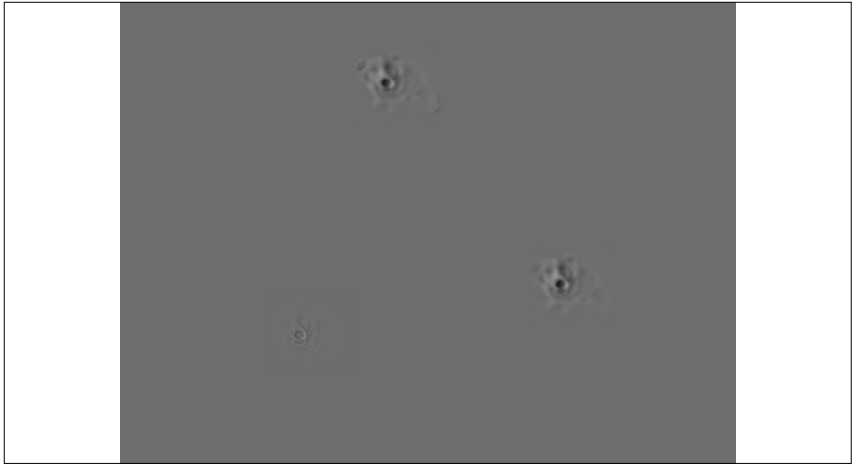

Рисунок 1. Пример стимула, использованного в эксперименте 1. Изображения собаки, сформированные из областей с модуляциями разной размерности

Figure 1. An example of a stimulus used in the 1st experiment: Images of a dog composed of different in dimension modulations

Запуск каждого очередного стимула осуществлялся экспериментатором: поле с перекрестьем сменялось полем той же яркости с расположенными на нем тремя изображениями.

После их появления испытуемый мог свободно переводить взор. Время предъявления стимулов было ограничено одной секундой. Задача испытуемого состояла в определении локализации показанных изображений. Свой ответ он сообщал, ориентируясь на условный циферблат часов. В каждой пробе регистрировалась траектория движений глаз.

В целях повышения точности регистрации движений глаз голова испытуемого располагалась в лобно-подбородном упоре на расстоянии 60 см от экрана монитора. Перед началом эксперимента проводилась калибровка регистратора с помощью встроенной программы. Регистрация глазных движений осуществлялась в бинокулярном режиме с частотой 60 Гц.

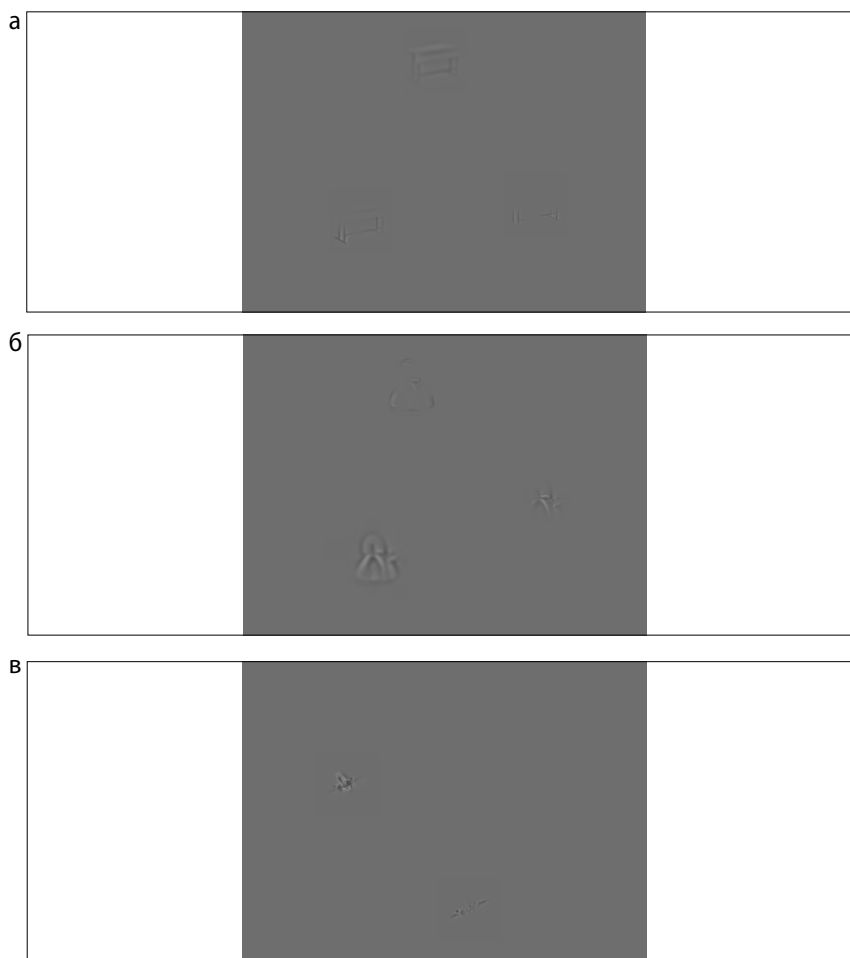

Рисунок 2. Примеры стимулов, использованных в эксперименте 2

Условные обозначения: а – изображения (парта) сформированы из областей с модуляциями контраста разной пространственной частоты; б – изображения (чайник) сформированы из областей с модуляциями ориентации; в – изображения (самолет) сформированы из областей с модуляциями пространственной частоты.

Figure 2. Examples of stimuli used in the 2nd experiment

Legend: а – images (a school desk) constructed from the areas with the modulations of contrast differing in their spatial frequency; б – images (a kettle) constructed from the areas with the modulations of orientation; в – images (an airplane) constructed from the areas with the modulations of spatial frequency.

Обработка результатов

Анализ фиксаций взгляда осуществлялся в отсроченном режиме с использованием программы SMI IDF Event Detector 3.0.20. Применялись настройки, принятые по умолчанию: время фиксации не должно быть менее 80 мс, максимальная дисперсия – 100 пикселей (примерно 2,34 угл. град.). Данные о фиксациях визуализировались средствами языка оболочки bash и пакета графических утилит ImageMagick.

Определялось, на какое из предъявленных изображений осуществлялся первый перевод взгляда. Затем для каждого испытуемого вычислялся процент первых фиксаций, направленных на каждое из конкурирующих изображений. Для определения статистической значимости обнаруженных различий использовался G-критерий согласия, принадлежащий к группе тестов отношения правдоподобия. Данный критерий является более универсальной альтернативой χ^2 , т. к. обладает свойством аддитивности и позволяет объединять результаты, полученные на разных испытуемых [25].

Результаты

Эксперимент 1

В первом эксперименте мы исследовали приоритетность пространственных модуляций разной размерности в конкуренции за внимание. При этом восстановленные изображения не отличались по пространственной частоте.

Оказалось, что первая фиксация взгляда могла быть направлена на любое из показанных изображений. То есть за внимание конкурировали все использованные модуляции. Однако вероятность, с которой каждая из них притягивала внимание, была разной. Обобщение данных по всем испытуемым показало, что в 36 % случаев первый перевод взгляда осуществлялся на изображение, сформированное из модуляций контраста. В 35 % случаев приоритет оставался за модуляциями ориентации. И лишь в 29 % случаев внимание испытуемого привлекала модуляция пространственной частоты. Результаты, приведенные в таблице 2, указывают на то, что обнаруженные различия не случайны.

Оказалось, что модуляции пространственной частоты реже становились целью первой фиксации, чем модуляции контраста и ориентации. В то же время и модуляции контраста, и модуляции ориентации привлекали внимание испытуемых примерно с равной вероятностью.

Таким образом, результаты эксперимента 1 свидетельствуют о том, что внимание могут привлекать пространственные модуляции любой размерности. Однако модуляции контраста и ориентации более эффективны в конкуренции за внимание, чем модуляции пространственной частоты.

Таблица 2. Результаты статистического сравнения вероятностей первой фиксации взора на изображениях, сформированных из модуляций контраста, ориентации и пространственной частоты

Table 2. Results of statistical comparing the probabilities of participants' first fixation on the images composed of the modulations of contrast, orientation, and spatial frequency

Пары сравнения Comparing pairs	G-критерий G-criterion	p-значение (двустороннее) p-value (two-tailed)
Модуляция контраста – модуляция частоты Modulation of contrast – modulation of spatial frequency	12,9520	0,0003
Модуляция контраста – модуляция ориентации Modulation of contrast – modulation of orientation	0,0711	0,7897
Модуляция ориентации – модуляция частоты Modulation of orientation – modulation of spatial frequency	11,1054	0,0009

Примечание: здесь и далее жирным шрифтом выделены статистически значимые отличия.
Note: here and below statistically significant differences are marked in bold.

Эксперимент 2

В этом эксперименте мы сравнивали способность демонстрируемых изображений привлекать внимание, когда они были сформированы из модуляций одной размерности, но отличались пространственной частотой. Эксперимент состоял из трех серий: в первой использовались модуляции контраста, во второй – модуляции ориентации, в третьей – модуляции пространственной частоты. Очередность серий менялась от испытуемого к испытуемому случайным образом. В остальном эксперимент повторял предыдущий.

Серия 1.

Оказалось, что когда стимулы были сформированы из модуляций контраста, самые низкочастотные из использованных изображений (пиковая частота 2 цикл./град.) становились целью первой фиксации в 28 % случаев. Изображения с более высокой пространственной частотой (4 цикл./град.) притягивали взор в 29 % случаев, а самые высокочастотные из использованных (8 цикл./град.) – в 22 %. Можно обратить внимание, что сумма всех указанных значений меньше 100 %. Это объясняется тем, что в некоторых пробах взгляд испытуемого не фиксировался на каком-либо из показанных объектов. Результаты статистического сравнения данных, полученных для изображений, сформированных из модуляций контраста разной пространственной частоты, показаны в таблице 3.

Приведенные в таблице 3 данные свидетельствуют о том, что когда все три изображения в стимулах были сформированы из модуляций контраста, самые высокочастотные существенно (статистически значимо) уступали другим в конкуренции за внимание. Вместе с тем два других изображения привлекали внимание испытуемых с равной вероятностью.

Таблица 3. Результаты статистического сравнения вероятностей первой фиксации взора на изображениях разной пространственной частоты, сформированных из модуляций контраста

Table 3. Results of statistical comparing the probabilities of participants' first fixation on the images composed of the modulations of contrast differing in their spatial frequency

<i>Пары сравнения</i> <i>Comparing pairs</i>	<i>G-критерий</i> <i>G-criterion</i>	<i>p-значение</i> <i>(двустороннее)</i> <i>p-value (two-tailed)</i>
8 цикл./изобр. – 16 цикл./изобр. 8 cycles/image – 16 cycles/image	0,0009	0,9764
8 цикл./изобр. – 32 цикл./изобр. 8 cycles/image – 32 cycles/image	19,8873	0,0000
16 цикл./изобр. – 32 цикл./изобр. 16 cycles/image – 32 cycles/image	20,1512	0,0000

Серия 2.

Когда демонстрировались стимулы, в которых все три изображения были сформированы из модуляций ориентации, вероятность первой фиксации распределилась между изображениями разной пространственной частоты следующим образом. Самые низкочастотные притягивали взор в 21 % случаев, изображения «средней» пространственной частоты – в 25 %, более высокочастотные – в 23 % предъявлений. Чтобы определить, являются ли обнаруженные различия статистически значимыми, мы воспользовались все тем же G-критерием (см. таблицу 4).

Модуляции ориентации разной частоты, как и модуляции контраста, также демонстрировали статистически значимые различия в способности притягивать внимание испытуемых. Причем первый перевод взора чаще направлялся на изображения «средней» пространственной частоты. Однако, в отличие от модуляций контраста, реже других привлекали внимание самые низкочастотные изображения.

Таблица 4. Результаты статистического сравнения вероятностей первой фиксации взора на изображениях разной пространственной частоты, сформированных из модуляций ориентации

Table 4. Results of statistical comparing the probabilities of participants' first fixations on the images composed of the modulations of orientation differing in their spatial frequency

Пары сравнения Comparing pairs	G-критерий G-criterion	p-значение (двустороннее) p-value (two-tailed)
8 цикл./изобр. – 16 цикл./изобр. 8 cycles/image – 16 cycles/image	8,0509	0,0045
8 цикл./изобр. – 32 цикл./изобр. 8 cycles/image – 32 cycles/image	1,7428	0,1868
16 цикл./изобр. – 32 цикл./изобр. 16 cycles/image – 32 cycles/image	2,3044	0,1290

Серия 3.

В третьей серии экспериментов изображения были сформированы из модуляций пространственной частоты. Эти изображения отличались базовой пространственной частотой несущей (2, 4 и 8 цикл./град.), т. е. частотой, относительно которой имела место пространственная модуляция. Были получены следующие результаты.

Не было зарегистрировано ни одного случая направления первой фиксации взгляда на изображения с самой низкой базовой частотой. Это связано с тем, что на данной частоте искомые модуляции имеют очень низкую (часто подпороговую) амплитуду.

Из двух оставшихся изображений значительно чаще внимание привлекало то, базовая частота которого была ниже (в нашей градации «средней»). Это происходило в 36 % случаев. Самые высокочастотные из использованных изображений привлекали внимание в 22 % случаев. Результаты статистического сравнения полученных величин приведены в таблице 5. Поскольку не имело смысла включать в статистический анализ результат, равный нулю (отсутствие фиксации на изображениях самой низкой частоты), мы сравнили лишь показатели, отличные от нуля.

Таблица 5. Результаты статистического сравнения вероятностей первой фиксации взгляда на изображениях разной пространственной частоты, сформированные из модуляций пространственной частоты

Table 5. Results of statistical comparing the probabilities of participants' first fixation on the images composed of the modulations of spatial frequency differing in their spatial frequency

<i>Пары сравнения</i> <i>Comparing pairs</i>	<i>G-критерий</i> <i>G-criterion</i>	<i>p-значение</i> <i>(двустороннее)</i> <i>p-value (two-tailed)</i>
8/32 цикл./изобр. – 16/64 цикл./изобр. 8/32 cycles/image – 16/64 cycles/image	65,9156	0,0000

Полученный результат указывает на сохранение все той же закономерности: более приоритетными для внимания являются модуляции, имеющие среднюю базовую пространственную частоту.

Таким образом, результаты второго эксперимента демонстрируют сходную закономерность для модуляций всех размерностей: более конкурентоспособными за внимание в рамках одной размерности оказались изображения, сформированные из «средних» пространственных частот.

Обсуждение результатов

Совершенно очевидно, что пространственные неоднородности привлекают зрительное внимание. Взор в первую очередь будет направлен на границу между текстурами, а не на однородную область [26, 27]. Оказалось, что локализации фиксаций взора при рассматривании естественных изображений значительно лучше предсказываются моделью, когда карты целеуказаний (*saliency maps*) строятся с учетом пространственных модуляций градиентов яркости [28, 29, 30]. Однако возникает следующий вопрос: как сами модуляции конкурируют за внимание, какие пространственные неоднородности более приоритетны для привлечения внимания?

Мы попытались ответить на этот вопрос в эксперименте 1. Оказалось, что ни одна из размерностей модуляции не имеет абсолютного преимущества перед другими: за внимание конкурируют все. Но в то же время они не равноценны в этой конкуренции. Модуляции пространственной частоты статистически значимо уступают двум другим. Чем это можно объяснить?

Самым простым объяснением представляется следующее: из трех конкурирующих изображений первый перевод взора с большей вероятностью будет направляться на то, которое имеет более высокую энергию (большую спектральную мощность). Мы сравнили усредненные спектры изображений, сформированных из модуляций контраста, ориентации и пространственной частоты (усреднялось по 100 спектров для каждой размерности модуляции). Результат показан на рисунке 3.

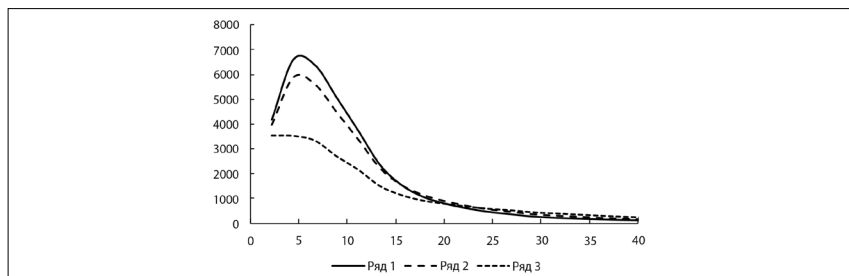

Рисунок 3. Средняя спектральная мощность изображений, сформированных из модуляций контраста (ряд 1), ориентации (ряд 2) и пространственной частоты (ряд 3)

Условные обозначения: по оси абсцисс – пространственная частота (в цикл./изобр.), по оси ординат – мощность сигнала (в усл. ед.).

Figure 3. Average spectral power of images constructed from the modulations of contrast (row 1), orientation (row 2), and spatial frequency (row 3)

Legend: the abscissa shows spatial frequency (cycles/image); the ordinate shows signal strength (conventional units).

Приведенный график подтверждает сделанное предположение: большую энергию имеют изображения, сформированные из областей с модуляциями контраста или ориентации. Изображения, сформированные из областей с модуляциями пространственной частоты, обладают существенно меньшей спектральной мощностью.

Чтобы еще раз проверить данное предположение, мы воспользовались результатами второго эксперимента. Следовало ожидать, что среди изображений одной размерности модуляции, но разной пространственной частоты, целью первой фиксации чаще должны быть те, которые имеют большую спектральную мощность. Мы вновь усреднили спектры всех восстановленных изображений, теперь в пределах определенной модуляции и пространственной частоты. Результат показан на рисунке 4.

Напомним, что во втором эксперименте первый перевод взора чаще направлялся на изображения, сформированные из «средних» пространственных частот. Однако приведенные графики подтверждают эту закономерность только для модуляций пространственной частоты (рисунок 4В), и то лишь потому, что модуляции данной размерности фактически отсутствуют в самом низкочастотном диапазоне. Таким образом, предположение, что приоритетными для внимания являются изображения с большей спектральной мощностью, не нашло подтверждения.

Однако возможно еще одно объяснение полученным результатам. Очевидно, что для управления вниманием «снизу» значение имеет не то, как распределен сигнал на входе зрительной системы, а то, как распределена нейронная активность на выходе преаттентивной стадии. В данном случае речь идет о «карте» пространственных модуляций. Приоритетной для внимания должна быть та область карты, которая характеризуется наибольшей активностью фильтров второго порядка. Данное предположение может быть проверено с использованием компьютерной модели этих фильтров. Одним из результатов работы этой модели как раз и является построение карты активности на выходах фильтров второго порядка (см. приложение).

Сначала обратимся к результатам второго эксперимента. Воспользовавшись расчетами модели, мы вычислили средний выход фильтров второго порядка для каждого восстановленного изображения, а затем полученные значения усреднили по 100 изображениям определенной размерности и пространственной частоты. Полученный результат показан на рисунке 5.

Гистограммы свидетельствуют о том, что для всех модуляций наибольший выход (в среднем) имеют фильтры второго порядка, настроенные на «средние» пространственные частоты. Напомним, что в эксперименте 2 первый перевод взора чаще всего направлялся именно на те изображения, которые были составлены из модуляций «средней» пространственной частоты.

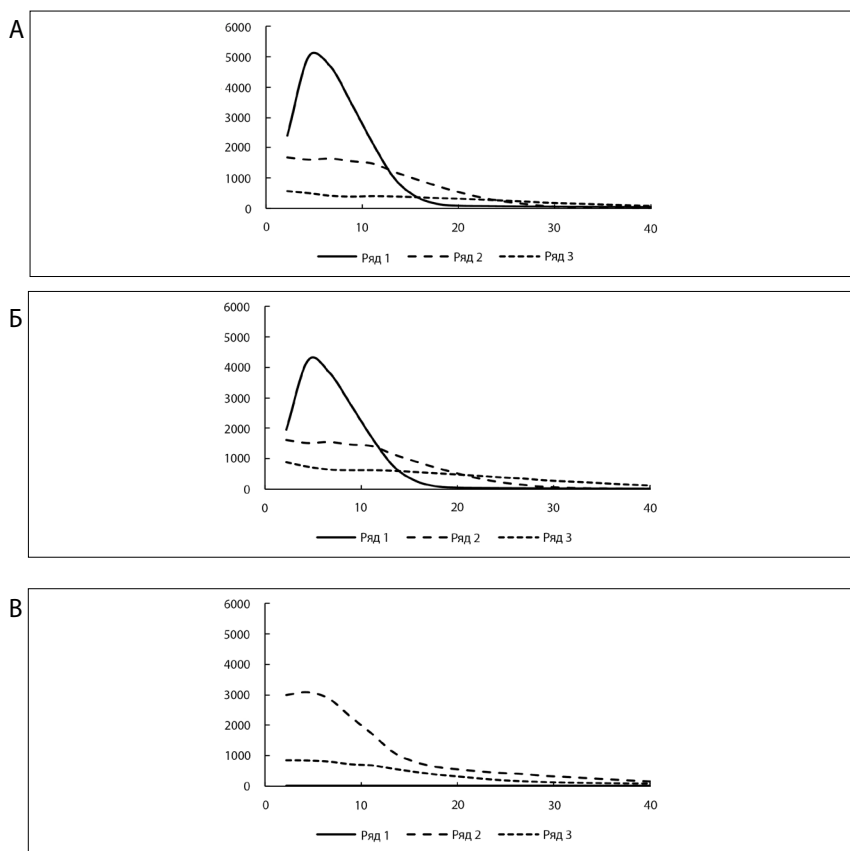

Рисунок 4. Средняя спектральная мощность изображений разной пространственной частоты, сформированных из модуляций контраста (А), ориентации (Б) и пространственной частоты (В)

Условные обозначения: ряд 1 – спектры мощности изображений с пространственной частотой 8 цикл./изобр.; ряд 2 – 16 цикл./изобр.; ряд 3 – 32 цикл./изобр. (для модуляций пространственной частоты, соответственно, 4/16, 8/32 и 16/64 цикл./изобр.). По оси абсцисс – пространственная частота (цикл./изобр.), по оси ординат – мощность сигнала (в усл. ед.).

Figure 4. Average spectral power of images constructed from the modulations of contrast (A), orientation (B), and spatial frequency (C) differing in their spatial frequency

Legend: row 1 – power spectrum of images in a spatial frequency of 8 cycles/image; row 2 – 16 cycles/image; row 3 – 32 cycles/image (for the modulation of spatial frequency – 4/16, 8/32, and 16/64 cycles/image respectively). The abscissa shows spatial frequency (cycles/image); the ordinate shows signal strength (conventional units).

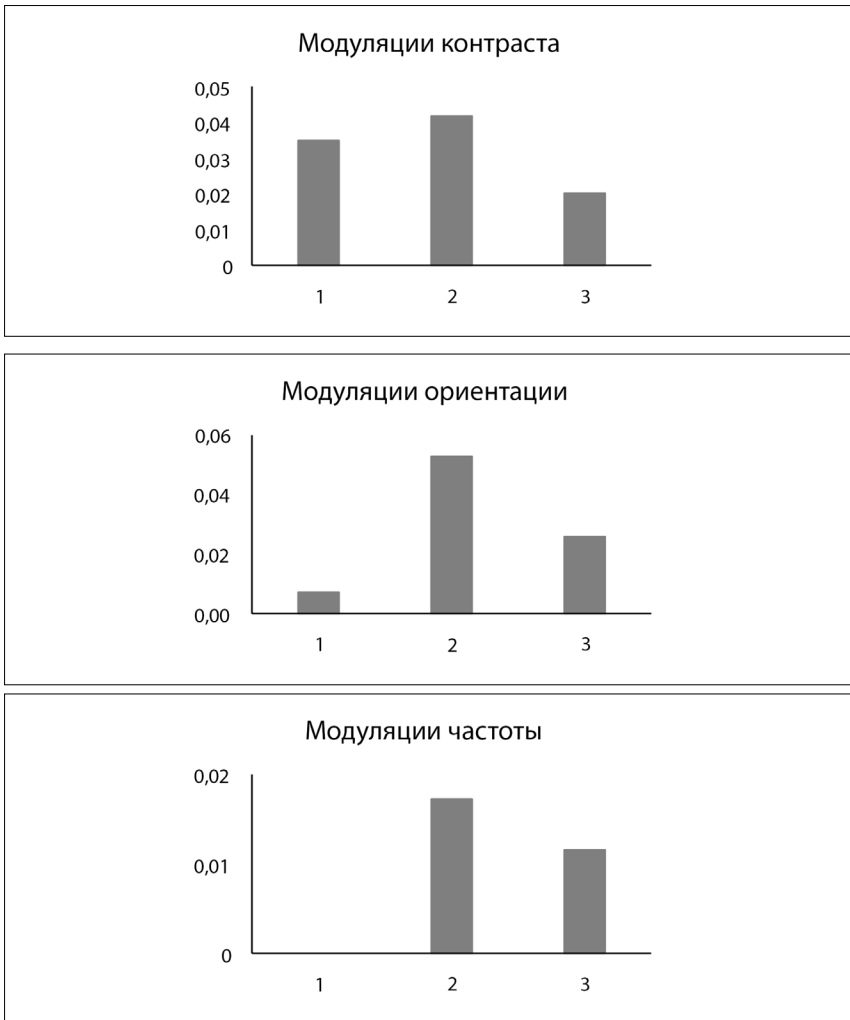

Рисунок 5. Средний выход (нормализованный) фильтров первого, второго и третьего слоя модели, участвующих в формировании тестовых изображений разной пространственной частоты

Figure 5. Average rates (normalized) of output signals in the first-, second-, and third-order filters involved in constructing test images differing in their spatial frequency

Теперь вернемся к результатам первого эксперимента. Мы вновь воспользовались расчетами модели и вычислили средний выход фильтров второго порядка для каждого восстановленного изображения. Затем мы усреднили полученные результаты внутри каждой размерности модуляции (рисунок 6).

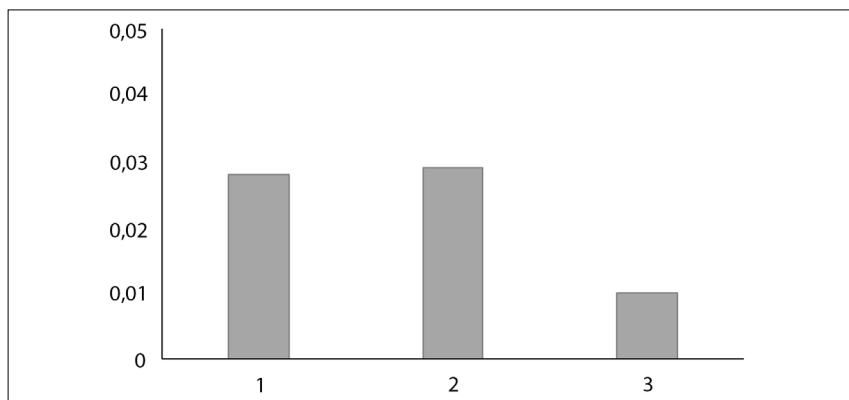

Рисунок 6. Средний выход Ф2П, формирующих тестовые изображения из разных модуляций

Условные обозначения: 1 – модуляции контраста, 2 – ориентации, 3 – пространственной частоты.

Figure 6. Average rates of second-order filters output signal constructing test images from different modulations

Legend: 1 – modulations of contrast, 2 – orientation, and 3 – spatial frequency.

График подтверждает правильность высказанного предположения. В среднем больший выход имеют фильтры второго порядка, избирательные к модуляциям контраста или ориентации. Изображения, сформированные именно из этих модуляций, чаще становились целью первой фиксации, чем изображения, собранные из модуляций пространственной частоты.

Итак, результаты обоих экспериментов согласуются с предположением, что внимание привлекается к тем областям поля зрения, которым соответствует больший средний уровень активности нейронов, выполняющих функцию фильтров второго порядка. Уровень же активности этих элементов пропорционален амплитуде выделенной ими модуляции. Таким образом, в конкуренции за внимание приоритет имеют области поля зрения, в которых более выражены пространственные изменения градиентов яркости.

Если перейти от искусственных условий нашего эксперимента к реальной ситуации, то картина может быть следующей. Когда в поле зрения появляется несколько разных объектов, внимание с большей вероятностью сначала

будет направляться на тот объект, который содержит большие по амплитуде модуляции градиентов яркости (независимо от того, что изменяется: контраст, ориентация или пространственная частота). Внутри самого объекта области интереса также будут определяться наличием наиболее выраженных пространственных изменений. При этом с большей вероятностью это будут участки, в которых находятся модуляции контраста или ориентации в области средних пространственных частот, поскольку оказалось, что именно эти модуляции чаще имеют более высокую амплитуду в изображениях реальных объектов.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Среди пространственных неоднородностей целью внимания чаще становятся модуляции контраста и ориентации в диапазоне средних пространственных частот.

2. Физиологическим механизмом управления вниманием «снизу» может быть распределение активности среди фильтров второго порядка. «Воротами» внимания с большей вероятностью становятся фильтры, имеющие более высокую активность.

3. Внимание привлекают области поля зрения с наибольшей амплитудой пространственных изменений параметров градиентов яркости.

Приложение

Многочисленные исследования [17] свидетельствуют о том, что преаттентивный этап зрительной обработки включает две стадии: выделение и кодирование отдельных градиентов яркости стриарными нейронами, а также пространственное объединение этой локальной информации экстрастриарными нейронами. В результате на выходе преаттентивной обработки выделяются области изображения, содержащие пространственные неоднородности: модуляции контраста, ориентации или пространственной частоты градиентов яркости. Разработанная нами компьютерная модель реализует 4 базовые операции: фильтрацию 1-го порядка, выпрямление, фильтрацию 2-го порядка и сегментацию входного изображения. Две первые операции моделируют работу фильтров 1-го порядка, две последующие операции – работу фильтров 2-го порядка.

На вход модели подается цифровое изображение – растр, представленный 256 градациями яркости и помещенный в массив $L(x, y)$, где $x = 1, \dots, n_x; y = 1, \dots, n_y$.

Фильтрация 1-го порядка.

Импульсная характеристика фильтра 1-го порядка (весовая функция Габора) описывается следующим выражением [31]:

$$G_{\lambda\theta\varphi\gamma}(x, y) = \exp\left(-\frac{-x'^2 + \gamma^2 y'^2}{2\sigma^2}\right) \cos\left(2\pi\frac{x'}{\lambda} + \varphi\right),$$

$$x' = x\cos\theta + y\sin\theta,$$

$$y' = -x\sin\theta + y\cos\theta,$$

где

λ – длина волны фильтра на пиковой частоте фильтрации;

b – полоса пропускания фильтра по пространственной частоте;

θ – пиковая ориентация фильтра;

γ – полоса пропускания фильтра по ориентации;

φ – фазовый сдвиг фильтра.

Поскольку

$$\frac{\sigma}{\lambda} = \frac{1}{\pi} \sqrt{\frac{\ln 2}{2} \cdot \frac{2^b + 1}{2^b - 1}}$$

параметр σ может быть вычислен из λ и b .

Настройки фильтров, последовательность выполнения операций фильтрации и их число задаются следующими управляющими параметрами:

- количеством пространственно-частотных каналов n_λ ;
- числом фазово-избирательных каналов – n_φ ;
- частотными настройками $\lambda(i)$ каждого канала, $i = 0, \dots, n_\lambda - 1$;
- количеством ориентационно-избирательных каналов n_θ ;
- ориентационными настройками $\theta(j)$ каждого ориентационно-избирательного канала, $j = 0, \dots, n_\theta - 1$.

На основании физиологических данных были приняты следующие значения управляющих параметров:

- $n_\lambda = 6$ и $\lambda(i) = p \cdot 2^{i-1}$, где $i = 0, \dots, n_\lambda - 1$, а p – коэффициент перехода от условных единиц к пикселям;
- $n_\theta = 6$ и $\theta(j) = q \cdot j$, где $j = 0, \dots, n_\theta - 1$, а q – коэффициент перехода к градусам ($q = 30$);
- $n_\varphi = 2$ и $\varphi(k) = 90 \cdot k$, где $k = 0, \dots, n_\varphi - 1$;
- $b = 2$;
- $\gamma = 0,5$.

Полосовая фильтрация входного изображения реализуется набором линейных фильтров с разной фазовой, ориентационной и пространственно-частотной настройкой:

$$E_{\lambda(i)\theta(j)\varphi(k)}(x, y) = L(x, y) * G_{\lambda(i)\theta(j)\varphi(k)\sigma\gamma}(x, y).$$

Выпрямление.

Значения выходов двух фильтров, имеющих одинаковые пространственно-частотные и ориентационные, но разные фазовые настройки, рассчитываются как квадратные корни поэлементных сумм квадратов выходов этих фильтров:

$$E_{\lambda(i)\theta(j)}(x, y) = \sqrt{\sum_{k=0}^{n_{\varphi}-1} E_{\lambda(i)\theta(j)\varphi(k)}(x, y)^2}.$$

Результаты операций фильтрации и выпрямления записываются в массивы $E_{\lambda(i)\theta(j)}(x, y)$, которые являются входами для следующей операции – фильтрации 2-го порядка. Общее число массивов равно $n_{\lambda} * n_{\theta}$ (по числу фильтров с разными пространственно-частотными настройками для каждой ориентации фильтра).

Фильтрация 2-го порядка.

Массивы $E_{\lambda(i)\theta(j)}(x, y)$ являются входом для фильтров 2-го порядка. В модели реализовано фиксированное отношение частотных настроек фильтров 1-го и 2-го порядка, задаваемое коэффициентом R .

На уровне фильтров 2-го порядка повторяется операция полосовой линейной фильтрации, которая описывается следующим выражением:

$$S(x, y) = A(x, y) - I(x, y),$$

где A – свертка E с возбудительной частью поля, I – свертка E с тормозной частью поля.

Свертка с возбудительной частью поля является общей для всех фильтров и описывается следующим выражением:

$$A(x, y) = E_{\lambda(c)\theta(d)}(x, y) * G_{p(\lambda(c)-R)\theta(d)\varphi\sigma\gamma}(x, y),$$

где G_p – весовая функция возбудительной части поля, причем $c \in I = \{i = 0, \dots, n_{\lambda} - 1\}$, $d \in J = \{j = 0, \dots, n_{\theta} - 1\}$.

Свертка с тормозной частью поля отличается для фильтров, избирательных к разной размерности модуляции. Именно организация тормозных флангов фильтра определяет его специфичность.

Для фильтров, избирательных к модуляциям контраста, свертка с тормозной частью поля описывается следующим выражением:

$$I(x, y) = \max(E_{\lambda(I \setminus \{c\}) \theta(J \setminus \{d\})}(x, y)) * G_{n(\lambda(c) \cdot R) \theta(d) \phi \sigma \gamma}(x, y),$$

где \setminus – оператор исключения из множества, \max – поэлементный оператор выбора максимального из соответственных значений нескольких матриц с согласованными размерами, G_n – весовая функция тормозной части поля.

Избирательность фильтра к модуляциям контраста достигается тем, что его тормозные фланги сформированы выходами фильтров 1-го порядка во всем диапазоне ориентационных и частотных настроек.

Для фильтров, избирательных к модуляциям ориентации, свертка с тормозной частью поля описывается следующим выражением:

$$I(x, y) = (K \cdot \text{summ}(E_{\lambda(I) \theta(d)}(x, y))) * G_{n(\lambda(c) \cdot R) \theta(d) \phi \sigma \gamma}(x, y),$$

где K – весовой коэффициент тормозного входа, summ – оператор сложения матриц.

Избирательность фильтра к модуляциям ориентации обеспечивается объединением в тормозных флангах выходов фильтров 1-го порядка во всем диапазоне частотных настроек.

Для фильтров, избирательных к модуляциям пространственной частоты, свертка с тормозной частью поля описывается следующим выражением:

$$I(x, y) = (K \cdot \text{summ}(E_{\lambda(c) \theta(J)}(x, y))) * G_{n(\lambda(c) \cdot R) \theta(d) \phi \sigma \gamma}(x, y).$$

Избирательность фильтра к модуляциям пространственной частоты достигается благодаря тому, что тормозные фланги сформированы выходами фильтров 1-го порядка во всем диапазоне ориентационных настроек.

Для фильтров, избирательных к модуляциям ориентации и пространственной частоты, дополнительно вводится операция нормирования входа $E_{\lambda(c) \theta(J)}(x, y)$ относительно результатов его фильтрации фильтром Гаусса ($\sigma = 2 \cdot \lambda(c)$). Это сделано для того, чтобы добиться их нечувствительности к модуляциям контраста. Результатами выполнения операций свертки для каждой длины волны и ориентации фильтра будут n_0 массивов $I_{(\lambda(c) \cdot R) \theta(d)}(x, y)$. Результаты фильтрации на каждой частоте объединяются между ориентациями при помощи операции \max :

$$I_{(\lambda(c) \cdot R)}(x, y) = \max(I_{(\lambda(c) \cdot R) \theta(J)}(x, y)).$$

Сегментация.

Завершающей операций работы модели является построение карты потенциальных целей внимания. Для этого выполняются следующие действия:

1. Латеральное торможение между выходами фильтров 2-го порядка реализуется операцией фильтрации каждого $I_{(\lambda(c),R)}(x,y)$ с маской, предложенной Х. Дуанем с соавт. [32]:

$$U = \begin{matrix} 0,025 & 0,025 & 0,025 & 0,025 & 0,025 \\ 0,025 & 0,075 & 0,075 & 0,075 & 0,025 \\ 0,025 & 0,075 & 1 & 0,075 & 0,025 \\ 0,025 & 0,075 & 0,075 & 0,075 & 0,025 \\ 0,025 & 0,025 & 0,025 & 0,025 & 0,025 \end{matrix}.$$

2. В каждом массиве $I_{(\lambda(c),R)}(x,y)$ находятся локальные максимумы – фильтры 2-го порядка с наибольшим выходом по сравнению с соседями. Эти фильтры являются потенциальными воротами внимания.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (№ 17-06-50141-ОГН\18).

Acknowledgments

The study received funding through the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-06-50141).

Литература

1. Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М: Наука, 1965. 167 с.
2. Borji A., Itti L. State-of-the-Art in Visual Attention Modeling // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2013. Vol. 35, Issue 1. P. 185–207. DOI: [10.1109/tpami.2012.89](https://doi.org/10.1109/tpami.2012.89)
3. Шурупова М. А., Анисимов В. Н., Терещенко Л. В., Латанов А. В. Влияние когнитивной задачи на параметры движений глаз при просмотре статических и динамических сцен // Сенсорные системы. 2016. Т. 30, № 1. С. 53–62.
4. Zhang B., Liu S., Doro M., Galfano G. Attentional Guidance from Multiple Working Memory Representations: Evidence from Eye Movements // Scientific Reports. 2018. Vol. 8, Article number 13876. DOI: [10.1038/s41598-018-32144-4](https://doi.org/10.1038/s41598-018-32144-4)
5. Henderson J. M., Weeks P. A. Jr., Hollingworth A. The effects of semantic consistency on eye movements during complex scene viewing // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1999. Vol. 25, № 1. P. 210–228. DOI: [10.1037/0096-1523.25.1.210](https://doi.org/10.1037/0096-1523.25.1.210)
6. Orquin J. L., Loose S. M. Attention and choice: a review on eye movements in decision making // *Acta Psychologica*. 2013. Vol. 144, Issue 1. P. 190–206. DOI: [10.1016/j.actpsy.2013.06.003](https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2013.06.003)

7. *Theeuwes J.* Visual Selection: Usually Fast and Automatic; Seldom Slow and Volitional; A Reply to Commentaries // *Journal of Cognition*. 2018. Vol. 1 (1). P. 21. DOI: [10.5334/joc.32](https://doi.org/10.5334/joc.32)
8. *Treisman A. M., Gelade G.* A feature-integration theory of attention // *Cognitive Psychology*. 1980. Vol. 12, Issue 1. P. 97–136. DOI: [10.1016/0010-0285\(80\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5)
9. *Eimer M.* The neural basis of attentional control in visual search // *Trends in Cognitive Sciences*. 2014. Vol. 18, Issue 10. P. 526–535. DOI: [10.1016/j.tics.2014.05.005](https://doi.org/10.1016/j.tics.2014.05.005)
10. *Wolfe J. M., Cave K. R., Franzel S. L.* Guided search: an alternative to the feature integration model for visual search // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1989. Vol. 15, № 3. P. 419–433.
11. *Becker S. I., Harris A. M., Venini D. R., James D.* Visual search for color and shape: When is the gaze guided by feature relationships, when by feature values? // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2014. Vol. 40, № 1. P. 264–291. DOI: [10.1037/a0033489](https://doi.org/10.1037/a0033489)
12. *Cajar A., Engbert R., Laubrock J.* Spatial frequency processing in the central and peripheral visual field during scene viewing // *Vision Research*. 2016. Vol. 127. P. 186–197. DOI: [10.1016/j.visres.2016.05.008](https://doi.org/10.1016/j.visres.2016.05.008)
13. *Wolfe J. M.* Guided search 4.0. Current Progress With a Model of Visual Search // *Integrated Models of Cognitive Systems* / W. D. Gray (Ed.). Oxford University Press, 2007. P. 99–156. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780195189193.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195189193.001.0001)
14. *Canosa R. L., Pelz J. B., Mennie N. R., Peak J.* High-level aspects of oculomotor control during viewing of natural-task images // *Proceedings Volume 5007 "Human vision and electronic imaging VIII"* / B. E. Rogowitz, T. N. Pappas (Eds.). Santa Clara, California, USA, 2003. DOI: [10.1117/12.477375](https://doi.org/10.1117/12.477375)
15. *Henderson J. M., Hayes T. R., Rehrig G., Ferreira F.* Meaning Guides Attention during Real-World Scene Description // *Scientific Reports*. 2018. Vol. 8, Article number 13504. DOI: [10.1038/s41598-018-31894-5](https://doi.org/10.1038/s41598-018-31894-5)
16. *Wang W., Shen J.* Deep Visual Attention Prediction // *IEEE Transactions on Image Processing*. 2018. Vol. 27, Issue 5. P. 2368–2378. DOI: [10.1109/TIP.2017.2787612](https://doi.org/10.1109/TIP.2017.2787612)
17. *Graham N. V.* Beyond multiple pattern analyzers modeled as linear filters (as classical V1 simple cells): Useful additions of the last 25 years // *Vision Research*. 2011. Vol. 51, Issue 13. P. 1397–1430. DOI: [10.1016/j.visres.2011.02.007](https://doi.org/10.1016/j.visres.2011.02.007)
18. *Dakin S. C., Mareschall I.* Sensitivity to contrast modulation depends on carrier spatial frequency and orientation // *Vision Research*. 2000. Vol. 40, Issue 3. P. 311–329. DOI: [10.1016/S0042-6989\(99\)00179-0](https://doi.org/10.1016/S0042-6989(99)00179-0)
19. *Landy M. S., Oruç İ.* Properties of second-order spatial frequency channels // *Vision Research*. 2002. Vol. 42, Issue 19. P. 2311–2329. DOI: [10.1016/S0042-6989\(02\)00193-1](https://doi.org/10.1016/S0042-6989(02)00193-1)

20. Явна Д. В., Курприянов И. В., Кокорникова В. И. Отражение процессов восприятия модуляций ориентации в вызванных ответах мозга человека // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12, № 4. С. 161–274. DOI: [10.21702/rpj.2015.4.13](https://doi.org/10.21702/rpj.2015.4.13)
21. Hallum L. E., Movshon J. A. Surround suppression supports second-order feature encoding by macaque V1 and V2 neurons // Vision Research. 2014. Vol. 104. P. 24–35. DOI: [10.1016/j.visres.2014.10.004](https://doi.org/10.1016/j.visres.2014.10.004)
22. Барабанщиков В. А., Жегалло А. В. Регистрация и анализ направленности взора человека. М: Изд-во Института психологии РАН, 2013. 316 с.
23. Theeuwes J. Top-down and bottom-up control of visual selection // *Acta Psychologica*. 2010. Vol. 135, Issue 2. P. 77–99. DOI: [10.1016/j.actpsy.2010.02.006](https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.02.006)
24. Wilson H. R., Gelb D. J. Modified line-element theory for spatial-frequency and width discrimination // Journal of the Optical Society of America A. 1984. Vol. 1, Issue 1. P. 124–131. DOI: [10.1364/JOSAA.1.000124](https://doi.org/10.1364/JOSAA.1.000124)
25. McDonald J. H. Handbook of Biological Statistics (3rd ed.). Baltimore: Sparky House Publishing, 2014. 305 p.
26. Nothdurft H. C. Texture segmentation and pop-out from orientation contrast // Vision Research. 1991. Vol. 31, Issue 6. P. 1073–1078. DOI: [10.1016/0042-6989\(91\)90211-M](https://doi.org/10.1016/0042-6989(91)90211-M)
27. Schmid A. M., Victor J. D. Possible functions of contextual modulations and receptive field nonlinearities: Pop-out and texture segmentation // Vision Research. 2014. Vol. 104. P. 57–67. DOI: [10.1016/j.visres.2014.07.002](https://doi.org/10.1016/j.visres.2014.07.002)
28. Johnson A., Zarei A. Second-order saliency predicts observer eye movements when viewing natural images // Journal of Vision. 2010. Vol. 10, Issue 7. P. 526. DOI: [10.1167/10.7.526](https://doi.org/10.1167/10.7.526)
29. Cheng M.-M., Mitra N. J., Huang X., Torr P. H. S., Hu S.-M. Global Contrast Based Salient Region Detection // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2015. Vol. 37, Issue 3. P. 569–582. DOI: [10.1109/tpami.2014.2345401](https://doi.org/10.1109/tpami.2014.2345401)
30. Onat S., Açık A., Schumann F., König P. The Contributions of Image Content and Behavioral Relevancy to Overt Attention // PLoS ONE. Vol. (4). e93254. DOI: [10.1371/journal.pone.0093254](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0093254)
31. Grigorescu C., Petkov N., Westenberg M. A. Contour detection based on non-classical receptive field inhibition // IEEE Transactions on Image Processing. 2003. Vol. 12, Issue 7. P. 729–739. DOI: [10.1109/TIP.2003.814250](https://doi.org/10.1109/TIP.2003.814250)
32. Duan H., Deng Y., Wang X., Xu C. Small and Dim Target Detection via Lateral Inhibition Filtering and Artificial Bee Colony Based Selective Visual Attention // PLoS ONE. 2013. Vol. 8, № 8. e72035. DOI: [10.1371/journal.pone.0072035](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0072035)

References

1. Yarbus A. L. *Rol' dvizhenii glaz v protsesse zreniya* [Eye movements and vision]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 167 p.
2. Borji A., Itti L. State-of-the-art in visual attention modeling. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2013, V. 35, Issue 1, pp. 185–207. DOI: [10.1109/tpami.2012.89](https://doi.org/10.1109/tpami.2012.89)
3. Shurupova M. A., Anisimov V. N., Tereshchenko L. V., Latanov A. V. Impact of cognitive tasks on the parameters of eye movements when viewing static and dynamic scenes. *Sensornye sistemy – Sensory Systems*, 2016, V. 30, no. 1, pp. 53–62 (in Russian).
4. Zhang B., Liu S., Doro M., Galfano G. Attentional guidance from multiple working memory representations: Evidence from eye movements. *Scientific Reports*, 2018, V. 8, Article number 13876. DOI: [10.1038/s41598-018-32144-4](https://doi.org/10.1038/s41598-018-32144-4)
5. Henderson J. M., Weeks P. A. Jr., Hollingworth A. The effects of semantic consistency on eye movements during complex scene viewing. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1999, V. 25, no. 1, pp. 210–228. DOI: [10.1037/0096-1523.25.1.210](https://doi.org/10.1037/0096-1523.25.1.210)
6. Orquin J. L., Loose S. M. Attention and choice: a review on eye movements in decision making. *Acta Psychologica*, 2013, V. 144, Issue 1, pp. 190–206. DOI: [10.1016/j.actpsy.2013.06.003](https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2013.06.003)
7. Theeuwes J. Visual selection: Usually fast and automatic; Seldom slow and volitional; A reply to commentaries. *Journal of Cognition*, 2018, V. 1 (1), p. 21. DOI: [10.5334/joc.32](https://doi.org/10.5334/joc.32)
8. Treisman A. M., Gelade G. A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 1980, V. 12, Issue 1, pp. 97–136. DOI: [10.1016/0010-0285\(80\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5)
9. Eimer M. The neural basis of attentional control in visual search. *Trends in Cognitive Sciences*, 2014, V. 18, Issue 10, pp. 526–535. DOI: [10.1016/j.tics.2014.05.005](https://doi.org/10.1016/j.tics.2014.05.005)
10. Wolfe J. M., Cave K. R., Franzel S. L. Guided search: an alternative to the feature integration model for visual search. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1989, V. 15, no. 3, pp. 419–433.
11. Becker S. I., Harris A. M., Venini D. R., James D. Visual search for color and shape: When is the gaze guided by feature relationships, when by feature values? *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2014, V. 40, no. 1, pp. 264–291. DOI: [10.1037/a0033489](https://doi.org/10.1037/a0033489)
12. Cajar A., Engbert R., Laubrock J. Spatial frequency processing in the central and peripheral visual field during scene viewing. *Vision Research*, 2016, V. 127, pp. 186–197. DOI: [10.1016/j.visres.2016.05.008](https://doi.org/10.1016/j.visres.2016.05.008)

13. Wolfe J. M. Guided search 4.0. Current progress with a model of visual search. In: W. D. Gray (ed.) *Integrated Models of Cognitive Systems*. Oxford University Press, 2007, pp. 99–156. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780195189193.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195189193.001.0001)
14. Canosa R. L., Pelz J. B., Mennie N. R., Peak J. High-level aspects of oculomotor control during viewing of natural-task images. In: B. E. Rogowitz, T. N. Pappas (eds.) *Proceedings Volume 5007 "Human vision and electronic imaging VIII"*. Santa Clara, California, USA, 2003. DOI: [10.1117/12.477375](https://doi.org/10.1117/12.477375)
15. Henderson J. M., Hayes T. R., Rehrig G., Ferreira F. Meaning guides attention during real-world scene description. *Scientific Reports*, 2018, V. 8, Article number 13504. DOI: [10.1038/s41598-018-31894-5](https://doi.org/10.1038/s41598-018-31894-5)
16. Wang W., Shen J. Deep Visual Attention Prediction. *IEEE Transactions on Image Processing*, 2018, V. 27, Issue 5, pp. 2368–2378. DOI: [10.1109/TIP.2017.2787612](https://doi.org/10.1109/TIP.2017.2787612)
17. Graham N. V. Beyond multiple pattern analyzers modeled as linear filters (as classical V1 simple cells): Useful additions of the last 25 years. *Vision Research*, 2011, V. 51, Issue 13, pp. 1397–1430. DOI: [10.1016/j.visres.2011.02.007](https://doi.org/10.1016/j.visres.2011.02.007)
18. Dakin S. C., Mareschal I. Sensitivity to contrast modulation depends on carrier spatial frequency and orientation. *Vision Research*, 2000, V. 40, Issue 3, pp. 311–329. DOI: [10.1016/S0042-6989\(99\)00179-0](https://doi.org/10.1016/S0042-6989(99)00179-0)
19. Landy M. S., Oruç İ. Properties of second-order spatial frequency channels. *Vision Research*, 2002, V. 42, Issue 19, pp. 2311–2329. DOI: [10.1016/S0042-6989\(02\)00193-1](https://doi.org/10.1016/S0042-6989(02)00193-1)
20. Yavna D. V., Kupriyanov I. V., Kokornikova V. I. The perception of the orientationally modulated textures and its expression in the visual evoked potentials. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2015, V. 12, no. 4, pp. 161–274 (in Russian). DOI: [10.21702/rpj.2015.4.13](https://doi.org/10.21702/rpj.2015.4.13)
21. Hallum L. E., Movshon J. A. Surround suppression supports second-order feature encoding by macaque V1 and V2 neurons. *Vision Research*, 2014, V. 104, pp. 24–35. DOI: [10.1016/j.visres.2014.10.004](https://doi.org/10.1016/j.visres.2014.10.004)
22. Barabanshchikov V. A., Zhegallo A. V. *Registratsiya i analiz napravlenosti vzora cheloveka* [Registration and analysis of human eye orientation]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2013. 316 p.
23. Theeuwes J. Top-down and bottom-up control of visual selection. *Acta Psychologica*, 2010, V. 135, Issue 2, pp. 77–99. DOI: [10.1016/j.actpsy.2010.02.006](https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.02.006)
24. Wilson H. R., Gelb D. J. Modified line-element theory for spatial-frequency and width discrimination. *Journal of the Optical Society of America*, 1984, V. 1, Issue 1, pp. 124–131. DOI: [10.1364/JOSAA.1.000124](https://doi.org/10.1364/JOSAA.1.000124)
25. McDonald J. H. *Handbook of biological statistics* (3rd ed.). Baltimore, Sparky House Publishing, 2014. 305 p.

26. Nothdurft H. C. Texture segmentation and pop-out from orientation contrast. *Vision Research*, 1991, V. 31, Issue 6, pp. 1073–1078. DOI: [10.1016/0042-6989\(91\)90211-M](https://doi.org/10.1016/0042-6989(91)90211-M)
27. Schmid A. M., Victor J. D. Possible functions of contextual modulations and receptive field nonlinearities: Pop-out and texture segmentation. *Vision Research*, 2014, V. 104, pp. 57–67. DOI: [10.1016/j.visres.2014.07.002](https://doi.org/10.1016/j.visres.2014.07.002)
28. Johnson A., Zarei A. Second-order saliency predicts observer eye movements when viewing natural images. *Journal of Vision*, 2010, V. 10, Issue 7, p. 526. DOI: [10.1167/10.7.526](https://doi.org/10.1167/10.7.526)
29. Cheng M.-M., Mitra N. J., Huang X., Torr P. H. S., Hu S.-M. Global contrast based salient region detection. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2015, V. 37, Issue 3, pp. 569–582. DOI: [10.1109/tpami.2014.2345401](https://doi.org/10.1109/tpami.2014.2345401)
30. Onat S., Açık A., Schumann F., König P. The contributions of image content and behavioral relevancy to overt attention. *PLoS ONE*, V. (4), e93254. DOI: [10.1371/journal.pone.0093254](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0093254)
31. Grigorescu C., Petkov N., Westenberg M. A. Contour detection based on nonclassical receptive field inhibition. *IEEE Transactions on Image Processing*, 2003, V. 12, Issue 7, pp. 729–739. DOI: [10.1109/TIP.2003.814250](https://doi.org/10.1109/TIP.2003.814250)
32. Duan H., Deng Y., Wang X., Xu C. Small and dim target detection via lateral inhibition filtering and artificial bee colony based selective visual attention. *PLoS ONE*, 2013, V. 8, no. 8, e72035. DOI: [10.1371/journal.pone.0072035](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0072035)

УДК 316.6:316.454.3

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.9)

Коллективная память о России XX века и ценности разных поколенческих групп

Виктория А. Баранова*, Мария О. Жукова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: bva06@mail.ru

Аннотация

Введение. Авторами рассматривается актуальность подхода к изучению коллективной памяти с позиций конструкционизма. При изучении коллективной памяти в данном исследовании научные задачи направлены на выявление событийного ряда, который конструирует групповые воспоминания, определяя то, что имеет для одной поколенческой группы современного общества большую значимость, чем для другой. Новизна исследования заключается в выявлении преобладающих ценностей каждой поколенческой группы и характеристике содержания коллективных воспоминаний о России XX века с учетом ведущих групповых ценностей.

Методы. В исследовании применяются методы количественного и качественного анализа: ассоциативная методика, методика для выявления ценностей Ш. Шварца, анкета для сравнения России XX века и идеальной России. Выборку исследования составили респонденты разного возраста из различных регионов России, всего 90 человек.

Результаты. Данный раздел включает описание содержания групповых воспоминаний о России XX века, групповой структуры преобладающих ценностей, результаты сравнения России XX века с идеальной Россией для трех возрастных групп. Содержание воспоминаний о России XX века и результаты сравнения России XX века и идеальной России отражают групповую поколенческую специфику: содержание представлено различными событиями; Россия представляется как страной, далекой от идеала, так и оценивается высоко. При исследовании групповых ценностей выявлено, что для каждой поколенческой группы характерна собственная структура.

Обсуждение результатов. Анализ воспоминаний о России XX века показал, что их содержание отражает групповую специфику отношения к прошлому. Полученные результаты подтвердили гипотезу о существовании групповых особенностей конструирования коллективных воспоминаний об историческом периоде, что дает возможность определять коллективную память как необходимое свойство социальной группы. В исследовании описан феномен «поколенческой сензитивности», проявляющийся в повышенной чувствительности (восприимчивости)

к прошедшим и происходящим событиям представителей разных социальных поколенческих групп.

Ключевые слова

коллективная память, групповые воспоминания, представления о прошлом, ценностные ориентации, представления о России, социальные группы, поколенческая сензитивность, межпоколенческие различия, социализация, конструкционизм

Основные положения

- ▶ в рамках социально-психологического подхода изучение коллективной памяти у разных возрастных групп осуществляется в рамках конструкционизма: коллективная память отражает групповую специфику отношения к прошлому и является социально конструируемым феноменом;
- ▶ групповая специфика конструирования коллективных воспоминаний актуализирует определенный событийный ряд исторического периода и является результатом особой интерпретации событий прошлого, что определяется интересами, потребностями, ценностями каждой из рассмотренных социальных (поколенческих) групп;
- ▶ использование социальной поколенческой группой собственных интерпретационных моделей в отношении прошлого описывается феноменом поколенческой сензитивности, отражающим чувствительность социальной группы к прошлым и происходящим событиям, особую восприимчивость событий, времени и мира в целом.

Для цитирования

Баранова В. А., Жукова М. О. Коллективная память о России XX века и ценности разных поколенческих групп // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 190–208. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.9

Материалы статьи получены 29.12.2017

UDC 316.6:316.454.3

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.9)

Collective Memory of the 20th Century Russia and Values of Different Generational Groups

Victoria A. Baranova*, Maria O. Zhukova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author. E-mail: bva06@mail.ru

Abstract

Introduction. It is important to consider collective memory from the social constructionism prospective. The present study of collective memory is aimed at identifying the event

series that constructs historic memories and determines what is more important to different generational groups of modern society. This paper is the first study on prevailing values in each generational group that characterizes the content of collective memories of the 20th century Russia.

Methods. The study employed quantitative and qualitative methods including (a) associative methods, (b) the Schwartz Value Survey, and (c) the questionnaire for comparing Russia of the 20th century and the 'ideal' Russia. The study sample consisted of 90 respondents of various ages from different regions of Russia.

Results. This section describes the content of group memories about Russia of the 20th century, the specific prevailing group values, and the results of comparing Russia of the 20th century with the 'ideal' Russia in three age groups. After analyzing the content of participants' memories, the authors conclude that various events constitute the content of group memories, reflecting the group specific generational character. In participants' representations Russia appeared to be both a far from an ideal country and a highly appreciated one. The study revealed that each generational group had its own structure of values.

Discussion. The analysis showed that the content of memories about Russia of the 20th century reflected the specific character of relation to the past in the studied groups. The results confirmed the hypothesis about specific group characteristics guiding construction of collective memories of a historical period. This allowed the authors to define collective memory as an essential feature of a social group. The study describes the phenomenon of 'generational sensitivity' that manifests itself as hypersensitivity (impressionability) toward past and current events in representatives of different social generational groups.

Keywords

collective memory, group memories, representations of past, value guidelines, representations of Russia, social groups, generational sensitivity, intergenerational differences, socialization, constructionism

Highlights

- ▶ The study of collective memory in different age groups is carried out within the constructionism framework of the socio-psychological approach. Collective memory is a socially constructed phenomenon which reflects the specific character of relation to the past within a group.
- ▶ Social groups are characterized by their specific ways of constructing collective memories that actualize a certain series of events of a historical period. They result from a special interpretation of the past events, which derives from the interests, needs, and values of each of the social (generational) group considered in the study.

► The phenomenon of generational sensitivity underlies the models of interpreting the past, common to all the members of a social generational group. It reflects sensitivity toward past and current events, time, and the world as a whole among representatives of various social groups.

For citation

Baranova V. A., Zhukova M. O. Collective Memory of the 20th Century Russia and Values of Different Generational Groups. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 190–208 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.9

Original manuscript received 29.12.2017

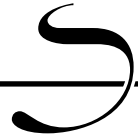
Введение

Проблематика коллективной памяти, истории, социального времени являются в настоящий момент времени актуальными и востребованными в различных науках: социологии, антропологии, культурологии, философии, истории. В рамках этих наук формулируется категориальный аппарат исследований памяти, социального времени, феноменов забвения, мобилизации социальной памяти, определяются ее функции, обсуждаются вопросы о том, как работает память, как становится ресурсом социального взаимодействия и культурного выбора [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и т. д.].

Психологическое осмысление феномена коллективной памяти в современной науке представлено различными направлениями: изучаются представления об исторических персонажах и прошлом России [15, 16, 17, 18], коллективные воспоминания о травматических событиях, преступлениях прошлого, войнах, террористических актах, стихийных бедствиях [19, 20, 21, 22, 23]; исследуется влияние коллективной памяти на межгрупповые отношения, политические установки [24]; изучается ее связь с идентичностью [25, 26, 27].

Большой интерес исследователей направлен на процессы организации памяти, взаимодействия личной памяти и коллективного прошлого, функционирования исторической подструктуры автобиографической памяти [22, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34], на выявление специфического содержания различных видов памяти коллективного субъекта (социальная память, культурная память, историческая память, национальная память, мемориальная память и т. п.) [3, 8, 13, 14, 32 и т. д.]. Отдельные аспекты коллективной памяти являются в изучении образа России и россиян [35, 36].

Тем не менее попытки осмысления феномена коллективной памяти в отечественной социально-психологической традиции являются единичными [15, 17]. Представленное в данной статье исследование отражает

социально-психологический ракурс изучения коллективной памяти, целью его является изучение феномена коллективной памяти с позиций социальных групп, что, по нашему мнению, помогает приблизиться к пониманию процесса формирования коллективных воспоминаний, трансляции ценностей и смыслов в обществе между поколениями. Впервые в отечественных социально-психологических исследованиях специфика коллективных воспоминаний рассматривается с учетом групповых ценностей.

Теоретическое обоснование исследования

М. Хальбвакс определяет коллективную память как коллективный феномен, развивающийся в результате коммуникации, семейных традиций, религиозной и классовой принадлежности. Коллективные воспоминания связаны с историей общества, но история является объективным знанием, а «память всегда является “чьей-то” памятью, обусловлена опытом и интересами какой-либо социальной группы» [28, с. 20].

Вводя понятие коллективной памяти «*memoire collective*», М. Хальбвакс объясняет, каким именно образом и почему коллективная память становится предметом социального конструирования, как наши представления о прошлом определяются обстоятельствами нашего коллективного настоящего, – «история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приемам мышления и репрезентации прошлого, свойственным нынешним людям» [28, с. 209].

Коллективная память всегда существует в процессе трансформации: т. к. появляются новые интерпретации прошлого, то обществу приходится изменять воспоминания, которые представлены в общественном сознании в связи с необходимостью существования этого общества. А «поскольку мы входим в общество, мы соглашаемся и помнить вместе с ним» [28, с. 216].

В современной науке не существует общей теории коллективной памяти, проблематика коллективной памяти характеризуется многообразием подходов и взглядов на эмпирическое изучение, что проявляется в вариативности предмета исследования и определения коллективной памяти. Понятие «коллективная память» используется как некое общее родовое понятие для близких понятий и явлений общественного сознания, но в каждом конкретном исследовании требуются его дополнительное пояснение и операционализация.

В данном исследовании понятие «коллективная память» используется в понимании М. Хальбвакса и некоторых современных авторов как важнейшая характеристика социальной группы, актуализирующая определенное

содержание исторических событий как общие для социальной группы, разделяемые людьми «представления об историческом прошлом, которые имеют свойство оживляться, актуализироваться и конструироваться заново в межличностном дискурсе» [16, с. 247].

Отсюда и вытекает предположение о различиях в воспоминаниях об одинаковом историческом периоде и о различной оценке одних и тех же событий у разных поколенческих групп: индивидуальные воспоминания приобретают общее содержание для ее членов, наделяются общими смыслами, становятся совместными представлениями о прошлом, поэтому для разных групп одно и то же событие прошлого может иметь разные смыслы.

В эмпирическом исследовании проверялась гипотеза о существовании групповой специфики коллективных воспоминаний, актуализирующих в памяти определенные исторические события, которая проявляется в различии содержания коллективных воспоминаний о значимых событиях у исследуемых поколенческих групп.

Целью эмпирического исследования, таким образом, являлось выявление особенностей конструирования коллективных воспоминаний об историческом периоде в разных социальных группах и характеристик исследуемых поколенческих групп (ценностей группы).

Коллективная память в данном эмпирическом исследовании изучается через представления о прошлом, которые разделяются членами социальной группы.

Эмпирическое исследование в связи с этим направлено на изучение представлений о России прошлого, XX века, у разных групп, сравнение групповых представлений о России XX века и идеальной России, и выявление ценностей исследуемых поколенческих групп.

Методы

Для решения поставленных задач использовались ассоциативная методика (прототипического и категориального анализа (П. Вержеса)), методика для выявления структуры ценностей личности Ш. Шварца, анкета для сравнения России XX века и идеальной России, дополненная для этого исследования [17, 36].

Для формирования выборки важными являлись критерии возраста и степени социальной активности на данном этапе жизненного цикла, определяемой в соответствии с современными научными взглядами на содержание периода взрослости [37]. Респондентами являлись 90 человек, разделенные по 15 женщин и 15 мужчин в каждую группу (19–34 года (средний возраст – 25,3), 35–60 лет (средний возраст – 49,5), старше 61 года (средний возраст – 73, 2)), все – граждане России, проживающие в городах Калининград,

Краснодар, Москва, Санкт-Петербург, Петропавловск-Камчатский. Такое разделение позволяет отнести респондентов к поколениям по целому ряду критериев [38], что и дает возможность изучить именно поколенческие аспекты коллективных воспоминаний.

Результаты

1. В ходе исследования с помощью ассоциативного метода были выявлены особенности представлений о России XX века у представителей разных групп.

У поколенческой группы 19–34 лет образ России XX века представлен различными воспоминаниями, многообразен и не характеризуется единством в оценках событий и персонажей. Респонденты этой группы чаще представителей других поколений вспоминали о событиях Революции 1917 года, В. И. Ленине, о сталинских репрессиях, о И. В. Сталине (оценивая его деятельность негативно), большее внимание уделили техническому прогрессу, холодной войне. Молодое поколение было единственной группой, где назывались как значимые события, связанные с Царской Россией. Содержание образа России XX века составляет, в основном, историческая фактология, которая находится за пределами жизненного опыта респондентов этой возрастной группы.

В коллективной памяти средней поколенческой группы доминируют воспоминания не столько о достижениях и победах нашей страны, сколько о негативной деятельности политических лидеров, их ошибках, а также о кризисах в периоды смен политических и экономических эпох. Представители этой группы чаще других респондентов в своих ответах называют события, связанные с демократизацией и появлением нового государства – Российской Федерации.

Старшая группа (от 61 года) демонстрирует наиболее позитивные представления о России XX века и проявляет тенденцию к идеализации этого временного периода в целом. Для респондентов этой группы Россия XX века ассоциируется с Советским Союзом и достижениями в спорте, науке, культуре, военной и социальной сфере. Эта группа чаще других групп отмечала культурные (балет и литературу) и спортивные достижения (Олимпиаду в г. Москве). В коллективной памяти данной группы значимое место занимают воспоминания о Великой Отечественной войне и ее героях.

2. Для выявления и сравнения представлений о России XX века и идеальной России респонденты сравнивали между собой Россию XX века и идеальную Россию, оценивая их по 25-ти критериям, с использованием 4-балльной шкалы; для выявления статистической значимости различий использовался

критерий Вилкоксона. Было обнаружено, что оценки России XX века значимо отличаются от идеальной ($p \leq 0,005$) по многим позициям.

При сравнении России XX века и идеальной России было выявлено, что значимыми результатами для всех возрастных групп является отличие России XX века от идеальной России по следующим позициям: свобода слова ($p \leq 0,0002$, $p \leq 0,004$, $p \leq 0,004$), качество жизни населения ($p \leq 0,0001$, $p \leq 0,001$, $p \leq 0,002$), организация занятости и комфортных условий проживания пожилых людей и инвалидов ($p \leq 0,001$, $p \leq 0,001$, $p \leq 0,002$), развитое гражданское общество ($p \leq 0,0001$, $p \leq 0,001$, $p \leq 0,001$), доверие граждан к полиции ($p \leq 0,001$, $p \leq 0,002$, $p \leq 0,002$), забота об экологии ($p \leq 0,000$, $p \leq 0,0001$, $p \leq 0,001$). Очевидно, что эти позиции можно категоризировать как актуальные социальные проблемы, составляющие особый дискурс для всего общества.

Результаты также указывают на то, что Россия XX века и идеальная Россия близки по позициям (отсутствуют значимые различия для всех групп): забота власти об интересах государства, сильное мировое влияние, развитая военная сфера, единая национальная идентичность. Эти категории показывают доминирование государства при отсутствии внимания к конкретному человеку.

Для представителей поколения 19–34 лет значимые различия России XX века и идеальной России получены по 15-ти позициям и включают, кроме вышеназванных, следующие (все отражают потребности конкретного человека): безопасность человека ($p \leq 0,0001$), безопасность государства ($p \leq 0,001$), исполнение законов ($p \leq 0,001$), свободу личности ($p \leq 0,0001$), заботу власти об интересах народа ($p \leq 0,001$), доступное медицинское обслуживание ($p \leq 0,001$), высокий уровень медицинского обслуживания ($p \leq 0,001$), высокий уровень коррупции ($p \leq 0,0001$), развитие культуры ($p \leq 0,0002$).

Для респондентов группы 35–60 лет значимые результаты выявлены по 16-ти позициям (включая 6 общих позиций): безопасность государства ($p \leq 0,0002$), исполнение законов ($p \leq 0,001$), сильные политические лидеры ($p \leq 0,002$), свобода личности ($p \leq 0,001$), забота власти об интересах народа ($p \leq 0,001$), единство мнения власти и народа ($p \leq 0,001$), доступное образование ($p \leq 0,001$), доступное медицинское обслуживание ($p \leq 0,0001$), высокий уровень развития медицины ($p \leq 0,0002$), развитие культурного сектора ($p \leq 0,002$).

Всё это свидетельствует о том, что представители этих двух групп оценивают Россию прошлого века как страну, достаточно далекую от идеала.

У респондентов в поколенческой группе от 61 года значимые различия выявлены всего по 7-ми критериям (к общим позициям прибавился критерий – уровень преступности ($p \leq 0,004$), что значительно приближает Россию XX века к идеальной России). Учитывая особенности респондентов

этой социальной группы, можно предположить: отличия связаны с тем, что эта группа больше время прожила в XX веке и склонна оценивать данный период (события своего детства, молодости, социальную поддержку государства, гордость за достижения Советского Союза и т. п.) значительно выше, позитивнее, и, возможно, в некоторой степени идеализированно.

3. Исследование ценностных ориентаций показало, что существует специфика ценностных ориентаций у представителей разных групп. Наиболее явно среди других ценностей выделяются «доброта», «универсализм», «безопасность» и «самостоятельность».

Таблица 1. Ведущие ценностные ориентации в разных возрастных группах

Table 1. Leading value orientations in different age groups

	19–34	35–60	Старше 61 Over 61 years
Доброта Kindness	65%	65%	85%
Самостоятельность Independence	70%	55%	15%
Безопасность Safety	60%	80%	85%
Универсализм Universalism	10%	45%	75%

Для группы 19–34 лет ключевыми ценностями оказались «самостоятельность», в меньшей степени «доброта», и «безопасность». «Самостоятельность» характеризуется самостоятельностью выбора способа действия, независимостью мышления, определяется потребностями индивида в автономности и независимости. При этом ценность «универсализм» как понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы характерна для очень небольшого количества респондентов этой группы. Эти данные в целом соотносятся с возрастом и активностью ее представителей, их мотивацией достижения, стремлением к независимости, закреплению определенной социальной позиции.

Для группы от 35 до 60 лет приоритетной является ценность «безопасность», что свидетельствует о важности поддержания стабильности, безопасности, общества, семьи, самого индивида, а также гармонии взаимоотношений. Ценность «универсализм» проявляется у большего количества респондентов, чем в первой возрастной группе, хотя и фиксируется у меньшей половины респондентов данной группы. Как правило, респонденты этой группы – люди, у которых приобретен определенный личный и социальный опыт, они нашли свое место в социуме, поэтому поддержание стабильности и безопасности приоритетно и важно для этой группы.

Для значительного большинства группы старше 61 года характерны ценности «доброта», «безопасность» и «универсализм». Это свидетельствует о важности благополучия близких людей, позитивных личных взаимодействий, безопасности и стабильности общества и гармоничного личного существования в этом мире, а также понимания, терпимости и поддержания благополучия всех людей и природы для этой возрастной группы, о доброжелательности, сфокусированной на благополучии в повседневном взаимодействии с близкими людьми. Очевидно, что приоритет этих ценностей связан с богатым жизненным опытом, мудростью, с глубоким пониманием жизненных смыслов.

Обсуждение результатов

В результате анализа были выявлены следующие тенденции. В младшей группе, важной характеристикой которой является ценностная ориентация «самостоятельность» (возможность самостоятельно мыслить и выбирать способы действия), содержание коллективных воспоминаний характеризуется большей свободой в оценках и разнообразием упомянутых событий. Воспоминания о России XX века у этой группы разносторонние и представлены широким диапазоном исторической фактологии. Однако у представителей этой группы не наблюдается единства в их оценках этих событий: молодое поколение еще находится в поисках личных смыслов, пытается определить свое собственное отношение к событиям прошлого.

Для большинства респондентов средней поколенческой группы (от 35 до 60 лет), важной характеристикой которой является ценность «безопасность» (поддержание стабильности, безопасности общества, семьи, гармонии самого индивида), содержание коллективных воспоминаний составляют тяжелые события прошлого века – ошибки политических лидеров, реформы, – всё, что связано с деструктивными переменами в жизни общества. В этой группе значительно большее количество респондентов в своих ответах воспроизвели события, связанные с деструктивными процессами периода распада Советского Союза и появления нового государства – Российской Федерации.

Очевидно, что респонденты этой группы были активными участниками и свидетелями событий «перестройки», «распада СССР», утраты законности, разгула бандитизма, политических, общественных, экономических реформ и связанных с ними трудностей обнищания, негативных переживаний, деструктивных изменений. Эти события составляют содержание трудной жизненной ситуации, которая остается психологической травмой и не преодолена до сегодняшнего дня. Возможно поэтому и ценность безопасности характерна для значительного большинства этой поколенческой группы. В этой группе фиксируется тенденция преобладания негативных оценок актуализируемых событий.

Для группы старшего поколения на первый план выходят такие ценности, как понимание и терпимость, защита благополучия всех людей и природы, потребность в гармонии, стабильности и безопасности. Представители этой группы оценивают Россию XX века как время побед и достижений в различных сферах, как время, комфортное для жизни, что вполне согласуется с выявленными ценностями. Для респондентов этой группы важную роль играют социальные гарантии, стабильность жизни. Ответы свидетельствуют о том, что респонденты идеализируют свое прошлое, оценивая события значительно более высоко и позитивно, чем в остальных группах, – большинство воспоминаний выстроено в положительном акценте. Таким образом, групповые воспоминания о прошлом, несмотря на то, что существует объективная историческая значимость событий этого периода, весьма различны: для младшего поколения – многоплановы, разнообразны и противоречивы, для среднего поколения воспоминания в большей степени негативны и травматичны, в то время как для старшей возрастной группы положительные и идеализированы.

Похожие результаты были получены в исследовании автобиографической памяти, где выявлено, что люди, родившиеся в 1963–1977 гг., чаще включают в свои воспоминания такие деструктивные события, как «перестройка», «путч», «распад СССР», «дефолт», чем люди, родившиеся в 1948–1962 гг. [31]. Значимые межпоколенческие различия проявились в оценках исторических персонажей и современного общества [16, 17].

Различия в оценках исторических событий объясняются комплексом причин, важное место среди которых отведено исторической значимости событий, особенностям социализации [16, 39], возрастом накопления максимального объема автобиографической памяти – от 16 до 28 лет [31].

Мы считаем, что для объяснения групповых различий в коллективных воспоминаниях может быть введено понятие «поколенческая сензитивность», которое отражает повышенную чувствительность социальной возрастной группы к прошлым и происходящим событиям, особую восприимчивость

событий, времени и мира в целом. Индивидуальные воспоминания приобретают в группе общие черты и унифицированное содержание в результате временных и социальных обстоятельств, в которых эта группа существует. Поколенческая сензитивность проявляется в использовании социальной группой особых, собственных интерпретационных моделей отношения к фактам истории, несмотря на существующую объективную оценку определенного периода, что и приводит к избирательности отношения к событиям исторического прошлого. Содержание коллективных воспоминаний у каждой исследуемой поколенческой группы определяется прошлой и актуальной ситуацией ее развития и существования, что и определяет способы конструирования воспоминаний.

Таким образом, результаты, полученные в исследовании, показывают, что коллективные воспоминания о России XX века, интерпретации значимости событий прошлого у участвующих в исследовании групп различны, представлены разными оценками и событиями, как и различны ведущие групповые ценности.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research for studying Historical and Political Factors of Transformation of Collective Memory and Identity in Russian Society (project no. 17-06-00980).

Литература

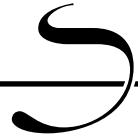
1. *Арнаутова Ю. А.* Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
2. *Трубина Е.* Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти / под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2011. С. 25–44. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69748208> (дата обращения: 14.08.2018).
3. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
4. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170–220.

5. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–29.
6. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2012/06/05/1252356367/11_1_03.pdf (дата обращения: 14.08.2018).
7. *Ярская В.* Инверсия времени как механизм памяти в контексте культуры // Власть времени: социальные границы памяти / под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2011. С. 11–24. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69748208> (дата обращения: 14.08.2018).
8. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
9. *Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
11. *Middleton D., Brown S. D.* Issues in the Socio-Cultural Study of Memory // The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 661–677. DOI: [10.1017/CBO9780511611162.036](https://doi.org/10.1017/CBO9780511611162.036)
12. *Hirst W., Manier D.* Towards a psychology of collective memory // Memory. 2008. Vol. 16, Issue 3. P. 183–200. DOI: [10.1080/09658210701811912](https://doi.org/10.1080/09658210701811912)
13. *Репина Л. П.* Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2006. С. 19–47.
14. *Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–113.
15. *Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. 400 с.
16. *Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2016. 476 с.
17. *Кузнецова А. В.* Коллективные воспоминания о политической власти в различные исторические периоды у представителей разных социальных групп россиян // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 102–115.
18. *Петренко Е., Кожевина Е., Каплун В.* Россия. Конец XX века. Представления наших современников // Власть времени: социальные границы памяти /

- под ред. В. Н. Ярской, Е. П. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2011. С. 45–62. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69748208> (дата обращения: 14.08.2018).
19. Донцов А. И., Гончарова В. А. Холокост как феномен социальной памяти // Век толерантности. Научно-публицистический вестник. 2005. № 1–2. С. 55–61.
 20. Горенштейн Н. И. Восприятие Холокоста современной молодежью // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 1. С. 191–199.
 21. Evans-Campbell T. Historical Trauma in American Indian/Native Alaska Communities: A Multilevel Framework for Exploring Impacts on Individuals, Families, and Communities // Journal of Interpersonal Violence. 2008. Vol. 23, Issue 3. P. 316–338. DOI: [10.1177/0886260507312290](https://doi.org/10.1177/0886260507312290)
 22. Brown N. R., Lee P. J., Krslak M., Conrad F. G., Hansen T. G. B., Havelka J., Reddon J. R. Living in History. How War, Terrorism, and Natural Disaster Affect the Organization of Autobiographical Memory // Psychological Science. 2009. Vol. 20, Issue 4. P. 399–405. DOI: [10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x)
 23. Peetz J., Gunn G. R., Wilson A. E. Crimes of the Past: Defensive Temporal Distancing in the Face of Past in-Group Wrongdoing // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36, Issue 5. P. 598–611. DOI: [10.1177/0146167210364850](https://doi.org/10.1177/0146167210364850)
 24. Rimé B., Bouchat P., Klein O., Licata L. When collective memories of victimhood fade: Generational evolution of intergroup attitudes and political aspirations in Belgium // European Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 45, Issue 4. P. 515–532. DOI: [10.1002/ejsp.2104](https://doi.org/10.1002/ejsp.2104)
 25. Gongaware T. B. Collective Memories and Collective Identities // Journal of Contemporary Ethnography. 2003. Vol. 32, Issue 5. P. 483–520. DOI: [10.1177/0891241603255674](https://doi.org/10.1177/0891241603255674)
 26. Sahdra B., Ross M. Group Identification and Historical Memory // Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. Vol. 33, Issue 3. P. 384–395. DOI: [10.1177/0146167206296103](https://doi.org/10.1177/0146167206296103)
 27. Rotella K. N., Richeson J. A. Motivated to “Forget”: The Effects of In-Group Wrongdoing on Memory and Collective Guilt // Social Psychological and Personality Science. 2013. Vol. 4, Issue 6. P. 730–737. DOI: [10.1177/1948550613482986](https://doi.org/10.1177/1948550613482986)
 28. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
 29. Weldon M. S., Bellinger K. D. Collective Memory: Collaborative and individual processes in remembering // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1997. Vol. 23 (5). P. 1160–1175. DOI: [10.1037/0278-7393.23.5.1160](https://doi.org/10.1037/0278-7393.23.5.1160)

30. Janssen S. M. J., Murre J. M. J. Reminiscence Bump in Autobiographical Memory: Unexplained by Novelty, Emotionality, Valence, or Importance of Personal Events // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2008. Vol. 61, Issue 12. P. 1847–1860. DOI: [10.1080/17470210701774242](https://doi.org/10.1080/17470210701774242)
31. Нуркова В. В. История как личный опыт // *Историческая психология и социология истории*. 2009. Т. 2, № 1. С. 5–27.
32. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. Т. 40–41, № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 14.08.2018).
33. Brown N. R., Lee P. J. Public events and the organization of autobiographical memory: An overview of the living-in-history project // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2010. Vol. 2, Issue 2. P. 133–149. DOI: [10.1080/19434471003597431](https://doi.org/10.1080/19434471003597431)
34. Svob C., Brown N. R. Intergenerational Transmission of the Reminiscence Bump and Biographical Conflict Knowledge // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23, Issue 11. P. 1404–1409. DOI: [10.1177/0956797612445316](https://doi.org/10.1177/0956797612445316)
35. Емельянова Т. П., Паттисон А. С. Особенности социальных представлений о русских у жителей Чехии и США // *Психологические исследования: электронный научный журнал*. 2010. № 5 (13). URL: <http://psystudy.ru/num/2010n5-13/379-emelyanova-pattison13> (дата обращения: 14.08.2018).
36. Малышева Н. Г., Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А. Образ России в многополярном мире: кросс-культурный анализ // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2012. № 1. С. 61–73.
37. *Возрастная психология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования* / под. ред. Т. Д. Марцинковской. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 336 с.
38. Пищик В. И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // *Социальная психология и общество*. 2011. № 2. С. 80–88.
39. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2005. № 4. URL: <http://politeja.ru/content/arhiv-zhurnal4-2005/> (дата обращения: 14.08.2018).

References

1. Arnautova Yu. A. The culture of remembrance and the history of memory. In: Repina L. P. (ed.) *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: Historical culture of Europe before the modern age]. Moscow, Krug" Publ., 2006, pp. 47–55.
2. Trubina E. Learning to remember: Vectors of memory studies. In: V. N. Yarskaya, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.) *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy*

- pamyati* [The power of time: Social boundaries of memory]. Moscow, Variant Publ., 2011, pp. 25–44. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69748208> (Accessed 14 August 2018).
3. Nora P. Places of memory. In: *Frantsiya-pamyat'* [France–Memory]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999, pp. 17–50.
 4. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Historical memory: On the boundaries of the concept. In: *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2005, pp. 170–220.
 5. Zerubavel E. Dynamics of collective memory. In: *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati: sbornik statei* [Empire and nation in the mirror of historical memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 10–29.
 6. Olik D. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*, 2012, V. 11, no. 1, pp. 40–74. (in Russian). Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2012/06/05/1252356367/11_1_03.pdf (Accessed 14 August 2018).
 7. Yarskaya V. Time inversion as a mechanism of memory in the context of culture. In: V. N. Yarskaya, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.) *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamyati* [The power of time: Social boundaries of memory]. Moscow, Variant Publ., 2011, pp. 11–24. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69748208> (Accessed 14 August 2018).
 8. Assman J. *Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 332 p. (Russ. ed.: Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p.).
 9. Ricoeur P. *Memory, history, forgetting*. Chicago, University of Chicago Press, 2004 (Russ. ed.: Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie*. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 2004. 728 p.).
 10. Assmann A. *The new discontent with memorial culture* (Russ. ed.: Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 232 p.).
 11. Middleton D., Brown S. D. Issues in the socio-cultural study of memory. In: *The Cambridge handbook of sociocultural psychology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 661–677. DOI: [10.1017/CBO9780511611162.036](https://doi.org/10.1017/CBO9780511611162.036)
 12. Hirst W., Manier D. Towards a psychology of collective memory. *Memory*, 2008, V. 16, Issue 3, pp. 183–200. DOI: [10.1080/09658210701811912](https://doi.org/10.1080/09658210701811912)
 13. Repina L. P. Memory and historiography. In: Repina L. P. (ed.) *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: Historical culture of Europe before the modern age]. Moscow, Krug" Publ., 2006, pp. 19–47.

14. Lubbe G. Historical identity. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 4, pp. 108–113 (in Russian).
15. Emel'yanova T. P. *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Constructing social representations in the conditions of transformation of Russian society]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2006. 400 p.
16. Emel'yanova T. P. *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Social representations: History, theory and empirical research]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2016. 476 p.
17. Kuznetsova A. V. Collective memories of political power in various historical periods in representatives of different social groups of Russians. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2013, no. 3, pp. 102–115 (in Russian).
18. Petrenko E., Kozhevina E., Kaplun V. Russia: The end of the 20th century: Representations of our contemporaries. In: V. N. Yarskaya, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.) *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamyati* [The power of time: Social boundaries of memory]. Moscow, Variant Publ., 2011, pp. 11–24. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69748208> (Accessed 14 August 2018).
19. Dontsov A. I., Goncharova V. A. The Holocaust as a phenomenon of social memory. *Vek tolerantnosti: nauchno-publitsisticheskii vestnik – Age of Tolerance: Scientific-Publicistic Bulletin*, 2005, no. 1–2, pp. 55–61 (in Russian).
20. Gorenshtein N. I. Perception of Holocaust events by modern day youth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 1, pp. 191–199 (in Russian).
21. Evans-Campbell T. Historical trauma in American Indian/Native Alaska communities: A multilevel framework for exploring impacts on individuals, families, and communities. *Journal of Interpersonal Violence*, 2008, V. 23, Issue 3, pp. 316–338. DOI: [10.1177/0886260507312290](https://doi.org/10.1177/0886260507312290)
22. Brown N. R., Lee P. J., Krslak M., Conrad F. G., Hansen T. G. B., Havelka J., Reddon J. R. Living in History. How war, terrorism, and natural disaster affect the organization of autobiographical memory. *Psychological Science*, 2009, V. 20, Issue 4, pp. 399–405. DOI: [10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x)
23. Peetz J., Gunn G. R., Wilson A. E. Crimes of the past: Defensive temporal distancing in the face of past in-group wrongdoing. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010, V. 36, Issue 5, pp. 598–611. DOI: [10.1177/0146167210364850](https://doi.org/10.1177/0146167210364850)
24. Rimé B., Bouchat P., Klein O., Licata L. When collective memories of victimhood fade: Generational evolution of intergroup attitudes and political aspirations in Belgium. *European Journal of Social Psychology*, 2015, V. 45, Issue 4, pp. 515–532. DOI: [10.1002/ejsp.2104](https://doi.org/10.1002/ejsp.2104)

25. Gongaware T. B. Collective memories and collective identities. *Journal of Contemporary Ethnography*, 2003, V. 32, Issue 5, pp. 483–520. DOI: [10.1177/0891241603255674](https://doi.org/10.1177/0891241603255674)
26. Sahdra B., Ross M. Group identification and historical memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007, V. 33, Issue 3, pp. 384–395. DOI: [10.1177/0146167206296103](https://doi.org/10.1177/0146167206296103)
27. Rotella K. N., Richeson J. A. Motivated to “forget”: The effects of in-group wrongdoing on memory and collective guilt. *Social Psychological and Personality Science*, 2013, V. 4, Issue 6, pp. 730–737. DOI: [10.1177/1948550613482986](https://doi.org/10.1177/1948550613482986)
28. Halbwachs M. *The social frameworks of memory* (Russ. ed.: Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p.).
29. Weldon M. S., Bellinger K. D. Collective memory: Collaborative and individual processes in remembering. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 1997, V. 23 (5), pp. 1160–1175. DOI: [10.1037/0278-7393.23.5.1160](https://doi.org/10.1037/0278-7393.23.5.1160)
30. Janssen S. M. J., Murre J. M. J. Reminiscence bump in autobiographical memory: Unexplained by novelty, emotionality, valence, or importance of personal events. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2008, V. 61, Issue 12, pp. 1847–1860. DOI: [10.1080/17470210701774242](https://doi.org/10.1080/17470210701774242)
31. Nurkova V. V. History as personal experience. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii – Historical Psychology & Sociology*, 2009, V. 2, no. 1, pp. 5–27 (in Russian).
32. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, V. 40–41, no. 2–3 (in Russian). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (Accessed 14 August 2018).
33. Brown N. R., Lee P. J. Public events and the organization of autobiographical memory: An overview of the living-in-history project. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2010, V. 2, Issue 2, pp. 133–149. DOI: [10.1080/19434471003597431](https://doi.org/10.1080/19434471003597431)
34. Svob C., Brown N. R. Intergenerational transmission of the reminiscence bump and biographical conflict knowledge. *Psychological Science*, 2012, V. 23, Issue 11, pp. 1404–1409. DOI: [10.1177/0956797612445316](https://doi.org/10.1177/0956797612445316)
35. Emelyanova T. P., Pattison A. S. Peculiarities of social representations of Russians in Czechs and Americans. *Psychological Studies*, 2010, no. 5 (13) (in Russian). Available at: <http://psystudy.ru/num/2010n5-13/379-emelyanova-pattison13> (Accessed 14 August 2018).
36. Malysheva N. G., Stefanenko T. G., Tikhomandritskaya O. A. Image of Russia in the multipolar world: Cross-cultural analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 2012, no. 1, pp. 61–73 (in Russian).

37. Martsinkovskaya T. D. (ed.) *Vozrastnaya psikhologiya* [Age psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2014. 336 p.
38. Pishchik V. I. Generations: Socio-psychological analysis of mentality. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2011, no. 2, pp. 80–88 (in Russian).
39. Shestopal E. B. Political socialization and resocialization in modern Russia. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz – Polity: Analysis. Chronicle. Forecast*, 2005, no. 4 (in Russian). Available at: <http://politeia.ru/content/arhiv-zhurnala/4-2005/> (Accessed 14 August 2018).

УДК 159.9.072

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.10](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.10)

Психологический анализ медиатекста: образ животного в рекламном нарративе

Ирина М. Кыштымова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

E-mail: info@creativity.ru

Аннотация

Введение. Проблема психологического анализа рекламного нарратива актуальна в связи с возрастающей ролью рекламной информации в развивающемся коммуникативном пространстве. Новизна представленного исследования заключается в презентации метода психологического анализа медиапродуктов и объяснения механизма использования образа животного для моделирования процессов трансляции рекламой экзистенциально значимых сообщений.

Методы. Выявление транслируемых рекламой смыслов проводилось с помощью описанного в тексте метода имманентного анализа. Для верификации сформулированного на основе анализа суждения о трансформации образа животного в рекламном нарративе использовался семантический дифференциал, с помощью которого испытуемые последовательно оценивали образы животных: кошки, собаки, волка, медведя и енота, а также стимул («человек») и образ героя рекламного ролика – «енота». В исследовании принимали участие 103 человека: 77 старшеклассников и 26 студентов.

Результаты. Выявлена двойственность семантической структуры анализируемого ролика: он является транслятором не только прагматических, оправданных коммерческой целью, но и экзистенциальных смыслов. Вторые, используя как средство привлечения внимания к рекламируемому продукту, при этом обуславливают глубинное психологическое воздействие сообщения. Показано, что восприятие образа животного в рекламном нарративе опирается на его антропоморфные характеристики, трансформирующиеся в художественном пространстве ролика. Определен негативный характер изменения семантики образа животного под влиянием его рекламной презентации.

Обсуждение результатов. Сравнение семантики «енота» с семантикой («человека») и наделенных стереотипным значением животных позволило выявить его семантический статус и предположить, что антропоморфная («обыкновенность») этого животного актуализирует процессы зрительской идентификации и трансляции значимых для формирования мотивации экзистенциальных смыслов. Сравнение семантики внеконтекстного стимула «енот» с семантикой героя рекламного ролика позволило определить характер семантической трансформации образа

животного в рекламном нарративе и верифицировать полученное в процессе имманентного анализа суждение о провокации анализируемым рекламным роликом мотивации суицидального поведения.

Ключевые слова

психологический анализ, имманентный анализ, психосемиотический подход, нарратив, реклама, образ животного, семантика, архитектоника, прагматический смысл, экзистенциальные смыслы

Основные положения

- ▶ имманентный психологический анализ позволяет определить транслируемые медийным нарративом, структурированным по типу художественного, смыслы;
- ▶ имманентный анализ предполагает последовательное изучение образной системы, архитектоники, выразительных средств моделирования нарратива;
- ▶ рекламный нарратив может характеризоваться двойственной смысловой структурой: прагматической и экзистенциальной; второй структурный уровень, используясь как средство привлечения внимания к рекламируемому продукту, оказывается при этом психологически доминантным;
- ▶ характер семантической трансформации образа животного в рекламном нарративе определяется его исходной (внеконтекстной) антропоморфной семантикой и художественными особенностями рекламного ролика.

Для цитирования

Кыштымова И. М. Психологический анализ медиатекста: образ животного в рекламном нарративе // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 209–228. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.10

Материалы статьи получены 22.11.2017

UDC 159.9.072

DOI: [10.21702/rpj.2018.3.10](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.10)

Psychological Analysis of Media Text: The Animal Image in Advertising Narratives

Irina M. Kyshtymova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

E-mail: info@creativity.ru

Abstract

Introduction. The increasing role of advertising in the communicative space determines the urgency of undertaking psychological research on advertising narratives. This study, for the first time, presents the method for psychological analysis of media products and explains the mechanisms of using images of animals for modeling the processes advertising uses to transmit existential messages.

Methods. The meanings transmitted by advertising were revealed using the method of immanent analysis. The study employed the semantic differential technique to verify judgements on the transformation of animal images in advertising narratives. Using semantic differential scales the respondents assessed images of animals such as: a cat, a dog, a wolf, a bear, and a raccoon; and also of a 'human' image, as well as a 'raccoon' as the main character of the advertising video. The study sample was comprised of 77 high-school and 26 university students (total N = 103).

Results. The study established the duality of the semantic structure of the analyzed video. It transmits not only pragmatic meanings (justified by its commercial purposes), but also existential ones. Existential meanings are used as a means of attracting consumers' attention to the advertised product, while determining a deep psychological impact of the message. In advertising narratives an individual's perception of the animal image rests upon its anthropomorphic characteristics transformed in the artistic space of a promotional video. The study revealed negative changes in the semantics of the animal image under the influence of its presentation in advertising.

Discussion. Comparing the 'raccoon' semantics with the semantics of a 'human' and the animals with stereotyped meanings revealed its semantic status and led to the assumption that the anthropomorphic 'ordinariness' of this animal actualizes consumers' processes of identification and transmission of existential meanings important to forming their motivation. Comparing the semantics of the non-contextual 'raccoon' stimulus with the semantics of a 'raccoon' as the main character of the advertising video allowed authors to determine semantic transformations of the animal image in advertising narratives. The study also considered an issue of potentially provoking suicidal behaviour by watching the analyzed advertising video.

Keywords

psychological analysis, immanent analysis, psychosemiotic approach, narrative, advertising, animal image, semantics, architectonics, pragmatic meaning, existential meaning

Highlights

- ▶ Immanent psychological analysis is capable of identifying the meanings transmitted by media narratives which are structured as artistic ones.
- ▶ Immanent analysis involves a sequential study of a metaphorical system, architectonics, and expressive means for narrative modeling.

► Advertising narratives may have a dual semantic structure (pragmatic and existential). The latter is psychologically dominant as it is used as a means for attracting attention to the advertised product.

► The semantic transformation of the animal image in the advertising narrative is determined by its original (non-contextual) anthropomorphic semantics and artistic features of a promotional video.

For citation

Kyshtymova I. M. Psychological Analysis of Media Text: The Animal Image in Advertising Narratives. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, V. 15, no. 3, pp. 209–228 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.10

Original manuscript received 22.11.2017

Введение

Активное преобразование коммуникативного пространства, проявляющееся как в его структурных, так и качественных трансформациях, ставит перед психологами важную задачу понимания механизмов влияния изменяющейся информационной среды на развитие человека. Насыщенность медийного контента рекламными сообщениями, их императивность, смысловая и эмоциональная концентрированность обуславливают как привлекательность рекламы, так и опасность провокации деструктивных форм поведения, прежде всего, у детей и молодежи. С другой стороны, важно определять развивающий потенциал медийных текстов, возможность их использования в обучающих и воспитательных процессах. При этом задача создания методов для определения особенностей влияния на психику медианарративов, в том числе рекламных, не решена. Остается актуальной проблема понимания механизмов, определяющих характер восприятия рекламного сюжета и формирующих у потребителя готовность к определенному типу поведения. Построение рекламных сообщений по типу художественных, активное использование образных средств при их моделировании позволяют транслировать помимо прагматических сообщений, направленных на актуализацию потребительской мотивации, также иные значимые смыслы, оказывающие влияние на установки, ценности и поведение потребителей рекламы. Их определение представляется важной психологической задачей, решение которой требует интеграции методов анализа, разработанных в рамках разных научных подходов, позволяющих учитывать сложную полисемiotическую природу рекламы, использующей при моделировании сообщений разные типы знаков.

Рекламный ролик представляет собой нарратив, особенностями которого являются смысловая концентрированность и активное использование

художественных приемов, обеспечивающих эмоциональность рекламного сообщения, его суггестивный эффект. Реклама, являясь продуктом коммерческого предприятия и решая задачу продвижения рекламируемого продукта, в то же время, как художественный текст, может оказывать глубокое влияние на эмоции, сознание и установки человека. Подходы к анализу художественных нарративов, разработанные применительно к литературным текстам, используются сегодня в рамках нарратологии, в психологии и междисциплинарных медиаисследованиях [1, 2, 3, 4]. Нарратологический подход интегрирует продуктивные приемы анализа для исследования разных типов нарративов, в том числе – кинонарративов, к которым можно отнести рекламный ролик.

При этом концентрированность на последовательности воспроизводимых в тексте событий ограничивает возможности нарративного подхода в решении задачи целостного анализа сложного художественного текста, в связи с чем представляется продуктивным обращение к формальному подходу в литературоведении (Р. Якобсон, М. Бахтин, М.Л. Гаспаров). Важность положений формальной школы для разработки алгоритма психологического анализа сложного полизнакового художественного текста подчеркивал Л. С. Выготский: «настоящая психологическая теория сумеет объединить те общие элементы, которые, несомненно, существуют у поэзии и музыки... и этими элементами окажутся элементы художественной формы» [5, с. 101]. Доминантная роль формальных характеристик медиатекста в порождении его смысла легитимизирована семиотической теорией медиа [6, 7] и используется в анализе рекламы [8], при этом в ряде работ подчеркивается недостаток семиотического подхода, связанный с изолированностью анализируемых символических маркеров текстуальности: языка и образов – от социального контекста, что в полной мере компенсируется в техниках дискурсивного анализа [9, 10], акцентирующего внимание на социально обусловленном языковом опыте. Среди специфичных для медиапсихологических исследований методов наряду с лабораторным экспериментом, телеметрией, наблюдением и опросами обозначают только один, используемый при психологической интерпретации текста – контент-анализ [11, с. 31], но его сконцентрированные на лексике возможности ограничены для понимания актуализируемых медиатекстом психических трансформаций. Сходная особенность – концентрация аналитических усилий на исключительно содержательных характеристиках текстов – характерна для методов определения психической безопасности рекламы [12] и детского контента [13]. Необходимость разработки способов определения трансформационной функции медиатекстов, которая должна стать объектом исследования медиапсихологии [14], определила задачу нашего исследования.

Для выявления психологических эффектов медиатекста важна концентрация исследователя на его формальных признаках, обуславливающих «чувственное вовлечение», когда человек «переживает гораздо больше, чем понимает» при том, что «именно переживание влияет на поведение» [15, с. 365]. Поэтому в качестве базового основания представляемого метода анализа медийного текста использован психосемиотический подход, позволяющий в полной мере реализовать принцип системности, исследуя формальные и содержательные компоненты медиатекста в их взаимосвязи, обуславливающей прагматику текста – особенности его восприятия потребителем [16]. Необходимость такого подхода подчеркивал Б. В. Ломов: «важность, многообразии и сложность психологических проблем знаков и знаковых систем дают основание думать о становлении и развитии целой научной отрасли... называемой нами психосемиотикой» [17, с. 283]. Психосемиотическое исследование медиатекста предполагает анализ его семантики, синтактики (формальных характеристик текста, знакового дизайна) и, на их основании, – прагматики («отношения знаков к конкретной деятельности и общению» [17, с. 264], к процессам психических трансформаций адресата знакового послания).

Методы

Имманентный анализ рекламного нарратива

Для выявления психологически значимых смыслов медийного, в том числе рекламного, нарратива мы предлагаем использовать метод имманентного анализа [18], который применительно к анализу литературных произведений определен как анализ, «не выходящий за пределы того, о чем сказано в тексте» [19, с. 8], что позволяет минимизировать субъективность интерпретатора. Отношение к предмету нашего анализа – медийному нарративу как семиотическому объекту – предполагает выявление его содержательных и синтаксических (формальных) особенностей, обуславливающих трансляцию психологически значимых смыслов. Обосновываемый метод интегрирует элементы психосемиотического, нарративного и «формального» подходов.

Имманентный анализ медиатекста трехчастен – он предполагает последовательное изучение: 1) особенностей его образной системы (иконический уровень); 2) последовательности действий или взаимосвязанных мотивов (уровень архитектоники); 3) звукового сопровождения (аудиальный уровень). На каждом уровне анализа последовательно решается несколько задач, постановка которых связана с особенностями анализируемого текста.

Презентация разрабатываемого метода комплексного психологического анализа медиатекста проведена на примере анализа рекламного ролика клея «Секунда» [20], выбор которого обусловлен двойственностью его восприятия: с одной стороны, ролик получил высокую оценку в профессиональном

сообществе специалистов в области рекламы как эффективный и креативный рекламный продукт (ролик стал победителем на церемонии AdAwards); с другой, особенности ролика позволяют предположить, что он психологически деструктивен.

Проблема психологической деструкции медиапродукции является горячо обсуждаемой в научном сообществе [21, 22, 23, 24, 25, 26]. При этом суждения о возможности медиатекстов провоцировать деструктивные формы поведения противоречивы: например, в зарубежных источниках признается влияние на суицидальное поведение рассказанных в медиаисточниках реальных историях самоубийств, но признается, что данные о влиянии медиатекстов, структурированных по модели художественных, неоднозначны: одни из них «не оказывают никакого влияния, другие же повышают частоту суицидального поведения» [27, с. 102].

Действительно, определение психологического эффекта художественного текста – сложнейшая задача: психологический эффект медианарратива, обладающего свойствами художественности, обусловлен прежде всего его синтаксическими (формальными) свойствами; анализ такого медиапродукта затруднен необходимостью апелляции к теории художественной формы и положениям, разработанным в рамках разных дисциплин и научных парадигм. Ограничение исследователя анализом лишь содержания текста при выявлении его психологического потенциала не позволяет решить задачу психологической экспертизы: например, сами по себе «красивое», «героическое», «безобразное» или «ужасное» – эстетические категории, не определяющие психологический эффект художественных текстов, в которых они реализованы, особенности воздействия этих текстов будут зависеть от их формальных характеристик: так, не все фильмы ужасов психологически деструктивны, а фильмы о героях созидательны. Это и обуславливает важность создания методов комплексного психологического анализа медиатекстов, позволяющих выявлять их развивающий или нарушающий психологическую безопасность потенциал.

На первом этапе представляемого исследования анализу подверглась образная система анализируемого рекламного текста. Герой ролика – «енот». Выбор животного в качестве действующего персонажа художественных нарративов оправдан универсальностью его восприятия и, согласно суждению Л. С. Выготского, дает возможность автору «изолировать и сконцентрировать один какой-нибудь аффективный момент в таком условном герое» [5, с. 122]. При этом «енот» не относится к числу животных с жестко стереотипной семантикой, он не наделяется символическим значением и закрепленной в культуре ролью. Можно предположить, что это обстоятельство, во-первых, будет способствовать активизации процесса идентификации зрителя с героем при

восприятию текста; во-вторых, явится основанием доминантного контекстуального (заданного художественными обстоятельствами) обусловливания семантики героя.

Другой важной особенностью образа героя ролика является его абсолютная статичность – «енот» предстает в виде незамысловатой фаянсовой статуэтки, простота которой подчеркнута непритязательностью безыскусственной формы, бежево-молочным цветом блеклой фигуры с покорно сложенными лапками. Черная полоса опоясывает часть головы животного с едва намеченной областью глаз. Унылый безжизненный серый фон подчеркивает депрессивность образа. При этом «енот» – единственный герой, «лицо» в анализируемом ролике, фокальный персонаж, чей «взгляд на мир» актуализирован в рекламном нарративе, в полной мере реализующем прием фокализации – «отображения художественной реальности с определенной точки зрения» [1, с. 88].

Образная система рекламного ролика включает также центральные для отдельных эпизодов предметы, служащие одновременно фоном и мотивационными символами: мост, вокзальный перрон, поезд, ступени подземного перехода, осколки, дорога, машина, механический пресс, пистолет, мышеловка, взрывное устройство, блендер, фальшфейер (свеча бедствия), комната. Все образы символически нагружены, причем напряженность их символической семантики последовательно возрастает. Значение движения, изменения, перехода, заданное образами моста, железной и автомобильной дорог, подземного перехода, трансформируется в ролике в семантику перехода в мир иной – семантику смерти посредством образов: пистолета, взрывного устройства и фальшфейера, а также образов разрушенного тела «енота» – осколков фигурки, появляющихся в ролике трижды. Символическая повторяемость образа разбитого, раздавленного «енота» маркирует тему разрушения, подчеркивает безальтернативность смерти в разных жизненных обстоятельствах, навязывает ее.

На образном уровне ролика противопоставлены «енот» – маленький, слабый, пассивный, и мир – жесткий, грубый, холодный, безразличный. Жизненный мир символически обозначен образами бетонных свай моста, грязной дороги и металлического блеска рельсов, надвигающегося поезда и давящего колеса машины, холодных каменных ступеней, безжалостного пресса и неопрятной бедной комнаты. Условности образа героя, представленного фаянсовой статуэткой, противопоставляет реальность окружающего мира – презентующие его образы являются «настоящими»; натурализм, узнаваемость окружающей среды усиливают погружение зрителя в художественное пространство рекламного текста, объективированное восприятием фокального персонажа.

На следующем этапе анализа выявлялись особенности его архитектоники. Анализируемый ролик длится 1 минуту, за это время в ускоряющемся темпе сменяются девять эпизодов, в восьми из которых «енот» погибает или должен погибнуть. Сцены первого эпизода спаяны мотивом безысходности: одинокая фигура «енота» на мосту – акцентированные черным ее глаза – жесткая бетонная стена – падение вниз (полет) и – мгновенный переход ко второму эпизоду: фигура енота на перроне. Эпизод моделируется как визуально незавершенное действие, при этом не вариативное, и незавершенность усиливает, актуализирует мотив смерти.

В трех эпизодах мотив гибели реализован до конца: «енот» разбивается о грязные каменные ступени подземного перехода, его переезжает колесо грязной машины, он превращается в осколки под ударами механического пресса. Мотив смерти связан с мотивом невыносимости жизни – действие провоцируется окружающей обстановкой, визуально представленной серостью, холодом, грязью, безжизненностью пространства.

Депрессивный фон быстро сменяющихся эпизодов, представляющих собой разные формы ухода «енота» из жизни, поддерживается незамысловатым музыкальным фоном. Его минорный лад (тональность ля минор), медленный темп создают общее настроение глубокой печали. Первый раздел начинается тихим звучанием в высоком регистре в партии сопровождения интонации нисходящей малой терции (движение через один звук), подобно горестным вздохам. На ее однообразном фоне в верхнем голосе вступает мелодическая фраза с нисходящими плачущими секундовыми интонациями (постепенное движение вниз), передающими состояние одиночества и страдания. Далее динамика усиливается, примитивные мелодические ходы по звукам аккордов становятся громче на фоне фигураций по простейшим аккордам с нисходящим движением баса, усиливая внутреннее напряжение. В третьем кульминационном разделе мелодической фразы уже нет, остается только примитивное сопровождение из второго раздела, звучащее громко в высоком регистре с теми же навязчивыми басами. Музыка усиливает транслируемое визуальными средствами ощущение безысходности; если она и «не диктует непосредственно тех поступков, которые должны за ней последовать, то все же от ее основного действия... зависит то, какие силы она придает жизни и что оттеняет вглубь» [5, с. 313]. В анализируемом ролике музыка поддерживает мотив бессилия и смерти.

Противостояние «енота» и мира в каждом из восьми эпизодов заканчивается поражением героя, его смертью. В девятом, кульминационном, по замыслу авторов, эпизоде к фарфоровой фигурке «енота» тянется рука человека, кладущего на стол яркий тюбик клея. Рациональный замысел – реализовать экзистенциально значимый мотив «восстания из пепла», и посредством

его актуализировать потребительскую мотивацию, связав рекламируемый продукт с позитивными эмоциями, можно назвать креативным. При этом анализ художественного мира рекламного ролика позволяет утверждать, что мотив «восстания» задуман, но не реализован: последний эпизод не стал «ударным местом» – тем «pointe», о котором Л. С. Выготский говорил как об условии эстетической реакции, месте, где «происходит как бы короткое замыкание двух противоположных токов» [5, с. 174], обуславливающее катарсис и, следовательно, психологически создающий эффект.

«Восстановление» в анализируемом медианарративе немотивировано, «кульминационный момент» мрачен: герой предстает в бедной неуютной захлавленной комнате на столе между темными и пустыми фаянсовыми вазами. Эмоционально тема «воскрешения» не поддержана ни музыкой, ни визуальными образами. Более того, депрессивность кульминационного «возвращения в жизнь» усиливается контрастностью с эмоциональной яркостью предыдущего, восьмого эпизода, в котором смерть представлена как ликование – образом салюта, в который превращается запущенная «свеча бедствия».

Таким образом, анализ показал, что в художественном мире рекламного текста мотив смерти, использованный для привлечения внимания, не трансформируется в мотив «воскрешения». Более того, эмоционально поддержан посыл о том, что «воскрешение» бессмысленно и представляет собой возврат в одинокий неуютный мир.

Обыденность образа героя суицидального рекламного нарратива – «енота» и реалистичность окружающей его обстановки актуализируют процессы идентификации зрителя с героем и, следовательно, могут способствовать провокации мотива саморазрушения. Для верификации сформулированного на основе проведенного анализа предположения было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого определялась семантика «енота» – героя ролика, и сопоставлялась с семантикой внеконтекстного животного «енот», а также с семантикой животных, наделенных символическим значением: «волк», «медведь», «кошка» и «собака».

Результаты

Определение особенностей восприятия рекламного нарратива

В исследовании приняли участие 103 человека: 77 учащихся десятых классов двух общеобразовательных школ г. Иркутска и 26 студентов факультета сервиса и рекламы ИГУ, всего 55 юношей и 48 девушек.

Задачей, решаемой в ходе исследования, было выявление особенностей восприятия героя рекламного текста. С помощью метода семантического дифференциала определялась семантика героя рекламного ролика,

и проводилось ее сравнение с семантикой «человека» и обладающих стереотипным значением животных: «кошки», «собаки», «волка» и «медведя», а также с семантикой животного «енот».

Исследование проводилось в два этапа: на первом испытуемые оценивали вербальные стимулы, на втором определяли семантику героя нарратива «енота» после просмотра рекламного ролика.

Исходя из цели исследования, 25-шкальный вариант классического семантического дифференциала был дополнен шкалами: «смысл – бессмысленность», «жизнь – смерть», «общение – одиночество», «праздник – будни», «новое – старое», «временный – вечный», «суета – покой».

Полученные в результате исследования данные подверглись процедуре факторного анализа, который осуществлялся методом главных компонент. Вращение факторов производилось методом варимакс. Для оценки надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовался тест Кайзера – Мейера – Олкина (КМО) и коэффициент сферичности Бартлетта. После выделения факторной структуры с использованием уравнений множественной регрессии вычислялись факторные оценки выявленных переменных.

Учитывая оценки величины значения каждого фактора, мы выделили пять факторов, объясняющих после варимакс вращения 68,618 % суммарной дисперсии переменных.

В первый фактор с высокими факторными нагрузками вошли шкалы: «новый – старый» (0,762), «праздник – будни» (0,700), «полнота – пустота» (0,699), «общение – одиночество» (0,664), «интересный – неинтересный» (0,652), «смысл – бессмысленность» (0,647), «жизнь – смерть» (0,625), «наполненность – пустота» (0,558). Он обозначен «фактором общительности».

Второй фактор «легкости» оказался представленным шкалами: «легкий – тяжелый» (0,802), «простой – сложный» (0,728), «расслабленный – напряженный» (0,692), «порядок – хаос» (0,649). Третий – «фактор силы» – составили шкалы «крупный – мелкий» (0,767), «сильный – слабый» (0,751), «активный – пассивный» (0,647) и «быстрый – медленный» (0,569). В четвертый фактор «ума» вошли шкалы «острый – тупой» (0,758) и «умный – глупый» (0,679). Шкалы «временный – вечный» (0,796), «суета – покой» (0,690) и «влажный – сухой» (0,570) составили пятый «фактор времени».

Далее мы выявляли особенности оценки героя рекламного ролика, предполагая, что они проявятся в процессе сопоставления с семантикой наделенных стереотипным значением животных: волка, медведя, кошки и собаки, внеконтекстного образа енота, а также с семантикой «человека».

Анализ показал, что семантика животного енот значительно отличается от семантики «енота» – героя рекламного ролика. С помощью критерия

Манна – Уитни обнаружено, что по 29-ти шкалам и четырем факторам различия в их оценке достоверно различны ($p \leq 0,05$). При этом оценка животного «енот» близка оценкам родового понятия «человек»: только по первому фактору различия достоверны: «человек» более общителен ($p = 0,043$). Таким образом, исходная семантика использованного в ролике животного, наиболее близкая семантике «человека», позволяет интенсифицировать процессы идентификации при восприятии медианарратива. Это является основанием суждения о том, что трансформация семантики «енота», выявленная после просмотра ролика, может оказывать влияние на изменение смысловых установок зрителей относительно собственной жизни.

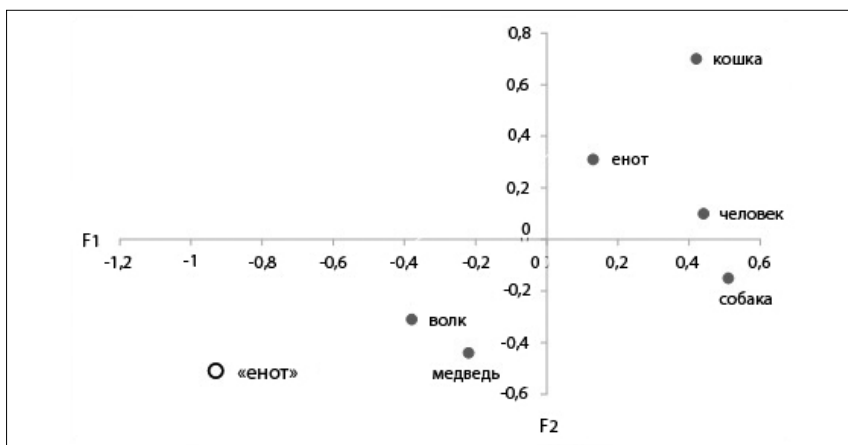

Рисунок 1. Значение стимулов в семантическом пространстве «общительности» (фактор 1) и «легкости» (фактор 2)

Figure 1. Stimuli in the 'sociability' (factor 1) and 'lightness' (factor 2) semantic spaces

Выявлено, что рекламный «енот» – самый «одинокий»: его оценка по фактору «общительности» $-0,93$; он даже более одинокий, чем «волк» (в стереотипное представление о котором входит понятие одиночества). Он же – самый «тяжелый» ($-0,51$), даже более тяжелый, чем получивший ожидаемо высокую оценку по этому фактору «медведь». На рисунке 1 показано, что рекламный герой располагается в той же части семантического пространства, что «волк» и «медведь», а вербальный стимул «енот» оценен респондентами значительно позитивнее – он наиболее близок оценке стимула «человек», а затем – оценке домашних животных: кошки и собаки. На основании этих данных можно судить об антропоморфизации внеконтекстного стимула «енот» при его восприятии,

а также о том, что трансформация семантики рекламного «енота» в зону негативных оценок связана с наделением его транслируемыми рекламным нарративом деструктивными смыслами.

В зоне высоких значений по фактору силы ожидаемо оказались стимулы: «волк» (0,56), «собака» (0,5) и «медведь» (0,45). Герой рекламного ролика слаб (-0,1), как слабы «человек» (-0,15), «енот» (-0,12) и «кошка» (-0,22). В художественном мире ролика «енот» абсолютно пассивен и покорен обстоятельствам, поэтому низкие значения его оценок по фактору «силы» закономерны. Менее ожидаема выявленная семантика «слабости» у «человека», маркирующая делегирование ему значения «беспомощности». Рекламный герой, как и внеконтекстный образ енота, воспринимается «глупым» ($F_4 = -0,24$), а самой «умной» оказывается кошка (0,2), что вполне соответствует стереотипному значению этого образа.

Согласно значениям фактора «временности», герой рекламного нарратива наделен семантикой покоя и вечности ($F_5 = -0,12$). На рисунке 2 представлено место рекламного персонажа в семантическом пространстве шкал «временный – вечный» и «суета – покой»: образ рекламного «енота» – в зоне отрицательных значений. Можно заключить, что оценка по этим шкалам отражает восприятие персонажа как близкого смерти, образ которой наделен в культуре значением вечного покоя.

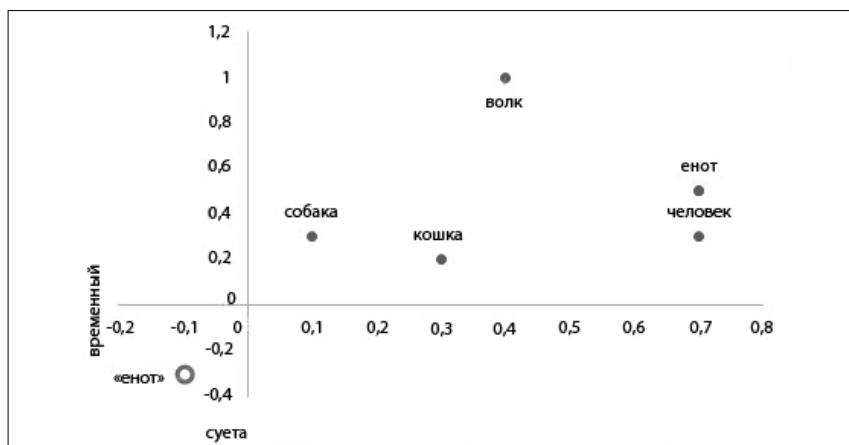
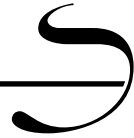

Рисунок 2. Значения стимулов в семантическом пространстве шкал «временный – вечный» и «суета – покой»

Figure 2. Stimuli in the 'temporary–eternal' and 'bustle–peace' semantic spaces

Исходя из предположений о трансляции роликом деструктивных смыслов, мы использовали для оценки персонажей шкалы «жизнь – смерть» и «смысл – бессмыслица». Исследование показало, что герой анализируемого ролика помещен в зону смерти (-1,9) и бессмысленности (-0,6) (рисунок 3). В этом особенность его восприятия, по сравнению с другими оцениваемыми стимулами, причем различия в оценке статистически значимы ($p = 0,00$). Домашние животные оцениваются по этим экзистенциально значимым шкалам более высоко, чем традиционные для национальной культуры персонажи: медведь и волк. Исходная семантика «енота» (0,42 по шкале «смысл – бессмысленность» и 1,35 по шкале «жизнь – смерть») значительно трансформировалась после просмотра ролика, при этом выявленные изменения негативны.

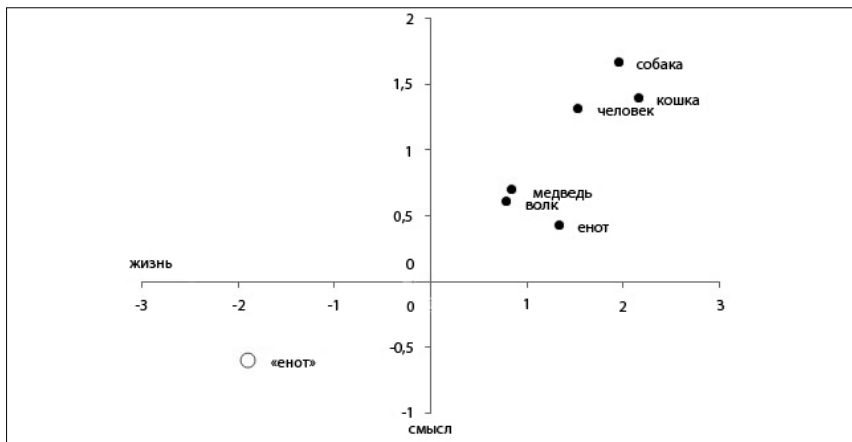

Рисунок 3. Значения стимулов в семантическом пространстве шкал «жизнь – смерть» и «смысл – бессмысленность»

Figure 3. Stimuli in the 'life–death' and 'meaning–meaninglessness' semantic spaces

Обнаруженный деструктивный сдвиг семантики «енота», спровоцированный восприятием медийного нарратива, демонстрирует и анализ значений оцениваемых стимулов по шкалам «праздник – будни» и «общение – одиночество». До просмотра ролика испытуемые поместили стимул «енот» в семантическую зону «праздничности» (0,5) и «общения» (0,4). Оценка «енота» – героя рекламного нарратива – в зоне выраженных отрицательных значений, причем различия с оценками других стимулов, определяемые с помощью коэффициента Манна – Уитни, статистически достоверны (рисунок 4).

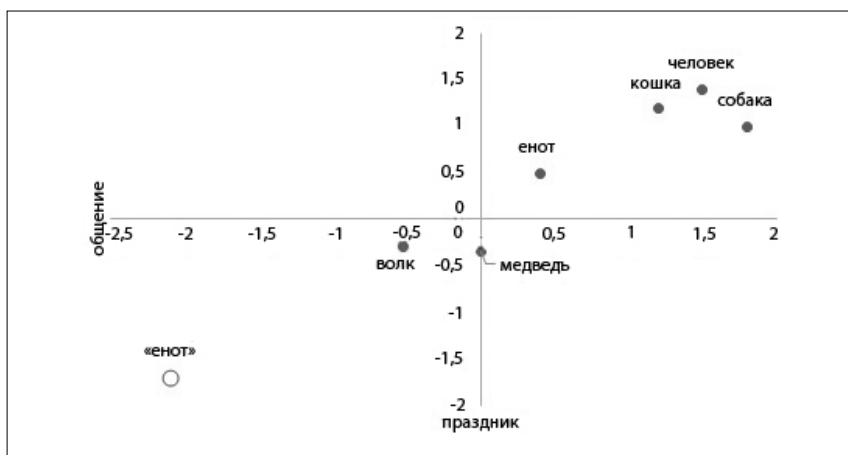

Рисунок 4. Значения стимулов в семантическом пространстве шкал «праздник – будни» и «общение – одиночество»

Figure 4. Stimuli in the 'holiday–weekday' and 'communication–loneliness' semantic spaces

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования, во-первых, определены смыслы, транслируемые рекламным роликом и выявленные в процессе его имманентного психологического анализа. Показано, что смысловая структура анализируемого нарратива двойственна: на прагматическом уровне, целью которого является актуализация потребительской мотивации, рекламное сообщение пытается передать информацию, связанную с мотивом оживления, восстановления, выздоровления. Анализ художественной организации текста позволил предположить, что другой реализованный в ролике уровень – экзистенциальный, связанный с мотивом смерти, невыносимости жизни и безальтернативности ухода из нее, является доминантным, определяет семантику рекламного нарратива и транслируемые им смыслы.

Достоверность сформулированного на основе психологического анализа рекламного нарратива суждения о его деструктивном содержании была проверена в процессе эмпирического исследования. Выявленные различия в оценке животного – «енота» и героя рекламного ролика – показали, что семантика животного претерпела выраженную деструктивную трансформацию. Отсутствие у «енота» устойчивой символической семантики (как у животных, используемых для сравнения: волка, медведя, кошки и собаки) обусловило

активизацию процессов его антропоморфизации и идентификации зрителя с образом героя. Это позволяет считать, что рекламный «енот» может провоцировать негативную мотивацию, в частности, суицидальную.

Вопрос о мотивирующем потенциале медийных текстов является трудным, нерешенным и требующим внимания в силу возрастающего значения медийных сообщений [28, 29, 30, 31]. Суждение о психологической деструкции или созидательности медианарративов должно опираться на комплексный психологический анализ, учитывающий не только содержательный уровень медиатекста, но и уровень организации его формы. В процессе анализа различных, архитектурных и музыкальных особенностей текста показано, что семантика образа животного, исходно не наделенного символическим значением, трансформируется в рекламном нарративе, причем характер изменений определяется художественным контекстом и влияет на транслируемые потребителю смыслы.

Литература

1. *Ефименко В. А.* Кинонарратив как объект нарратологического анализа // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 9–2 (27). С. 87–90.
2. *Chatman S.* Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film. Ithaca: Cornell University Press, 1990. 256 p.
3. *Fludernik M.* Histories of Narrative Theory (II): From Structuralism to the Present // *A Companion to Narrative Theory* / J. Phelan, P. J. Rabinowitz (Eds.). Malden: Blackwell Publishing, 2005. P. 36–59. DOI: [10.1002/9780470996935.ch3](https://doi.org/10.1002/9780470996935.ch3)
4. *Narratology in the Age of Cross-Disciplinary Narrative Research* / S. Heinen, R. Sommer (Eds.). Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2009. 309 p.
5. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Лабиринт, 1997. 416 с.
6. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
7. *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб: Изд-во Европейского ун-та, 2010. 336 с.
8. *Кафтанджиев Х.* Семиотика Абсолюта. М.: РИП-Холдинг, 2006. 354 с.
9. *ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
10. *Матисон Д.* Медиа-дискурс: Анализ медиа-текстов. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 264 с.
11. *Винтерхофф-Шнурк П.* Медиапсихология: Основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 268 с.
12. *Пронина Е. Е.* Психологическая экспертиза рекламы: Теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000. 100 с.

13. *Смирнова Е. О., Соколова М. В.* Психолого-педагогическая экспертиза мультфильмов для детей и подростков // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 4. С. 4–11.
14. *Reeves B., Yeykelis L., Cummings J. J.* The Use of Media in Media Psychology // Media Psychology. 2016. Vol. 19, Issue 1. P. 49–71. DOI: [10.1080/15213269.2015.1030083](https://doi.org/10.1080/15213269.2015.1030083)
15. *Маклюэн Г. М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2017. 464 с.
16. *Кыштымова И. М.* Психосемиотика креативности. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. 579 с.
17. *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. М.: Изд-во «Институт практ. психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.
18. *Кыштымова И. М.* Психологическая безопасность в информационном пространстве: имманентный анализ текста и его семантика // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9, № 1. С. 17–23.
19. *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. 504 с.
20. «Клей секунда» / Енот – Рекламный ролик (Ночь пожирателей рекламы) // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/video/8396145982> (дата обращения 10.07.2018).
21. *Кубрак Т. А.* Информационно-психологическая безопасность в кино-дискурсе: состояние проблемы // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во ИП РАН, 2016. С. 220–241.
22. *Попов Ю. В., Пичиков А. А.* Суицидальное поведение у подростков. СПб.: СпецЛит, 2017. 366 с.
23. *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.
24. *Okdie B. M., Ewoldsen D. R., Muscanell N. L., et al.* Missed Programs (You Can't TiVo This One). Why Psychologists Should Study Media // Perspectives on Psychological Science. 2014. Vol. 9, Issue 2. P. 180–195. DOI: [10.1177/1745691614521243](https://doi.org/10.1177/1745691614521243)
25. *Folkvord F., Reit J. V.* The persuasive effect of advergames promoting unhealthy foods among children: A meta-analysis // Appetite. 2018. Vol. 129. P. 245–251. DOI: [10.1016/j.appet.2018.07.020](https://doi.org/10.1016/j.appet.2018.07.020)
26. *Dubreu-Béclin A.* Exposition aux écrans et croissance psychique. Exposure to screens and psychic development in children // L'Évolution Psychiatrique. 2018. Vol. 83, Issue 3. P. 399–414. DOI: [10.1016/j.evopsy.2018.05.002](https://doi.org/10.1016/j.evopsy.2018.05.002)
27. *Вихристюк О. В.* Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2, № 1. С. 100–108.

28. Степнова Л. А. Психологическая экспертиза информации, пропагандирующей подростковый суицид // Развитие профессионализма. 2016. № 1 (1). С. 222–223.
29. Baker D., Fortune S. Understanding SelfHarm and Suicide Websites: A Qualitative Interview Study of Young Adult Website Users // Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. 2008. Vol. 29, Issue 3. P. 118–122. DOI: [10.1027/0227-5910.29.3.118](https://doi.org/10.1027/0227-5910.29.3.118)
30. Ruder T. D. et al. Suicide Announcement on Facebook // Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. 2011. Vol. 32, Issue 5. P. 280–282. DOI: [10.1027/0227-5910/a000086](https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000086)
31. Longbottom S., Slaughter V. Sources of children's knowledge about death and dying // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2018. Vol. 373, Issue 1754. DOI: [10.1098/rstb.2017.0267](https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0267)

References

1. Efimenko V. A. Film narrative as object of narratological analysis. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 9–2 (27), pp. 87–90 (in Russian).
2. Chatman S. *Coming to terms: The rhetoric of narrative in fiction and film*. Ithaca, Cornell University Press, 1990. 256 p.
3. Fludernik M. Histories of narrative theory (II): From structuralism to the present. In: J. Phelan, P. J. Rabinowitz (eds.) *A companion to narrative theory*. Malden: Blackwell Publishing, 2005. P. 36–59. DOI: [10.1002/9780470996935.ch3](https://doi.org/10.1002/9780470996935.ch3)
4. Heinen S., Sommer R. (eds.) *Narratology in the age of cross-disciplinary narrative research*. Berlin–N. Y., Walter de Gruyter, 2009. 309 p.
5. Vygotskii L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 416 p.
6. Barthes R. *Mythologies*. New York, Hill & Wang, 1957 (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovoykh Publ., 2000. 320 p.).
7. Metz Ch. *Psychoanalysis and cinema: The imaginary signifier*. London, MacMillan, 1982 (Russ. ed.: Metts K. *Voobrazhaemoe oznachayushchee. Psikhooanaliz i kino*. St. Petersburg, European University Publ., 2010. 336 p.).
8. Kaftandzhiev Kh. *Semiotika absolyuta* [Semiotics of absolute]. Moscow, RIP-Kholding Publ., 2006. 354 p.
9. van Dijk T. A. *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication* (Russ. ed.: van Deik T. A. *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow, Librokom Publ., 2013. 344 p.).
10. Matheson D. *Media discourses: Analysing media texts* (Russ. ed.: Matison D. *Media-diskurs: Analiz media-tekstov*. Kharkov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2013. 264 p.).

11. Winterhoff-Spurk P. *Metapsychology: Basic principles* (Russ. ed.: Vinterkhoff-Shpurk P. *Mediapsikhologiya: Osnovnye printsipy*. Kharkov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2016. 268 p.).
12. Pronina E. E. *Psikhologicheskaya ekspertiza reklamy: Teoriya i metodika psikhotekhnikeskogo analiza reklamy* [Psychological expertise of an advertisement: Theory and methodology of psycho-analysis of an advertisement]. Moscow, RIP-kholding Publ., 2000. 100 p.
13. Smirnova E. O., Sokolova M. V. Psychological and pedagogical expertise of animated films for children and teenagers. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*, 2014, V. 10, no. 4, pp. 4–11 (in Russian).
14. Reeves B., Yeykelis L., Cummings J. J. The use of media in media psychology. *Media Psychology*, 2016, V. 19, Issue 1, pp. 49–71. DOI: [10.1080/15213269.2015.1030083](https://doi.org/10.1080/15213269.2015.1030083)
15. McLuhan M. *Understanding media: The extensions of man*. Berkeley, Gingko Press, 1964 (Russ. ed.: Maklyuen G. M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017. 464 p.).
16. Kyshtymova I. M. *Psikhosemiotika kreativnosti* [Psychosemiotics of creativity]. Irkutsk, ISU Publ., 2008. 579 p.
17. Lomov B. F. *Sistemnost' v psikhologii* [Consistency in psychology]. Moscow, Voronezh, Modek Publ., 1996. 384 p.
18. Kyshtymova I. M. Psychological security in the information space: An immanent analysis of the text and its semantics. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii – Psychology in Economics and Management*, 2017, V. 9, no. 1, pp. 17–23 (in Russian).
19. Gasparov M. L. *Izbrannye trudy. T. II. O stikhakh* [Selected works. V. 2. On the poems]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 504 p.
20. “Sekunda” glue: The raccoon promotional video: The night of the ad eaters. (*Odnoklassniki*). Available at: <https://ok.ru/video/8396145982> (Accessed 10 July 2018).
21. Kubrak T. A. Information and psychological security in the cinema discourse: Current status of the problem. In: A. L. Zhuravlev, N. D. Pavlova, I. A. Zachesova (eds.) *Psikhologiya diskursa: problemy determinatsii, vozdeistviya, bezopasnosti* [Discourse psychology: Problems of determination, influence, and security]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2016, pp. 220–241.
22. Popov Yu. V., Pichikov A. A. *Suitsidal'noe povedenie u podrostkov* [Suicidal behaviour in adolescents]. St. Petersburg, Spetslit Publ., 2017. 366 p.
23. Savchuk V. V. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media philosophy: Reality attack]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2014. 350 p.

24. Okdie B. M., Ewoldsen D. R., Muscanell N. L., et al. Missed programs (You can't TiVo this one). Why psychologists should study media. *Perspectives on Psychological Science*, 2014, V. 9, Issue 2, pp. 180–195. DOI: [10.1177/1745691614521243](https://doi.org/10.1177/1745691614521243)
25. Folkvord F., Reit J. V. The persuasive effect of advergames promoting unhealthy foods among children: A meta-analysis. *Appetite*, 2018, V. 129, pp. 245–251. DOI: [10.1016/j.appet.2018.07.020](https://doi.org/10.1016/j.appet.2018.07.020)
26. Dubreu-Béclin A. Exposition aux écrans et croissance psychique. Exposure to screens and psychic development in children. *L'Évolution Psychiatrique*, 2018, V. 83, Issue 3, pp. 399–414. DOI: [10.1016/j.evopsy.2018.05.002](https://doi.org/10.1016/j.evopsy.2018.05.002)
27. Vikhristyuk O. V. Impact of Mass-media information on suicidal behaviour of adolescents and youths (review of foreign sources). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 2013, V. 2, no. 1, pp. 100–108 (in Russian).
28. Stepnova L. A. Psychological expertise of information that promotes adolescent suicide. *Razvitie professionalizma – Development of Professionalism*, 2016, no. 1 (1), pp. 222–223 (in Russian).
29. Baker D., Fortune S. Understanding selfharm and suicide websites: A qualitative interview study of young adult website users. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 2008, V. 29, Issue 3, pp. 118–122. DOI: [10.1027/0227-5910.29.3.118](https://doi.org/10.1027/0227-5910.29.3.118)
30. Ruder T. D. et al. Suicide announcement on Facebook. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 2011, V. 32, Issue 5, pp. 280–282. DOI: [10.1027/0227-5910/a000086](https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000086)
31. Longbottom S., Slaughter V. Sources of children's knowledge about death and dying. *Philosophical Transactions of the Royal Society*, 2018, V. 373, Issue 1754. DOI: [10.1098/rstb.2017.0267](https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0267)

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в формате редактора Word doc или docx, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и пр.) приводится в виде списка в конце статьи. В тексте ссылка на источник делается по Ванкуверскому стандарту, путем указания (в квадратных скобках) номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении библиографического списка используйте ГОСТ 7.0.5-2008.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов, 10 ключевых фраз, основные положения статьи. Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, а также на правильность оформления материала. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиям публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте «Российского психологического журнала»: <https://rpj.ru.com>

PAPER SUBMISSION GUIDELINES

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the Journal.

To be accepted for publishing in the Journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times New Roman.

If cited in article the literature is pointed out (according to the Vancouver Style) at the end of the article. Reference to sources as a number of the cited book or article (with the number of page) is denoted in brackets. When writing references use the State Standard 7.0.5-2008.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words, a list of 10 keywords, highlights. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system, and verify the formal correctness of the material. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at:

<https://rpj.ru.com>

Редакция информирует о том, что в статье Т. С. Войтехович, Н. Н. Симоновой «Особенности саморегуляции работников различных групп профессий вахтового труда на Крайнем Севере» (2018. Т. 15, № 2. С. 133–168) аффилиацию автора Н. Н. Симоновой следует читать:

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

В статье «Karpov A. V., Razina T. V. Technique for Studying Motivation Toward Scientific Activity: Development and Practical Application. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2018, Thematic Issue 1 (Vol. 15, no. 2/1), pp. 57–68. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.1.4» на странице 66 пропущен текст следующего содержания:

Acknowledgments

This work was supported by grant 16-18-10030 from the Russian Science Foundation (RSF) and by grant 18-013-00723 from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) for studying Metacognitive Regulation of Motivation Toward Scientific Activity in Professional Stress.

(Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), № проекта 16-18-10030, и при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-013-00723 «Метакогнитивная регуляция мотивации научной деятельности в профессиональном стрессе».)

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2018
ТОМ 15 № 3

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2018
Vol. 15 Issue 3

Сдано в набор 08.10.2018 Подписано в печать 15.10.2018
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 18,85. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 32

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш Н.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru